ПИОНЕР 5

1984

Цветы — к Мавзолею В. И. Ленина.

19 МАЯ — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ПИОНЕРИИ

ПИОНЕРСКИЙ ПАРАД

60 лет назад пионерская организация торжественно приняла имя В. И. Ленина

В истории Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина есть события, которые навечно вписаны в летопись детской коммунистической организации. В январе 1924 года экстренный пленум ЦК РКСМ постановил переименовать существующие в СССР детские коммунистические группы пионеров имени Спартака в «Детские коммунистические группы юных пионеров имени т. Ленина». В обращении к пионерам страны говорилось: «Ильич учил нас никогда не теряться, шагать твердо к намеченной цели, и мы выполним этот завет Ильича».

Двести тысяч пионеров готовились торжественно принять имя вождя Октября.

...Шел месяц май. Со всех концов страны в Москву съехались делегаты XIII партийного съезда. Было принято решение: в присутствии делегатов, ветеранов партии провести 23 мая пионерский парад, на котором юные пионеры Москвы примут имя Ленина.

Над столицей — яркое солнце, чистое небо. С самого утра к Красной площади потянулись отряды Красной Пресни, Замоскворечья, Сокольников...

На улицах гремят барабаны, разносятся звонкие пионерские песни. Многие пионеры пришли на парад в новой пионерской форме, сшитой своими руками. В три часа дня десять тысяч пионеров выстроились перед Мавзолеем В. И. Ленина. Из ворот Спасской башни выходят делегаты партийного съезда во главе с президиумом. Их встречают громкими аплодисментами. Наступает волнующая минута. К пио-

23 мая 1924 года. На Красной площади выстроились пионерские отряды, чтобы дать клятву верности советскому народу, партии, Родине.

нерам обращается один из старейших большевиков — Феликс Кон:

«Юные товарищи! Вы пришли сюда, на ту площадь, где собраны лучшие силы революции. Вы пришли сюда, к могиле нашего великого учителя. Вы пришли к могилам великих революционеров. И этим самым вы уже сказали, что ко всем боям, которые стоят перед вами, вы готовитесь, что в ваш лозунг вы внесете подлинное содержание, вольете в него жизнь...»

Он зачитывает текст Торжественного обещания, и десять тысяч звонких голосов повторяют его слова:

«Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю, что буду твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира, буду честно и неуклонно выполнять законы и обычаи юных пионеров и заветы Ильича».

Оркестр играет «Интернационал». Михаил Васильевич Фрунзе, легендарный герой гражданской войны, дает команду начать марш пионеров. Мимо Мавзолея В. И. Ленина, мимо делегатов партийного съезда проходят стройные колонны юных пионеров. Впереди — красные знамена.

А вечером на пионерских сборах ребята горячо, с волнением рассказывают своим друзьям о том, как прошел пионерский парад, как они дали клятву верности партии Ленина.

Пионерский парад — это торжественный смотр единения юных ленинцев Страны Советов вокруг Коммунистической партии и своего боевого вожатого — Ленинского комсомола, смотр успехов пионерских отрядов и дружин в учении, труде, общественной работе, коллективный рапорт юной смены старшему поколению борцов.

Пионерские парады проводятся по случаю особо важных событий в жизни пионерской организации. В них принимают участие представители всех пионерских коллективов, а во Всесоюзном параде — лучшие представители республиканских пионерских организаций.

Пионерский парад открывает группа знаменосцев с ассистентами. На Всесоюзном параде на Красной площади во главе знаменной колонны — знамя Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина, памятное знамя ЦК ВЛКСМ.

Торжественный парад, как правило, замыкают колонны лучших отрядных и старших пионервожатых.

Пионерский парад на Красной площади состоялся 19 мая 1962 года, когда пионерская организация отмечала свое 40-летие и была награждена орденом Ленина. 19 мая 1972 года на Красной площади состоялся пионерский парад в честь 50-летия пионерской организации и награждения ее вторым орденом Ленина, а 19 мая 1982 года по Красной площади вновь прошли пионерские колонны. Твоей организации в день шестидесятилетнего юбилея было вручено памятное знамя ЦК ВЛКСМ.

Сейчас прозвучит сигнал горнистов, и на Красной площади начнется парад в честь 60-летия Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

Валерий АУШЕВ

ПИСЬМО НА БРОНЕ

*Петровка, наш родной поселок,
В сосновом прячется бору.
К нам часто солнце,
как подсолнух,
Стучится в окна поутру.
И мы ватагою курносой,
Надев, как шляпы, лопухи,
Слетаем кубарем с откоса
К прибрежным зарослям глухим...
Отсюда каждый день стартуют
Модели наши в облака,
И окуньками салютует
Успешным запускам река!*

*... Сегодня нам не повезло:
Ракета огненной стрелой
Взметнулась вверх и,
Как назло,
Упала где-то за ветлой.
Искали мы ее полдня,
И вдруг в канаве у плетня
Нашлась... плита.
Большая ржавая плита
Была водою залита,
А на поверхности плиты
Вчерашний дождь открыл следы.
Потоком смыло толщу пыли,
И тут же строчки проступили:
«Подбил я...
Три фашистских танка...
Гранатометчик
К. Петров...»
И тихо пояснила Танька
Нехитрый смысл солдатских слов:
— Вот здесь, у речки, за поселком,
Когда в атаку рвался враг,
Возможно, написал земляк
Последнее письмо. Осколком.
Слова он вывел торопливо
На краске танковой брони,
Надеясь, что среди разрывов
Не затеряются они,
Дойдут и до его родни...*

***

*Обступили мы канаву,
Где окоп когда-то был,
Где в бою за переправу
«Тигры» наш земляк подбил.*

*— Может, зря, ребята, тужим?
Может, жив он и здоров,
Не убит и не контужен
Храбрый воин К. Петров?*

*— Побежали в сельсовет:
Верно, там дадут ответ!..*

*Нам сказали в сельсовете,
Что Петровых тьма на свете!
Лишь в одном селе у нас
Проживает их сейчас
Двести восемьдесят пять!
Трудно будет отыскать
Нам героя-земляка.
Сколько встретится имен
Здесь у нас на букву «к»:
Дед Корней, дед Капитон,
Дед Климентий, дед Кондрат,
Дед Касьян, дед Калистрат,
Дед Кузьма, дед Константин —
Все Петровы, как один!*

***

*Где дорога
Петляет по-заячьи,
То ли звёзды горят, глаза ли чьи?
То ли месяц сияет подковкой?
Это свет фонарей над Петровкой...*

Вот калитка.
За ней
Встретил нас дед Корней.

— Ищем всюду смельчака
Земляка Петрова К.

— Нет, друзья, не я герой,—
Он, вздохнув, махнул рукой.—
Я был ранен за Днепром
И отправлен в тыл, на отдых.
Так что я здесь ни при чем—
Нет, внучки́,
какой тут подвиг!
Вот Кондрат, приятель мой,
Повидал на свете много.
Он живет через дорогу—
Вы к нему б зашли домой.

***

Самовар Кондрат поставил,
Пригласил за стол ребят,
Плечи молодо расправил
И припомнил дед Кондрат,
Как в войну был торпедистом
На подлодке боевой:
— Тяжело пришлось фашистам
На воде и под водой:
Грозно и неуловимо
Наша «Щука» шла вперед.
Мы торпедною лавиной
Сокрушили вражий флот!
Вот и все мое геройство—
Отправлял на дно суда...
Так что вы, ребята, просто
Заглянули не туда.
Вам нагрянуть бы к соседу—
Дом его у родника.
Походил Кузьма по свету,
Он—герой. Наверняка...

***

Вышел к нам Кузьма с листовкой:
Он в окопе снят с винтовкой,
Подпись: «Снайпер К. Петров
Очень метко бьет врагов!»

Деду мы помочь решили:
Накололи дров ему,
Печку мелом побелили,
Принесли воды и лилий
И лишь после окружили
В кухне снайпера Кузьму.

— Нет, друзья,
не я вам нужен:
Я под Курском был контужен
И затем в запас уволен...
А домой пришел—
зола,
Печь с трубой,
как черный ворон,
У околицы села.
Жизнь, скажу, была не мед—
Пятерых пригрел сирот,
Строил дом, стирал ночами...
Помогли односельчане
Бедам старого солдата.
Выросли мои ребята,
Разлетелись по стране,
Шлют внучат теперь ко мне...

***

Обошли мы сто дворов,
Не нашли героя боя—
Настоящего героя
По фамилии Петров.

Но мы поняли, однако,
Что живем в селе таком,
Где солдатскою отвагой
Удивляет каждый дом.
Сколько слышали имен:
Дед Корней, дед Капитон,
Дед Климентий, дед Кондрат,
Дед Касьян, дед Калистрат,
Дед Кузьма, дед Константин—
Все Петровы, как один!
Все бодры,
бесстрашны,
бравы,
Мирным заняты трудом.
Стал для нас Музеем славы
Каждый дом в селе родном!

Рисунок В. ДОНСКОВА.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

Вечерние игры

РАССКАЗ ИЗ ЦИКЛА «ШЕСТАЯ БАСТИОННАЯ»

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Улица Генерала Петрова пересекает Шестую Бастионную как раз посередине, на горе, в Артиллерийской слободке. Это район старых улочек с белыми домиками под черепицей. Стены домиков сливаются с такими же белыми заборами, над которыми висят на жердях плети винограда. Здесь много крутых извилистых спусков, кремнистых тропинок, каменных лесенок и заросших жесткой травою тупичков. В траве рассыпаны мелкие желтые цветы.

Перекресток, о котором я упомянул, широкий. Это маленькая площадь. Каменистая, с небольшими островками зелени. С будкой, на которой ржавеет вывеска «Керосин». С магазинчиком на углу. Здесь я покупаю на ужин маринованные оливки и очень мягкий хлеб.

У каждого есть любимые города, а в этих городах — любимые места. Я очень люблю Севастополь, а в Севастополе — Артиллерийскую слободку. Не беда, что здесь нет роскошных зданий и пышных бульваров. Старые маленькие улицы тоже нужны. Они помогают людям ценить скромную красоту и не забывать прошлое.

Я часто брожу по слободке. Если бы не столбы с проводами и не антенны над оранжевой, похожей на корытца черепицей, могло бы показаться, что ты попал во времена парусных кораблей и Первой обороны...

Лучше всего здесь бродить вечером, когда солнце уже нырнуло в море, а в травяных зарослях пробуют свою музыку цикады (или ночные кузнечики, или сверчки — их по-всякому называют). Они дают пока не сильные и не длинные трели. Словно сказочные стеклянные самолетики в траве начинают прокручивать перед взлетом крошечные моторы...

Почти всегда улочки выводят меня на ту маленькую площадь. С одного края у нее — лестничная площадка. По лестнице улица Генерала Петрова спускается к шоссе, бегущему в Херсонес, к древним развалинам и раскопкам. А Шестая Бастионная тянется вдоль пологого верха горы дальше, к Катерной, где на углу до сих пор стоит оборонительная башня бастиона...

Если встать на парапет лестницы, увидишь берег Херсонеса с разрушенным храмом, а дальше — небоскребы нового района у Камышовой бухты. А над берегами, над развалинами и небоскребами — громадное светлое море и закат.

Закат бросает бронзовые отсветы на Городской холм — на белые дома, на зелень. На купол Владимирского собора, где похоронены четыре адмирала. Яблоко и крест над куполом загораются золотым огнем. Этот огонь виден в море издалека. Недаром собор отмечен в лоциях и на морских картах как знак для судоводителей...

Все мне здесь знакомо-знакомо. И эти улицы вдали на холме, и эта кремнистая площадь, и эта лестница, и дворик рядом с ней — там на плоском сарайчике всегда лежит перевернутый корпус маленькой яхты. И запахи ласкового южного сентября, и стеклянные трели цикад, и голоса мальчишек — здесь, на площади, и в ближних переулках.

Мальчишки играют. Недавно прошел на телеэкранах трехсерийный фильм «Д'Артаньян и три мушкетера», и сейчас во дворах, на пустырях и перекрестках стучат деревянные шпаги. Их частый неравномерный стук перемешивается с веселой перекличкой и боевыми командами, горячим дыханием бойцов и цоканьем подошв по камням. Это тоже очень знакомо. Это было всегда...

Мимо промчался пацаненок лет девяти. Смугло-золотой от загара и заката. Распахнутая голубая рубашка летела у него за спиной, как мушкетерский плащ, не хватало только вышитых серебряными нитками крестов и лилий. В каждой ру-

ке мальчишка держал по деревянному мечу. Один — за рукоять, второй — за середину клинка. Наверно, этот второй меч он спешил отнести товарищу.

Мальчик проскочил так близко, что мне приподняло ветром волосы. И я на миг ощутил запах свежеоструганной древесины. И даже успел разглядеть оружие: янтарные сосновые волокна вдоль клинков, прибитую гвоздем перекладину у рукоятки, грубовато оструганный эфес... И сразу память толчком подбросила давнее-давнее ощущение: как прикасается ладонь к деревянной рукояти, которую только что обработал кухонным ножом. Как сжимают эту рукоять пальцы. Как переносится на мышцы предплечья увесистость вытесанного из доски клинка. Ж-жих! — и валится у забора срезанный под корень куст чертополоха. А в дальнем конце двора, у сараев и похожих на крепости поленниц уже нетерпеливо окликают меня мальчишки — мои приятели с улицы Герцена...

Я вглядываюсь в память, как в глубокое темноватое зеркало, и вижу себя — четвероклассника послевоенных сороковых годов из городка Тюмени, что стоит на полынных и глинистых берегах Туры. Отчетливо вижу, от макушки до пяток.

На макушке — сатиновая тюбетейка. Когда-то она была бордовая, а сейчас от солнца и дождей стала светло-рыжая. Жиденький вышитый узор на ней совершенно поблек, из него торчат нитки. Тюбетейка закрывает лишь темя. Отросшая челка (к августу — выгоревшая до полной белизны) лежит на расцарапанном лбу. Кожа на оттопыренных ушах много раз облезла от солнечного ожога и теперь покрывает их прочным слоем, напоминающим тонкую древесную кору. Похожая на коричневую резиновую трубку шея торчит из ворота ковбойки — рубашки в мелкую красно-желтую клетку.

Сейчас многие думают, что ковбойка — это просто клетчатая рубашка. Но в те времена у настоящих ковбоек обязательно были большие накладные карманы с клапанами и, главное, особый воротник. Его уголки пристегивались пуговками. И не только спереди. Сзади тоже был острый уголок и тоже пристегивался. Это было красиво и удобно во всех случаях, кроме одного, когда надо идти в школу и надевать галстук. Сквозь него воротник сзади не пристегнешь. Правда, мой одноклассник Мишка Маслов однажды сделал в галстуке прорезь для пуговки. Но это новшество заметила вожатая Рита и устроила Мишке вполне справедливый нагоняй...

Я свою ковбойку очень любил. После нескольких дней уличных похождений она становилась мятой и перемазанной, и я нетерпеливо танцевал рядом с мамой во время стирки. И потом натягивал ковбойку снова — прямо на голое тело, удивительно свежую, еще горячую от утюга...

Я продолжал любить ее даже тогда, когда мой дядюшка — дядя Боря, живший на улице Герцена в проходной комнатушке флигеля, разочаровал меня. Он объяснил, что надо писать не «кавбойка», а «ковбойка». Я сперва заспорил, я был уверен, что это название происходит от слова «кавбой», то есть «кавалерийский боец». Мне почему-то казалось, что так назывались конники во время гражданской войны в Соединенных Штатах, когда северяне дрались за свободу негров. Но дядя Боря разъяснил, что «ковбой» по-нашему значит «коровий

парень». То есть пастух коровьих стад в широкой прерии американского дикого Запада.

Ну, пастух так пастух. И я энергично запихал подол ковбойки под брезентовый солдатский ремешок, которым подпоясывал штаны из рыжего потертого вельвета.

Штаны подобной конструкции тогда носил чуть ли не каждый второй мальчишка. Просторные, с глубокими карманами, не длинные и не короткие, а такие, что полагалось застегивать под коленками. Обычно никто их не застегивал, и манжеты с нитками на месте оторванных пуговиц болтались на искусанных комарами и расчесанных икрах, над сандалиями с пятью дырочками и тонким поперечным ремешком. Эти сандалии, с протертыми насквозь подошвами, стоптанные, пыльно-бесцветные и невесомые, были всегдашними спутниками нашей летней жизни. Впрочем, иногда мы сбрасывали их, чтобы побегать босиком. И от поперечных ремешков оставались полоски светлой кожи, они почему-то долго не загорали...

Я подумал, что если бы я сейчас появился на Шестой Бастионной в своем тогдашнем виде — в тюбетейке на стриженой макушке, в ковбойке и растрепанных вельветовых шароварах, то, пожалуй, очень выделялся бы среди теперешних ребят. Но одно у нас было абсолютно одинаковым — деревянное оружие.

В те давние годы тоже шли фильмы про мушкетеров. Трофейные. Сняты они были в разных странах, а взяты во время войны на немецких складах. Многие мальчишки, да и взрослые тоже, напевали тогда и насвистывали песенку д'Артаньяна:

О, Вар-вар-вар-вар-вара,
Приехал я в Париж,
Красотками набитый
От погребов до крыш!

Или что-то в этом роде.

Нас немного смущало, что мушкетерами в этой кинокомедии оказались переодетые повара и что в конце картины они бесславно улизнули из мушкетерского строя. Но д'Артаньян был настоящий, и его подвиги тоже были настоящие! А что касается настоящих Атоса, Портоса и Арамиса, то мы знали: про них есть толстая книга. Правда, книгу эту никто из нас не видел. Она была легендой. Вроде легенд о подземном ходе на берегу Туры или о предстоящей отмене весенних экзаменов в четвертых и пятых классах. По крайней мере мы верили и в то, и в другое, и в третье. Изредка возникали слухи, что пухлый том «Мушкетеров» сейчас есть у некоего Витьки Лопухина по прозвищу «Буся» или у Вовки Шинкарева — одноклассника Вовчика Сизова (у которого велосипед «диамант»). Но даже «сильные мира сего» — такие, как девятиклассник Валька Сидор или мой бывший сосед Лешка Шалимов, не могли добыть эту книгу хотя бы на день.

Однако мушкетерские легенды жили. И очередной фильм из времен Людовиков XIII и XIV заставлял их разгораться новым пламенем. И во дворах начинали стучать деревянные шпаги.

Были у нас и другие военные игры: в партизан, в разведчиков, в «штурм горы». Игры с самодельными автоматами, гранатами и деревянными пистолетами. Но я вспоминаю сейчас бои и приключения, овеянные сенью летящих мушкетерских плащей. В них была особая романтика рыцарства и привкус неисчезающей тайны.

По какому-то не изученному еще закону природы такие игры начинаются всегда под вечер. Может быть, потому, что вечером исчезает дневная откровенность красок, и в приглушенном свете старые сказки делаются ближе и реальнее.

Мы собирались в просторном дворе на улице Герцена. В нем прошло мое раннее детство. Теперь я жил не здесь, но прибегал сюда каждый день к дяде Боре и к старым приятелям: Вовке Покрасову, Тольке Петрову, Амиру Рашидову. Двор был просторный, с травой и могучим тополем, с зарослями репейника и крапивы у заборов.

Длинные поленницы в дальнем конце двора пахли лесом: грибной сыростью и смолой. К локтям и ладоням прилипала золотистая сосновая чешуя. Пергаментные полоски тонкой бересты шевелились под ветерком. От березовых поленьев на штанах оставались пятна, как от покрашенной мелом стенки. Приходило время, когда неяркое сплющенное солнце повисало в конце улицы, пыль делалась рыжей, и по этой пыли совсем по-деревенски брело с выпасов коровье стадо. Тоже в основном рыжее. Коровы тыкались мордами в старые калитки с железными кольцами. Потом из открытых сараев слышался звон молочных струек о подойники (сейчас мне напоминают этот звон крепнущие трели цикад). Во взрослой жизни наступал вечерний покой. А мушкетерская жизнь только начиналась.

Приходили знакомые мальчишки со всего квартала: из угловых домов, из «большой ограды» — громадного двора с двухэтажными деревянными домишками. Делились на мушкетеров и гвардейцев, будто на две команды для футбола: «Матки, матки, чей допрос: «Кинжал» или «Шпага»?» Потом договаривались: какая сегодня игра.

Мушкетерская жизнь полна разнообразных приключений, поэтому игры были тоже разные: то открытые схватки — шеренга на шеренгу, то взятие бастиона (все той же поленницы), то хитрые засады и погони, а в конце — опять лихая стычка...

Не помню, чтобы мы выбирали себе точные имена: кто Атос, кто Портос и так далее. Мало того, в горячке боя гвардейцы часто забывали, что они не мушкетеры, и самозабвенно орали: «Долой карди-

нашку!» Такое нарушение правил прощалось. Но были и незыблемые правила. Нельзя было нападать со спины. С боков можно, а со спины — ни в коем случае. Нельзя бить по ногам и по голове. Нарочно по рукам тоже нельзя. И когда попадало по пальцам, каждый знал: это случайность, обижаться не надо. Подуешь на пальцы, оближешь ссадины на костяшках, иногда слезы сглотнешь — и снова в бой! До победы или пока не ткнут в грудь три раза. В этом случае спорить не полагалось: попало три раза — значит, убит. Иначе будет не игра, а сплошной крик и ругачка. Вообще-то, конечно, спорили, но не часто. Если уж казалось, что очень несправедливо тебя записали в убитые...

Играли мы и в «алмазные подвески». Что это такое и как они выглядят, никто не знал. Мы их делали из граненых стеклянных пробок от графинов. Но пробок часто не хватало, и в ход шла всякая мелочь: костяшки от канцелярских счетов, гайки, большие пуговицы. Подвески разбирали себе гвардейцы. Каждый брал одну. Он подвешивал ее на тесемке к поясу, а то и просто совал в карман. Потом гвардейцы разбегались и прятались, а мушкетеры начинали поиски и погони.

Не было среди нас ни королевы Анны Австрийской, ни коварной миледи, ни зловещего Рошфора. Но король был. Он сидел на обрубке дерева у сарая, и ему приносили мушкетеры отбитые у гвардейцев подвески. Если подвесков набиралось больше половины, мушкетеры считались победителями. Если мушкетерское войско гибло в стычках и поединках, не набрав нужной добычи, победу торжествовали сторонники Ришелье.

Погони были долгие и хитрые — по всем окрестным улицам и закоулкам. Схватки — веселые и храбрые. Лишь король скучал на своем березовом троне. И, чтобы не закиснуть совсем, он иногда по совместительству становился мушкетером.

...В тот вечер королем был Витька Пятигарев. Он сразу объявил, что не будет сидеть на пне и уходит с мушкетерами. А подвески пусть складывают в лунку перед «троном». Этот-то Витька и настиг меня в тупичке между бревенчатой стеной сарая и забором.

— Сдавайся сразу,— предложил белобрысый Витька. Он был грузный парень, шире меня и сильнее в два раза. Однако я нахально показал ему язык. Я был гвардейцем по выпавшему жребию, но, естественно, мушкетером в душе. И вступил в бой. Витька был не очень-то поворотлив, я рассчитывал если не на победу, то хотя бы на то, что прорвусь к своим. Однако Витька первым же крепким ударом перешиб мою шпагу (а точнее, длинный сосновый меч). Клинок отлетел, и в ладони осталась только рукоять с перекладинкой.

Я помню это жутковатое ощущение беззащитности перед противником. Пальцы по-прежнему сжимают рукоять, но ладонь уже не чувствует привычной тяжести клинка. Его нет! И я открытый, беспомощный, прижатый к стенке...

Витька снисходительно посопел и сказал:

— Ну, давай гони сразу подвесок. Все равно я король.

И тут меня осенило.

— Ура, наши! — заорал я так искренне, что Витька попался на этот дешевый крючок. Он вздрогнул и обернулся. Я подхватил с земли клинок, выбил им у обалдевшего Витьки шпагу и взлетел на забор, как петух, который спасается от супа. А с забора — на улицу!

Тут на меня сразу кинулись Амир и ловкий вертлявый Вовка Третьяков. Сломанным мечом много не навоюешь, поэтому я ударился в бега, снова примчался во двор, а оттуда заскочил во флигель к дяде Боре.

Вообще-то дома прятаться не полагалось. Но я успокоил себя тем, что здесь не живу и только прихожу к дяде Боре в гости.

Часто дыша, я влетел в узкую комнатушку. Здесь горело электричество, хотя на подоконнике еще лежали рыжие пятна вечернего солнца. Дяди Бори не было. То, что включен свет, ничего не значило. Комнатка была проходная, и лампочку в темноватой каморке зажигали все кому не лень. Просто так, походя — и вечером, и днем, и даже когда дядя Боря спал.

А сейчас дядя Боря скорее всего был на вечернем представлении в цирке. Он очень любил цирк, особенно соревнования по французской борьбе. В те дни в цирке шли постоянные состязания борцов — такие же в точности, о каких писал в своих воспоминаниях Валентин Катаев и в книжке «Артемка в цирке» писатель Василенко. В комнате дяди Бори висели цирковые афиши с громкими именами

борцовых знаменитостей: Карелин, Хаджи-Мурат, Назарьян, Франк Гуд, Цепник... Мы все болели за мулата Франка Гуда и за поджарого вежливого Назарьяна...

Но я отвлекся... В тот миг мне было не до цирка. Я с размаху влетел под кровать, вдохнул мелкую пыль и запах ржавой панцирной сетки и треснулся лбом об угол фанерного чемодана, в котором лежало почти все дяди-Борино имущество.

За дверью слышались шаги и голоса. В любой миг мои противники могли ворваться сюда и вытянуть меня за ноги на свет божий. Что делать? Сам погибай, а подвесок спасай. Елозя животом на половицах, я отвязал от ремешка черную пешку на тесемке. Правила разрешали спрятать подвесок, если опасность близко. Только прятать можно было недалеко, рядом с собой, так, чтобы у противника все же была надежда отыскать его.

Перед моим носом темнела стенка чемодана. Совесть на миг кольнула меня: едва ли мушкетеры посмеют лезть в чемодан дяди Бори, если даже догадаются о тайнике. И получится, что я сжульничал. А за это по головке не гладят. Но руки уже сами приоткрыли крышку и опустили пешку в фанерный уголок.

И пальцы нащупали твердый край какой-то книги.

Я с самых ранних лет был неравнодушен к книгам. Ко всяким. К тому же я знал, что дядя Боря плохих книг не читает, у нас с ним были примерно одинаковые вкусы. Что же такое у него в чемодане? И почему он не показал мне?

Любопытство толкало меня под локоть. Я прислушался. Голосов и шагов уже не было слышно. Я вздохнул и совершил еще один нехороший поступок: выволок книгу из чемодана.

«Только одним глазочком гляну, вот и все...»

Я бесшумно придвинул книгу к пробившейся под кровать полоске света — смеси оранжевого солнца и желтого электричества.

Увы, это была не книга. Вернее, книга, но не для чтения, а для записей — «Конторская». Так и было напечатано на ее обложке. Я с разочарованием полистал ее. Там, на разграфленных страницах, синели какие-то беспорядочные чернильные записи, похожие на куплеты песен. Совсем неинтересно. Я хотел уже захлопнуть переплет, когда глаза вдруг уцепились за слово «шпаги».

Я пригляделся и разобрал строчки:

И, вытащив шпаги свои деревянные
И выйдя на двор, как на палубу брига,
Дик-сэнды, том-сойеры и д'артаньяны
Опять начинают вечерние игры.

И мне вспоминается детства пора
Под стук деревянных клинков во дворах...

Это было так в точности про нас, что в первый миг я даже не удивился. А во второй миг удивляться стало некогда, потому что раздались в коридоре знакомые шаги и голос дяди Бори, который что-то весело говорил матери Вовки Покрасова. Ох, черт, значит, дядюшка не в цирке! И когда дядя Боря шагнул в комнату, я уже выползал «кормой вперед» из-под кровати.

— Ты чего это там делал? — поинтересовался дядя Боря. Без всякой, впрочем, подозрительности.

— Стырился, чтобы мушкетеры не попутали, — ответствовал я на тогдашнем диалекте уличной вольницы. — Наши пацаны есть в ограде?

— Они доблестно бьются за свои идеалы, — сообщил дядя Боря, — пока кое-кто «тырится» под кроватью...

Я обиженно разъяснил, что это была военная хитрость. Тем более что меч сломался.

— Что-то много у тебя хитростей, — заметил дядя Боря. — Вчера смотрел, как вы с Толиком Петровым сражались. Он стоит крепко, только саблей помахивает, а ты туда-сюда мечешься, извиваешься да прыгаешь вокруг...

— Это же приемы такие! — воскликнул я уязвленно. И даже решил прервать с дядюшкой дипломатические отношения. Не меньше чем на три дня. Но он усмехнулся и сказал:

— Дай-ка сюда свой обломок.

Я дал.

— Ну, конечно, опять у перекладины треснул... Говоришь вам, говоришь, что нельзя перекладину гвоздем прибивать. И надрез делать здесь нельзя...

Он столовым ножом вытесал в верхней части клинка новую рукоятку. На кухне среди растопки для таганка отыскал сосновую плашку для перекладинки. Потом чертыхнулся, что нет никакой веревки, вытащил из-под кровати два старых ботинка, выдернул из них шнурки, связал их и этой бечевкой примотал защитную перекладину к рукояти.

— На, воюй. И больше не «тырься».

Меч стал покороче, зато рукоятка удобнее. Я простил дяде Боре язвительность его высказываний и, вооруженный, ринулся на двор.

Там после короткой и бурной схватки меня «прикололи» к забору Амир Рашидов и Витька Пятигарев. И потребовали подвесок. Пешка осталась в чемодане. Я соврал, что потерял ее, и отдал взамен латунную гильзу от пистолета ТТ. Потом игра пошла по новому кругу, и я был уже мушкетером, и мы носились по дворам, по заросшему желтыми акациями скверу, по зарослям полыни на склонах ближнего лога. И над нами висела громадная, похожая на розовый воздушный шар луна.

И в ритме ударов шпаги, в стуке сандалий по дощатым тротуарам во мне повторялись и повторялись те строчки:

...Дик-сэнды, том-сойеры и д'артаньяны
Опять начинают вечерние игры.

От этих строчек вечер был еще счастливее, игра еще радостнее.

...На следующий день я опять забрался под кровать и запустил руку в чемодан. Пешка была на месте, а конторской книги не оказалось. Спросить о ней дядю Борю я не решился.

Через много лет я рассказал дяде Боре про этот случай. Спросил про стихи. Но дядя Боря улыбнулся и сказал, что не помнит ни этих строчек, ни даже конторской книги. Однако я догадывался, что он писал стихи, только не хотел говорить о них.

Впрочем, сейчас он уже не скрывает своей любви к стихам. Он пишет их до сих пор — славные, добрые стихотворения о детстве, о Тюмени, о путешествиях и о загадках Вселенной. Он никогда не посылал их в редакции, но мне посылает в каждом письме. Письма очень подробные. Дядя Боря теперь плохо слышит, поэтому разговаривает неохотно, зато в письмах он рассказывает о своей жизни обстоятельно и с удовольствием. Он попрежнему ездит по разным городам, отчаянно «болеет» на хоккейных и футбольных матчах, в курсе всех городских новостей и любит, когда к нему в гости приходят студенты. Он никогда ни на

что не жалуется. Слово «жаль» я прочитал в его письме только раз:

«Жаль, что я еще не побывал в Севастополе, о котором ты так много рассказываешь и пишешь...»

Действительно, жаль. Я уверен, что дядя Боря сразу полюбил бы этот город, эти улицы и бухты с толчеей кораблей и блеском вечерних огней... И Шестую Бастионную, и эти переулки, где так же, как в его и в моем детстве, стучат деревянные клинки. И так же повисает над крышами розовая луна, а от калиток уже раздаются такие привычные, такие знакомые оклики:

— Вася! Пора домой!

— Женя-а-а! Юрик, ты не видел Женю?

— Игорь! Где тебя носит! Будешь бегать до ночи?

Солнце уже ушло, горнисты на крейсерах и эсминцах отыграли «спуск флага», но на улице еще не очень темно. Время коротких южных сумерек.

Цикады набирают силу. И набирают силу крики от калиток и подъездов:

— Петька! Ну, подожди, негодник!

— Мама, я щас! — доносится издалека.

— Я тебе покажу такое «щас», что...

— Олежка, ты где?

— Андрей, Саша!

Вечерний воздух лежит над улицей теплыми пластами. Пахнет нагретым ракушечником, разросшейся вдоль заборов сурепкой, пахнет морем. Где-то гремит якорная цепь. Опять зовут мальчишек. И я вспоминаю такой же теплый вечер, очень похожий на этот, хотя и далеко-далеко отсюда.

— Энрике!

— Мануэль!

— Алехандро!

Топот ног по камням. Стук деревянных шпаг. Чуть не написал «сосновых», но кто знает, из какого дерева они сделаны здесь. Гавана. Ноябрь семьдесят второго года.

...Мне пришлось жить в Гаване почти месяц, и я очень полюбил ее за красоту, веселье, дружелюбие. За гордую историю, за легенды и тайны. За то, что она мне постоянно напоминала о Севастополе. Чем?

Желтыми старинными крепостями у моря и бастионами, где солнце накаляет тела чугунных орудий. Синевой громадной воды, белизной улиц и корабельных рубок. Смуглыми мальчишками с такими же веселыми, как у маленьких севастопольцев, глазами (и даже в таких же голубых школьных рубашках). И тем, что жизнь в обоих этих городах неотделима от жизни моря...

Как-то вечером я бродил по улочкам портового района и наконец вышел на главную площадь Старой Гаваны. Было уже совсем темно. Тонкий месяц с задранными вверх рогами затерялся где-то за крышами. Полукруглые окна старинных домов мягко светились над аркадами, но площадь почти не освещали. Только в нескольких местах на плиты падали полосы желтого света.

Окна казались мне очень дружелюбными. Я знал, что до революции в окружавших площадь домах жили богачи, а теперь здесь были квартиры рабочих. За открытой дверью балкона мягко пела пластинка. Это была старая, известная всем «Голубка». Когда я был маленький, ее любил напевать дядя Боря.

В небе смутно вырисовывались две башни древнего Кафедрального собора, в котором, по преданию, был похоронен Колумб.

В такую пору на такой площади должна стоять торжественная и немного таинственная тишина. Но тишины не было. Кроме мотива «Голубки», ее нарушали — как бы вспарывали и пробивали ее — звуки веселого мушкетерского боя. Мальчишечья компания носилась по площади, изредка проскакивая через полосы света. В этом свете мелькали свежеоструганные клинки. А из окон и с балконов время от времени доносились материнские возгласы:

— Педро!

— Антонио!

А затем и целые фразы, в которых я улавливал слова «папа» и «эскуэла». И можно было догадаться, что, если вышеупомянутые гаванские Петька и Антошка сию минуту не явятся ужинать, «папа́» вплотную займется их воспитанием. Носятся допоздна, а утром не добудишься, чтобы отправить в «эскуэлу».

И, естественно, мальчишки отвечали словами, которые на русский язык переводятся очень коротко: «Щас!»

Ноги у меня гудели от долгой ходьбы. Я присел на теплый цоколь колонны у одного из домов. Пригляделся. Полной темноты на площади все же не было. Я разглядел, что сражавшихся пятеро или шестеро. А еще между ними будто носилась громадная белая бабочка. Я сперва никак не мог понять, что это. Флажок какой-то, что ли? И лишь когда мальчишки проскочили рядом, в свете ближнего окна, я понял, что это совершенно черный пацаненок в белых шортиках и белой развевающейся рубашонке. На миг блеснули его веселые глаза и сахарные зубы...

Вчера на этой площади и на улицах было тихо. Вчера вечером по кубинскому телевидению шла последняя серия длинной постановки «Двадцать лет спустя». Я видел в открытых дверях домов, как ребята стайками сидят на полу перед большущими экранами телевизоров «Электрон». Мелькали страусовые плюмажи над широкополыми шляпами, и говоривший по-испански д'Артаньян ловко раскидывал шпагой прихвостней коварного Мазарини.

А сейчас множество юных д'артаньянов повторяли эти приключения в переулках и на площадях Гаваны. Среди могучих стен, арок, памятников и

бастионов, которые в старину видели немало настоящих приключений и слышали звон настоящих шпаг. Здорово играть в таком месте, верно?

— ...Хорхе! — услышал я сипловатый и громкий голос. — Хорхе!

На освещенном балконе стоял старый седой негр.

— Хорхе!

Черный мальчишка остановился недалеко от балкона, задрал курчавую голову, что-то заговорил, рассыпая звуки «л» и «р». Но дед сказал какую-то длинную фразу и погрозил пальцем. Хорхе сердито махнул клинком и побежал в дом.

Мне стало обидно. Даже не столько за Хорхе, сколько за его деда. На вид такой симпатичный старик, похож на дядюшку Римуса из сказок про братца Кролика, а внука не понимает. Разве можно перебивать игру в самом разгаре!

Мальчишки умчались на другой конец площади. Все, кроме одного. Один подошел и тихо сел рядом. Ну, не совсем рядом, а в метре от меня. Он поставил между коленей клинок, вытер о мятую брючину вспотевшие ладони, досадливо ударил по дребезжащей рукояти. Рукоять шпаги дребезжала потому, что щиток ее был сделан из консервной банки и узорчато переплетенной проволоки. Сейчас эта сложная конструкция разболталась. Верхний конец дужки, защищавший пальцы, отскочил от головки рукояти. Мальчишка мельком глянул на меня и шмыгнул носом (должен заметить, что по-испански и по-русски такое шмыганье звучит совершенно одинаково).

— Твоя... шпага... сломалась? — спросил я, медленно подбирая испанские слова. Вернее, слово «сломалась» я не вспомнил и сказал «заболела». Наверно, это звучало странно и даже глуповато. Но мальчик придвинулся и тихо сказал:

— Си, компаньеро.

И протянул свое оружие.

А что я мог сделать? Тут нужны были плоскогубцы, и молоток, да еще гвоздики или проволока. Сказать мальчику, чтобы принес это все из дома? Моих познаний в испанском языке не хватит. Да и кончится такая попытка для мальчишки наверняка печально: «Опять на улицу? Хватит бегать, ночь на дворе!» В этом смысле все родители одинаковы: и в Тюмени, и в Севастополе, и в Гаване, и на всем белом свете.

Но не мог же я отпустить человека без помощи! Тем более что он сказал «компаньеро». А это значит — товарищ. Он и в самом деле был моим товарищем — соратником по громадной мальчишечьей Армии Деревянных Мечей. Одним из миллионов «дик-сэндов, том-сойеров и д'артаньянов», о которых писал дядя Боря. И, вспомнив о дяде Боре, я вытянул из полуботинок шнурки.

Я отогнул на проволочной дужке усики и примотал их к головке рукояти.

Мальчик молча следил за моей работой. Он не шевелился, только босые ступни его нетерпеливо постукивали по камню. Рассеянные лучи отражались от колонны, от плит и падали на мальчика. Он был похож на Сережку Фоменцова — барабанщика из моего пионерского отряда «Каравелла» в Свердловске. Конечно, этот маленький д'артаньян уже догадался, что рядом с ним сидит «советико». Но не пытался завести разговор, не просил значок на память, не спрашивал, как зовут. Главным для него сейчас было оружие. Потому что на другом краю площади шла битва. Даже в густой теплоте воздуха чувствовалось, каким боевым жаром горит худенькое тело мальчишки. Он дышал тихо и часто. Я затянул шнурок морским прямым узлом и протянул шпагу хозяину.

— Гра́сиас... — выдохнул он и умчался туда, где звенели голоса друзей. А следом за ним выпорхнула из-под сводов аркады и унеслась туда же большая белая бабочка. Значит, Хорхе уговорил дедушку и опять вырвался на волю!

Я, радуясь, будто побывал среди друзей детства, зашлепал незашнурованными полуботинками по переулкам, по набережной Малекон, где под парапетом, среди камней, горели рыбачьи костры, к гостинице «Абана либре»... А утром выяснилось, что у меня совершенно неприличный вид: не мог же я идти на прием в редакцию журнала «Пионер» в башмаках без шнурков! Похожая на завуча дама — переводчица нашей делегации — принялась отчитывать меня за легкомыслие. Но я рассказал о вчерашнем случае двум кубинским поэтам. Они обрадованно смеялись и скоро принесли мне столько шнурков, что я мог бы отремонтировать шпаги целой мушкетерской роте...

Дома́ у Камышовой бухты начинают сиять многоярусными огнями, но закат над ними еще не погас. На улицах пока не очень темно, и различимы лица мальчишек и редких прохожих.

От лестницы я шагаю по Бастионной и скоро выхожу на другую маленькую площадь. На ней сбегаются сразу несколько улиц. В том числе и переулок с желтой крепостной стеной — остатками еще одного бастиона — седьмого.

Вдоль стены, перекликаясь по-птичьи, пробегают четверо мальчишек с палками. В ближних дворах, на заросшем косогоре у двухэтажного дома, на крышах гаражей тоже слышны голоса и отзвуки мушкетерских схваток.

Чей-то голос требовательно орет:

— Эй ты, бросай оружие!

Я замираю, будто это всерьез. Но тут же слышу тонкоголосый и боевой ответ:

— Фиг вам! — И разгорается шум схватки,

слышны прыжки в ломкие кусты, топот и победный смех.

Я облегченно вздыхаю и сажусь на теплый камень, торчащий среди стеблей сурепки. Но давняя досада оживает во мне, и снова неспокойно на душе. Потому что сам я однажды бросил оружие.

Это было не тем летом, когда искали подвески, и не в том дворе с поленницами. Позднее это было. Наверно, через год.

Стоял конец октября. Снег еще не выпал, но земля застыла, и мерзлые комья стучали под ботинками, когда мы устраивали сражения на большом пустыре и на склонах глубокого лога. Сухо трещал серый бурьян, в брюки и ватники впивались похожие на дохлых двухвосток колючки.

Игра была все та же, мушкетерская. Потому что в Клубе железнодорожников шел новый фильм «Железная маска». Не тот, который знают нынешние зрители, а односерийный, черно-белый. Трофейный. Это была суровая кинокартина — с жестокими схватками, жгучими тайнами и страшными приключениями. Оттого, что она такая зловещая, ее, наверно, и не стали показывать в главном кинотеатре, а пустили в стареньком деревянном клубе рядом с вокзалом. Мы клянчили дома трешки, по нескольку раз выстраивали фантастические очереди за билетами и наконец замирали в душном кинозале под стрекочущим пыльным лучом...

В этой картине мушкетеры были настоящие. И по-настоящему гибли в конце фильма. И то, что их приемный сын становился королем Франции, нас мало утешало. Утешения мы искали в собственной игре, на ходу переделывая судьбу героев.

Сначала игра была как игра.

С мальчишками на той улице, куда мне пришлось переехать, я не очень дружил, но на этот раз все шло хорошо. Пока не присоединилась к нам компания с улицы Зеленая площадка, из-за лога. Этой компании не нужны были выдумки и тайны. И дуэльных правил они не признавали. Вместо улыбок — ухмылки, вместо честной боевой атаки — тупой и злобный напор. Все чаще бой на мечах и шпагах грозил перейти в драку. Предводитель по кличке Пупырь искал причины, вспоминал давние уличные и школьные споры.

И вот однажды этот Пупырь прижал меня к стылому глинистому обрыву, когда обе воюющие армии скатились из переулка в лог. Пупырь крутил над головой ветвистую корягу и орал:

— Разойдись, гады! Черепушки снесу!

И все разбежались. А я застрял в сухом репейнике под обрывом.

Пупырь занес корягу и гаркнул:

— А ну, бросай свою саблю!

Он был крепче меня, а главное, нахальнее и неизмеримо злее. Это была какая-то безоглядная, необъяснимая злость. Я оказался беспомощным перед его остервенением. В стеклянно-прозрачных глазах Пупыря не было ничего, кроме готовности махать и бить. И на пухло-гладком, как громадный рыбий пузырь, лице — ни намека на улыбку.

— Ну!! — снова надрывно заорал Пупырь.

Мой сосновый клинок ничего не смог бы поделать с его сучковатой корягой.

— На, подавись, — всхлипнул я и бросил шпагу к разлапистым кирзовым сапогам Пупыря. Он довольно ухмыльнулся. И велел:

— А теперь уматывай отсюда!

Я, глотая слезы, пошел через бурьян и репейники мимо шеренги врагов. И мимо «своих», тех, кто должен был меня защитить. Они не защитили, они стояли и тоже усмехались. Правда, кисло как-то усмехались и поглядывали кто по сторонам, а кто в землю. Они тоже боялись Пупыря и были рады, что он их не тронул, унизил только меня. В ухмылках они прятали страх и стыд за это неожиданное перемирие. Они делали вид, что не опасаются Пупыря, а просто уважают его: как он здорово расколошматил своего противника!

В конце концов Пупырь был «ихний», с соседней улицы, а я чужак, недавно появившийся в этих местах. Да к тому же «книжный мальчик» со всякими «загибами в черепушке»...

Целую неделю я мучился оттого, что бросил шпагу. Пытался оправдаться, доказывал себе, что была уже не игра и что Пупырь с дружками просто излупил бы меня, если бы я не сдался. И дело тут не в страхе. Просто я был не готов к такой войне. «Вот если ты играешь в солдатиков, — говорил я себе, — и вдруг на тебя из-за угла выезжает настоящий танк, тогда что? Бах-бах в него из бумажной пушки?»

Такие рассуждения слегка успокаивали меня. Но ненадолго. Во-первых, Пупырь был не танк, а просто мелкая шпана. Во-вторых, когда я вспоми-

нал желтый новенький клинок у его заскорузлых сапожищ, меня мутило от стыда.

И я даже обрадовался, когда через неделю Пупырь повстречал меня у продуктового магазинчика на углу Ямской. Он повстречал и, конечно, «прискребся»:

— Ну че, «дыртанян»? Еще будешь воевать с нашими? Как дам сейчас — были шарики на лбу, станут, знаешь, где?

Я сказал ему, кто он есть и куда должен идти. Причем сказал не на языке «книжного мальчика». Пупырь обрадованно засопел и пнул по моей сумке, где лежали буханка и пакет с маргарином. Я, захолодев от ненависти, поставил сумку и с размаху ударил головой в ненавистную пупырью рожу. Пупырь увернулся. Я врезался головой в толстенный тополь. Шапка смягчила удар, но последние ниточки страха от этого удара во мне лопнули. Я вцепился в Пупыря, и мы скатились в канаву у деревянного тротуара.

Что ни говорите, а справедливая ярость придает сил! Скоро я сидел на Пупыре. Даже и тогда я помнил, что лежачего бить нельзя, зато, всхлипывая от счастья, кормил этого гада, кормил, кормил мерзлой травой и твердыми земляными комками. Пока он не завыл...

О славной для меня битве скоро узнали все пацаны из окрестных дворов. И я чувствовал большое облегчение. Но не полное. Конечно, я этой дракой кое-что изменил в своей жизни, кое-как искупил тот позорный случай в логу. Но в глубине души я понимал, что мне просто повезло. Не каждый раз и не всякому человеку, если он струсил и бросил оружие, удается исправить это. Может просто не хватить времени. Особенно если это не игра...

А с теми ребятами я больше не имел никакого дела. Я снова стал уходить на улицу Герцена, в старый двор, где жили друзья детства. Здесь тоже бывало по-всякому: случались драки, обиды и затяжные ссоры. Но были здесь и твердые правила мальчишечьей жизни: игра — это игра, а если драка, то голыми руками и один на один. И главное, не без причины, а если уж очень накипело. Здесь могли отобрать или даже стащить самодельные пистолет или рогатку, но никому бы в голову не пришло отнимать копейки или купленную игрушку. Здесь хорошо знали, что нельзя нападать сзади, бить лежачего, жадничать, хвастаться обновками и бросать человека в трудную минуту. Знали все, в том числе и такие люди, которых сейчас бы наделенные педагогическим опытом взрослые назвали «трудными подростками».

Несколько человек сражались на лужайке шагах в двадцати от меня. Потом шум битвы приутих. Бойцы разбрелись. Один оказался совсем недалеко от меня. Тоже присел на камень, положил на колени меч, подпер ладошками кудлатую голову.

— Роська!..— окликнул я.

Он вскочил, подбежал. Заулыбался:

— Здравствуй... Гуляешь?

Я кивнул, подвинулся на камне. Четвероклассник Роська Вихрев, горячий от недавнего боя, сел рядышком, сунул голову мне под локоть. Потерся ухом о мои ребра.

Роська — человек удивительно ласковый и абсолютно бесстрашный. Мы познакомились с ним пять лет назад и часто разговаривали о жизни. Иногда Роська устраивался рядом, как мурлыкающий котенок, и рассказывал свои детсадовские тайны. А потом срывался с места и заставлял меня обмирать от страха: он так скакал и носился по кручам над морем, что у меня звенело в голове. А он хохотал... Он и теперь такой же, только подрос.

Я улыбаюсь про себя: «Роська под-рос...»

Настоящее имя у него Юрий, Юрик. А Роська — это от прозвища Юро́с. Юро́с-матрос. Прозвище появилось как раз в те дни, когда мы познакомились. Отец — старпом большой крейсерской яхты — взял Юрку в небольшое воскресное плавание. Было солнечно и ветрено, яхту хорошо покачивало. Кое-кто из гостей скоро полег по бортам и свесил головы к воде. А шестилетний Юрка носился по яхте, как мартышка по палубе, по рубке, по релингам, вантам и гику. Отец несколько раз гаркал на него: успокойся, мол. Наконец Юрка притих. Вернее, его вообще не стало. Нигде. Неожиданная тишина встревожила экипаж. Несколько человек быстро осмотрели помещения. Не было Юрика. Отец побледнел.

Яхту круто положили на обратный курс, по волнам зашарили бинокли. Отец кинулся еще раз обыскивать кубрики и рубку — на всякий случай. И вот в носовом кубрике он услышал сдавленный писк.

Юрка застрял наверху двустворчатого шкафчика-рундука. Он заклинился между верхней крышкой и палубной балкой — бимсом. Звать на помощь он не хотел, чтобы не уронить авторитет.

Папа Вихрев выволок непутевого мореплавателя из щели, медленно и глубоко вздохнул и дал ему увесистого леща по тому месту, которое на корабельном языке именуется «транец».

Юрка потер пострадавшую часть тела и ушел на нос палубы. Там он с полчаса сидел, зыркая негодующими очами. Бородатый шкипер дядя Гриша сказал ему:

— Что, Юро́с-матрос? Поимел от старпома педагогический момент?

Юрка демонстративно отвернулся. Но прозвище к нему прилипло сразу и намертво...

Внешне Роська — чертенок, состоящий из косматой головы, острых локтей и коленок и нескольких десятков синяков и ссадин. У него во дворе есть сосед — Андрюшка Сажин. На Роську он совершенно не похож — кругловатый, медлительный, тихий и на первый взгляд даже трусоватый. Казалось бы, чего общего? Но с самого начала школьной жизни они друзья-приятели, хотя и ссорятся иногда.

А если не ссорятся, то всегда вместе.

— Что Андрюшки не видать? — спрашиваю я.— Опять чего-то не поделили?

— Его из дому не выпускают,— вздыхает Роська.— Нам теперь втроем приходится воевать против четверых... Сейчас у нас перерыв...

Трое против четверых — это вам не шуточки. Я спрашиваю с сочувствием:

— Почему не пускают? Двойку схлопотал?

— Синяк он схлопотал под глаз,— объясняет Роська.— А бабушка его ни в чем не разобралась и сразу: «Больше на улицу никогда не пойдешь!»

Для Роськи синяк — дело обычное. Но для Андрюшки...

— Как он ухитрился?

— Да вот так... Подрался с писателями...

— Что-о-о?!

— Ох...— До Роськи доходит, что я тоже имею отношение к писательской профессии. Он виновато ежится у меня под боком и торопливо объясняет: — Это не такие писатели. Это те, кто всякую ерунду на стенках пишет, мы их так зовем. Ты не обижайся...

Я не очень обижаюсь, но говорю все же, что

можно было бы придумать другое название. Роська обещает подумать.

— А что за драка была? — интересуюсь я, потому что знаю: Андрей не из тех людей, которые лезут на рожон.

И слышу такую историю.

В квартале отсюда есть памятник артиллеристам береговой обороны. Это оставшийся от военных времен бетонный капонир и два корабельных орудия. Вчера три каких-то балбеса (класса из шестого!) полезли к орудиям и начали писать на щитах всякую ерунду. Андрюшка Сажин и еще двое ребят как раз играли там и увидели такое дело. Андрюшка первый увидел. И кинулся первый...

Он не стал вести разговоров про то, что надо уважать памятники, историю города и тех, кто здесь воевал. Не было на это у Андрюшки ни умения, ни времени. Он просто заорал:

— А ну, пошли отсюда. Это наши пушки!

И он был абсолютно прав. Пушки в самом деле — его. И всех ребят, которые там играют и которые помнят про то, как громили фашистов защитники города. Для того пушки и поставлены, чтобы ребята играли и помнили. И балбесы с мелом кинулись прочь, хотя один и успел вляпать Андрюшке по глазу.

Мне в голову приходит наконец простая догадка. Роська знает эти подробности явно не понаслышке. Эту догадку я высказываю вслух, и Роська со вздохом соглашается:

— Ага... Рубашка немного порвалась тогда...

— А мама как отнеслась к этой истории?

— С пониманием,— скромно говорит Роська.— Она ведь у меня справедливая... Ой, вон она идет!

В сумерках уже трудно разглядеть прохожих, но кто же не узнает свою маму!

Роська срывается маме навстречу. Я тут же убеждаюсь, что она действительно относится к сыну с пониманием, но понимает кое-что по-своему.

— Ты что, еще дома не был после школы? — спрашивает она, уклоняясь от излишне горячих объятий.

— Нет, я был... маленько.

— Так «маленько», что не было времени переодеться? Так и носишься с часу дня до вечера?

Роська в самом деле «носится» в школьной рубашке, даже галстук не снял. Он озабоченно переступает тощими ногами в съехавших светлых гольфах. Потом быстро оглядывается на меня. Но я отодвигаюсь в полный мрак — под ветки акаций с громадными высохшими стручками (они тихонько скрежещут, как жестяные). Роськина мама — человек настроения, под горячую руку может попасть и мне. А потом нас обоих с Роськой она загонит домой. Его — готовиться к школе, меня — пить чай.

— Ты хотя бы пообедал? — спрашивает мама Роську строго, но без особой надежды.

— Ага. В школе.

— А уроки?

— Я сделал. Тоже еще в школе.

— Все?

— Ага. Почти...

— Ах, «почти»! Кстати, почему Клавдия Ивановна опять зовет меня завтра в школу? Мне звонили...

— Ой, это не из-за меня! Это в родительский комитет насчет ремонта...

— Знаю я этот ремонт. Ну-ка, марш домой.

— Мам...

— Что «мам»? «Мам» за тебя будет делать домашние задания?

— Ну, я же скоро! Мы сейчас додеремся!.. А то нас и так трое! Ну, ма-ма... Ты у меня хорошая...— Он умеет мурлыкать и подлизываться.

— Нечего тут ворковать. «Хорошая»...

— Мамочка, ну всего пять минут...

Роська знает, что где пять, там и пятнадцать. А там и полчаса. Мама это знает не хуже его. Она из тех мам, которые в свое время вместе с мальчишками рубились на деревянных мечах. Но, с другой стороны,— уроки. Это — дело первостатейной важности. Сначала уроки, потом уж забавы, кто этого не знает? Кто с этим спорит?

Но для Роськи и для других мушкетеров предстоящий бой не забава. Это очень важное дело, это их сегодняшняя боевая жизнь. И не может он уйти, бросить друзей. Тем более что их тогда останется двое против четверых!

— Учти! Через пятнадцать минут быть дома,— говорит мама, зная, что через полчаса придется выходить на балкон и включаться в перекличку:

— Роська! Сколько можно звать!

— Шурик, домой!

— Алексей! Тебя на аркане тащить?

— Дима! Я сейчас пошлю за тобой папу!

(А цикады — все громче, а луна — все выше и ярче...)

Но это будет еще через целую вечность — через полчаса, а то и больше. А пока с дальнего края площадки несутся боевые кличи: кончилось перемирие между гвардейцами кардинала и мушкетерами де Тревиля. Роська сует под мышку зазубренный клинок, поддергивает гольфы тем же движением, каким д'Артаньян поддергивал перед схваткой ботфорты, распрямляется и... гибкой пружинкой срывается с места.

И... нет, я не ошибся! Вдоль каменного белого забора туда же мчится еще один боец — толстоватый, запыхавшийся, но полный боевого рвения. Андрюшка вырвался на волю!

Он спешит и с размаху натыкается на прохожего. Точнее, на прохожую. Я слышу раздраженный и какой-то жирный голос:

— Что вы тут носитесь! Некуда ступить, только и мельтешат под ногами!

Хозяйки голоса почти не видно, однако я представляю крашеную даму с кошелкой и тяжелыми серьгами. Такая ни в каком детстве не сражалась на мечах.

— Играть, что ли, нельзя? — огрызается Андрюшка.

— Нашли где играть! На улицах! Я вот скажу родителям, я их знаю!

— А это не ваши улицы! — отвечает Андрюшка, рискуя заработать новые неприятности.

— А чьи? Твои? Собственник какой! — возмущается дама.

— Наши! — отвечает Андрюшка, убегая.

И он опять прав. Их эти улицы — его, Роськины, их друзей. Всех хороших людей. За этих людей дрались здесь в давние времена защитники шестого и седьмого бастионов. За них сражались артиллеристы береговой обороны — те, кому стоит неподалеку памятник. За них воевала армия генерала, чье имя носит ближняя улица. Для того, чтобы нынешние «дик-сэнды, том-сойеры и д'артаньяны» могли по вечерам сражаться на улицах деревянными мечами. Деревянными — пусть.

И как было бы хорошо, если бы на всем белом свете осталось только такое оружие. И одна только армия — вечная мальчишечья Армия Деревянных Мечей.

Круглый стол «Пионера»

ЛЮДИ ОТСТОЯТ ЧИСТОЕ НЕБО!

На нашей планете живут люди
разных национальностей
и вероисповеданий,
разных привычек и характеров,
разного цвета кожи и достатка...
У каждого из нас свои заботы.
Но есть проблема,
которая волнует большинство,—
как сохранить мир на земле.
Судьбы мира небезразличны
миллионам жителей
всех континентов.
Это убедительно показали
массовые антивоенные выступления
трудящихся осенью 1983 года,
когда США приступили
к развертыванию
своих «Першингов» и «Томагавков»
на европейской земле.
И вас, наших юных читателей,
тоже волнует обстановка в мире.
Об этом говорят письма,
которые приходят в редакцию.
Сегодня на вопросы
читателей журнала отвечают
внешнеполитические комментаторы
советского радио
В. Соболев, В. Левин и Н. Агаянц.

Сейчас много пишут о гонке вооружений в США и странах НАТО. Как эта гонка отражается на жизни простых людей в этих странах и всего человечества в целом?

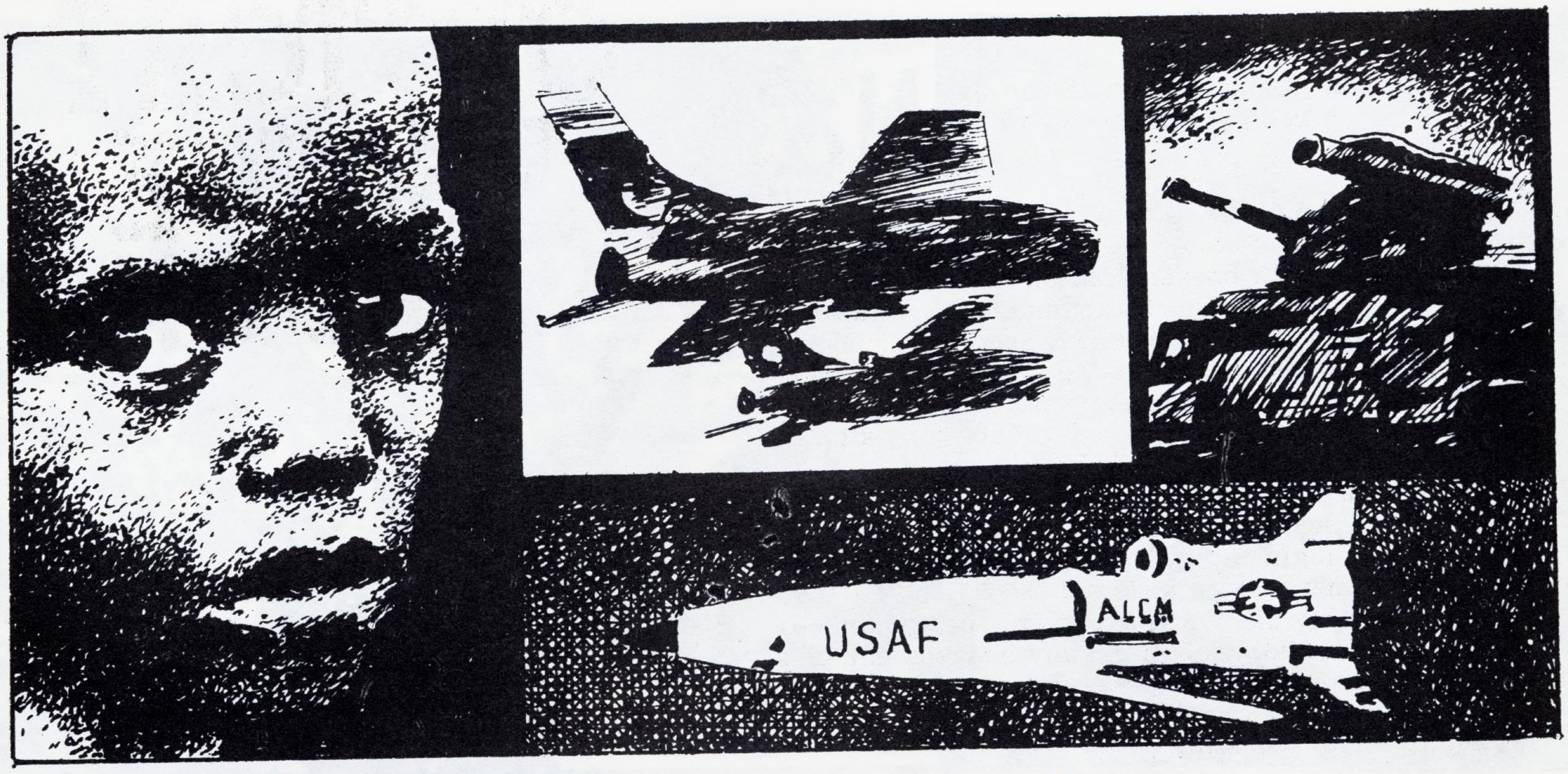
Таня Виленкина, г. Липецк.

Н. Агаянц. Мы часто говорим о бедах, которые предвещает нам в будущем гонка вооружений. Но и сейчас простые люди в Америке и странах НАТО испытывают на себе непомерное бремя военных расходов. Хочу остановиться на одной важной стороне этой проблемы. Давайте взглянем на нее с точки зрения развития мирового хозяйства. Военные приготовления истощают богатства нашей планеты, усугубляют недостаток сырья, топлива, энергии, пресной воды, ведут к росту безработицы, обнищанию простых людей. Империалисты стремятся заполучить все новые виды оружия, бросают на эти цели миллиарды долларов. А миллионы людей голодают, не имеют крыши над головой. Миллионы людей неграмотны, страдают от болезней. Даже в богатейшей стране капиталистического мира — США — сегодня более 34 миллионов бедняков! Вот куда бы нужно вкладывать средства — на помощь бедствующим.

Прожорлива военная машина. Подсчитано, что сегодня в мире ежеминутно на создание и производство оружия тратится миллион долларов! Гигантские суммы растрачиваются впустую: то, что было сверхново вчера, сегодня превращается в металлолом, устаревает! **А на деньги, затраченные на производство одной подводной лодки «Трайдент», можно было бы обучать в течение года 16 миллионов детей. Танк «Леопард-2» стоит столько же, сколько строительство 36 трехкомнатных квартир! Вместо одного истребителя «F-14» можно было бы построить 9 школ, вместо авианосца — гидроэлектростанцию...**

Американская печать часто пишет, что милитаризация экономики ведет к «оживлению промышленного производства, повышению занятости людей...». Это миф, который используют империалисты для прикрытия своих истинных целей. Судите сами. Американские же экономисты подсчитали, что 7 миллиардов долларов, ассигнованных на нужды Пентагона, дадут работу 35 тысячам людей. А те же деньги, вложенные в строительство или в здравоохранение, обеспечат работой вдвое больше.

Советский Союз и другие социалистические страны не раз предлагали сократить военные затраты. Это способствовало бы прогрессу в науке и производстве, повышению благосостояния миллионов людей. Разоружение помогло бы решению таких важных для человечества проблем, как охрана окружающей среды, ликвидация опасных заболеваний, исследование Вселенной. Но правительства стран НАТО, стратеги милитаризма глухи к этим разумным предложениям. Они с новой силой взвинчивают расходы на вооружения. Им наплевать на судьбы своих граждан. Они стремятся добиться над Советским Союзом военного превосходства и диктовать нам свою волю. Этому, конечно, не бывать. «Нам не требуется военного превосходства, мы не намерены диктовать другим свою волю, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко на внеочередном Пленуме ЦК КПСС 13 февраля 1984 года. — Но сломать достигнутое военное равновесие мы не позволим».



Я прочитал, что президент Рейган выдвигал свой вариант сокращения ядерного оружия. Назывался он «нулевым». Не могли бы вы рассказать об этом предложении подробнее.

Андрей Регентов, Московская область.

В. Левин. Давайте вначале решим задачу.

У Советского Союза и у блока НАТО в Европе имеется примерно по тысяче единиц носителей ядерного оружия средней дальности. Носители ядерного оружия средней дальности — это самолеты-бомбардировщики и ракеты, дальность действия которых составляет от одной до пяти тысяч километров.

Так вот, из тысячи носителей, которые имеет Советский Союз, примерно половина приходится на ракеты, а половина — на самолеты. А со стороны НАТО картина выглядит иначе. Там основой являются американские самолеты, и число их более 800.

Плюс к этому 162 английские и французские ракеты.

Так выглядело положение до декабря 1983 года. А в декабре Соединенные Штаты Америки начали размещать в Западной Европе 600 новых ядерных ракет. И задача, с которой я начал, заключается в том, ЧТО надо сделать для того, чтобы количество ядерного оружия средней дальности уменьшалось, а не увеличивалось?

Предельно ясно: надо сокращать это количество, а не увеличивать его, что и предлагает Советский Союз.

Мы готовы договориться о полной ликвидации ядерного оружия в Европе. Наша цель — сделать Европу безъядерной. Но, поскольку западные державы к этому не готовы, Советский Союз внес предложение **значительно** сократить имеющиеся арсеналы ядерного оружия средней дальности: до 300 единиц с каждой стороны. При этом мы готовы иметь столько ракет, сколько их насчитывается у Англии и Франции, то есть 162, и равное количество самолетов — по 138.

Так подходит к решению задачи Советский Союз.

А что предлагают Соединенные Штаты? Президент Рейган сначала выдвинул «нулевой вариант». Я беру это определение в кавычки, потому что в действительности нулем здесь, как говорится, и не пахнет. Судите сами: нам предлагается уничтожить все наши ракеты среднего радиуса действия, а США в ответ согласятся не размещать в Европе новые ядерные ракеты. Чтобы наглядно убедиться в том, что это предложение нечестное, вернемся к существующему положению.

США предлагают, чтобы из тысячи имеющихся носителей Советский Союз убрал и уничтожил добрую половину. Как все мы знаем, если от тысячи отнять 500, останется 500.

По американскому «нулевому варианту», та тысяча носителей, которыми располагает НАТО, останется в целости и неприкосновенности. Из нее ничего вычитать не собираются. А в ответ на наши сокращения США, дескать, готовы не прибавлять еще 600 носителей. Я не знаю, какие отметки были у Рейгана в школе, но за такие арифметические действия ему и двойки много.

Но дело не столько в арифметике, сколько в политике.

Есть дипломатический принцип, что соглашения о разоружении должны основываться на равенстве и одинаковой безопасности сторон. Это значит, что ни одна из сторон не должна извлекать для себя преимущества, а говоря попросту, обманывать партнера.

Когда американские империалисты разместили в Европе свои новые ядерные ракеты и нарушили примерное равенство сил, Советский Союз вынужден был предпринять ответные меры.

Принцип равенства и одинаковой безопасности будет, непременно будет сохранен. Но мы твердо убеждены, что лучше и для США, и для СССР, и для всего человечества, если равенство будет сохраняться не за счет накопления, а за счет сокращения вооружений. Это наша принципиальная политика, она вытекает из ленинских заветов, и мы ей будем верны всегда.

Почему капиталистам выгодно производить оружие?

Таня Шивалова, Иркутская область.

Могут ли активные выступления трудящихся повлиять на политику американских империалистов?

Галя Стюхина, Московская область.

Что означает обязательство СССР не применять ядерное оружие первым?

Валя Гущенко, г. Воркута.

В. Соболев. К сожалению, разорительное для человечества производство оружия обогащает в США и других странах Запада людей, которым принадлежит реальная власть: многие фабриканты оружия входят в правительства этих стран или имеют там своих ставленников. Поэтому эти правительства принимают решения вопреки воле большинства населения. Одна комиссия американского сената подсчитала, что из 169 корпораций военной промышленности США 164 получают ежегодно прибыль от 50 до 200 процентов, три корпорации получают прибыль свыше 500 процентов, а одна — более чем 2 тысячи процен-

тов прибыли, то есть за год увеличивает свой капитал в 20 раз. Причем все эти 169 корпораций самые могущественные в США.

Однако рост числа участников антивоенного и антиядерного движения должен рано или поздно повлиять на политику официальных кругов буржуазных государств. Уже сейчас правители стран Запада вынуждены считаться с мнением народа. Они стараются переубедить его, маскируют свои действия миролюбивыми словами, нагромождают горы лжи о некой «советской военной угрозе». И правде пробиться сквозь туман империалистической пропаганды нелегко. Тем не менее она пробивается и приобретает все больше сторонников. В 1982 году в антивоенном движении принимали участие 20 миллионов человек. В 1983-м — свыше пятидесяти. Движение сторонников мира растет с каждым днем. В нем принимают участие молодежь и дети. Подготовка к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Москве — яркая демонстрация за мир и дружбу на земле.

Нет такого оружия, от которого наша страна не была бы готова отказаться на равной, разумеется, основе с другими странами. Понимая, какую опасность несет ядерное оружие, Советский Союз обязался ни при каких обстоятельствах не применять его первым. То есть в случае нападения на нас мы будем отражать агрессию только обычными вооружениями, пока агрессор не пустит в ход атомные бомбы и ракеты. Но дав такое обязательство, наша страна держит, как говорится, порох сухим. Нам очень недешево стоило добиться равновесия в соотношении сил с блоком НАТО. Это равновесие мы будет поддерживать непременно, так как оно постоянно напоминает тем, кто хотел бы ликвидировать на земле социалистический строй, что руки у них коротки, орешек не по зубам.

С первых дней Советской власти СССР последовательно и неуклонно борется за мир на планете. Вот лишь некоторые усилия Советского Союза и других социалистических стран по предотвращению термоядерной войны.

1963 год. Подписан Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой.

1968 год. Подписан Договор о нераспространении ядерного оружия.

1971 год. Подписано соглашение между СССР и США о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между этими двумя странами.

1972 год. Вступил в силу Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения. В мае того же года подписаны в Москве Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1).

1973 год. В Вене начались переговоры о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

1974 год. Заключен советско-американский Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия. Он запрещает подземные взрывы мощностью свыше 150 килотонн (США до сих пор его не ратифицировали).

1975 год. Вступила в силу разработанная на основе советского проекта международная конвенция о запрещении бактериологического оружия. В Хельсинки подписан заключительный документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

1976 год. Заключен договор между СССР и США о подземных взрывах в мирных целях (США его до сих пор не ратифицировали).

1977 год. Начались переговоры между СССР, США и Англией с целью заключить договор о полном и всеобщем запрещении испытаний ядерного оружия. Переговоры прервали США и Англия.

1979 год. Подписан советско-американский Договор об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2). До сих пор договор не ратифицирован Конгрессом США.

После этого империалистические круги США и некоторые их союзники начали тормозить процесс разрядки.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Тимуровская операция

Редакция получила тысячи писем-откликов. Их авторы не только пионеры-тимуровцы, но и октябрята, комсомольцы. Они присылают рассказы о погибших на войне родственниках, свои фотографии, а также рисунки, плакаты, альбомы, посвященные борьбе за мир.

Часть почты редакция выслала в Организацию Объединенных Наций и направила письмо Генеральному секретарю ООН Пересу де Куэльяру. В письме было отмечено, что советских детей остро волнует вопрос мира на земле, что они, как и взрослые, хотят бороться за мир. Именно для этого советские школьники объединились в детской антивоенной операции «Сад Мира».

Мы публикуем некоторые письма из большой почты, пришедшей в адрес операции «Сад Мира».

Давайте почитаем и подумаем.

Сегодня можно с уверенностью сказать: Сад Мира уже существует. Тысячи школьников посадили деревья и цветы около своих школ и домов, где живут, в парках и скверах, рядом с обелисками и Вечным огнем.

Сад Мира — необычный сад. Под его сенью не только гуляют, играют и смеются. Ребята и взрослые приходят сюда ПОДУМАТЬ о жизни, прошлой войне, мире, который надо отстаивать, за который необходимо бороться. Нигде так хорошо не думается, как в тени деревьев. В такие минуты особенно остро ощущается вкус и сила жизни.

Дети хотят бороться за мир. Пусть у них нет таких серьезных возможностей, как у взрослых. Пусть еще сил и знаний маловато. Но дети так же, как и взрослые, любят лето и весну, реки и моря, запах хлеба, родных и близких людей. Дети любят жизнь. Учатся ценить ее.

Сад Мира для детей — символ надежды. Символ защиты от ядерной угрозы. Символ вечной памяти о погибших во второй мировой войне.

Мы заложили цветник в честь погибших воинов, а весной решили высадить в парке села столько саженцев, сколько погибло воинов в нашем селе.

7-й класс, школа № 3, с. Школьное, Краснодарский край.

Мы, ученики 1-го класса, научились читать по букварю. Мы узнали о жизни людей, которые погибли на войне. Мы хотим учиться, жить дружно.

Дяденьки, не нужна нам война. Нужен мир народам мира.

Мы решили всем классом участвовать в операции «Сад Мира», посадим много, много цветов. Пусть на нашей земле расцветет Сад Мира.

Октябрята 1-го класса Старопавловской школы-интерната Ставропольского края.

Я не хочу видеть по телевизору, как плачут матери о своих сыновьях и мужьях, которые погибают от рук врагов. Меня поразила картина в журнале «Огонек», где были изображены отсеченные людские головы. Эти люди погибли от рук хунты в Сальвадоре. Я не хочу войны. И пусть все дети планеты сажают Сад Мира.

Тимур Кудратов, 12 лет, с. Петровка. Карагандинская область.

Весной я посажу дерево, чтобы и оно помогло Саду Мира разрастаться по нашей земле. Пусть все ребята сажают деревья и цветы, защищают родную планету!

Динара Фаизова, г. Москва.

Когда Сад Мира разрастется и поднимет к небу, солнцу и облакам свои сильные ветви и душистые соцветия, люди будут приходить сюда, чтобы вспоминать о прошлой войне. Чтобы память — этот чистый родник — не иссякала. Без нее душа холодеет и становится нечуткой, тяжелой.

Не утихает в каждом доме боль о Великой Отечественной войне. Жуткий военный опыт, горечь утрат и нечеловеческие испытания живут в памяти людей. Сейчас их осмысливают и принимают в свои сердца дети. Память о войне — их память тоже.

Мы живем в такой стране, где мирное небо. Реки, поля, леса мы видим перед собой. Но было время, и люди видели дым пожариц, слышали взрывы. Много воинов убила война! У меня умер на войне дедушка Ваня, а дедушка Коля ранен. Для них я тоже хочу посадить Сад Мира.

Война — это злобное слово. Мир — это радость. Лучше, чтобы была радость. Я не хочу войны.

Света Жидикина, 10 лет, Московская область.

Мой дедушка во время войны был комиссаром. Он погиб, а бабушка подорвалась на мине. Я не хочу, чтобы это повторилось в других семьях. Свой голос я тоже подсоединяю в защиту мира. В «Пионере» я читала о пионерском Саде Мира. Я тоже поставила в воду веточку тополя. Весной я высажу ее около дома.

Марина Маслюкова, 4-й класс, г. Красноярск.

В прошлой войне погибло 20 миллионов советских людей. Только из нашего села ушли на фронт и не вернулись более 300 человек.

Оля Козьякова, с. Чернава, Липецкая область.

Во время Великой Отечественной войны погиб мой дядя на Черном море, выполняя свой долг перед Родиной. Почти в каждой семье не хватает кого-нибудь, но мы потеряли также талантливых людей, как Гуля Королева, Любовь Шевцова, Шура Космодемьянский.

У меня нет своих сестер и братьев, но у меня есть

В июле — августе в Каневе и Черкассах состоится III Всесоюзный слет тимуровцев

много друзей, и я боюсь, что могу потерять их всех.

Таня Губко, г. Новосибирск.

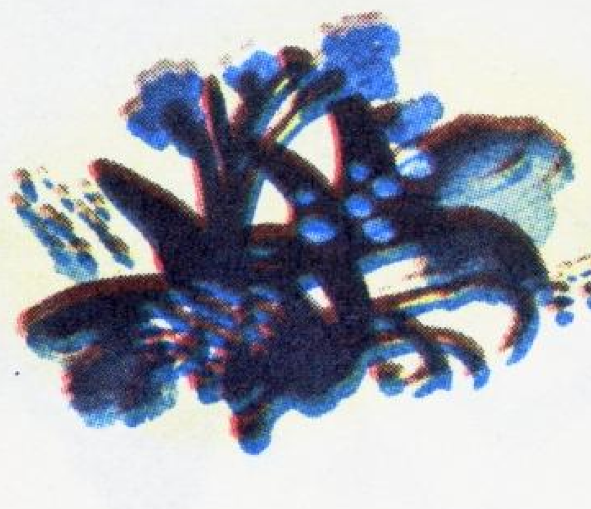
Во время Великой Отечественной войны умер мой дедушка. Он не был на фронте, но отдал все свои силы для приближения победы. Он вместе с другими людьми выпускал оружие. Работал в тяжелых условиях день и ночь, и здоровье его было сильно подорвано. Но дедушка работал, а однажды он упал у своего станка и умер.

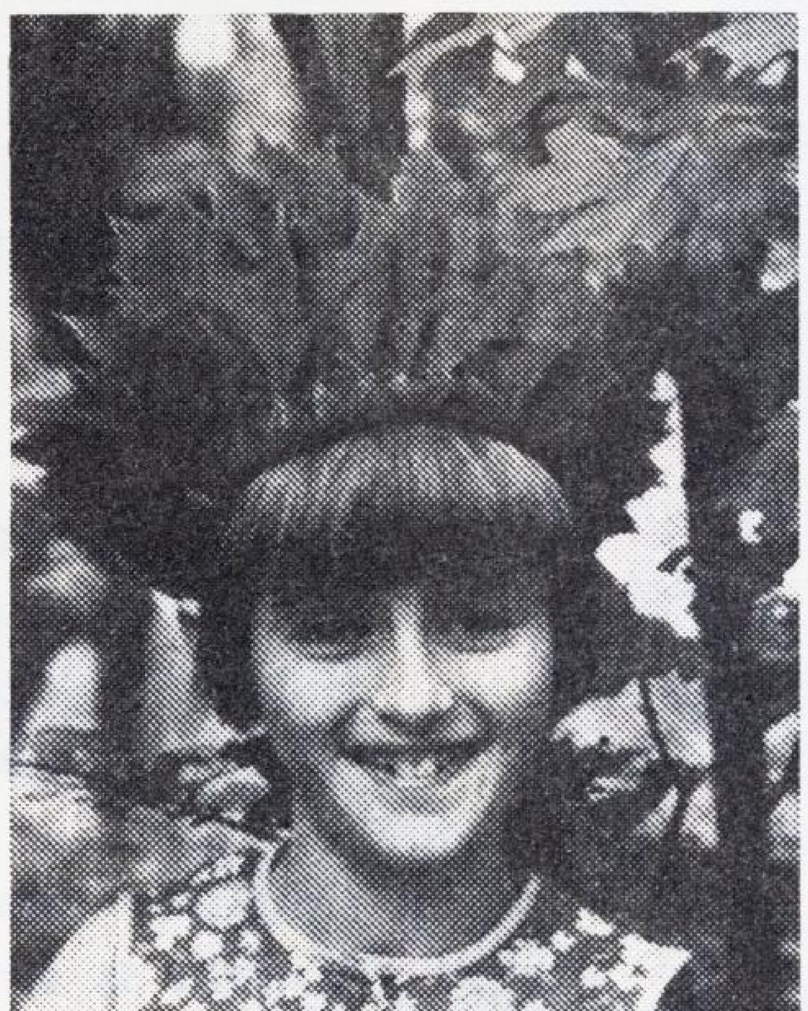
Таня Траханкина, г. Ижевск, УАССР.

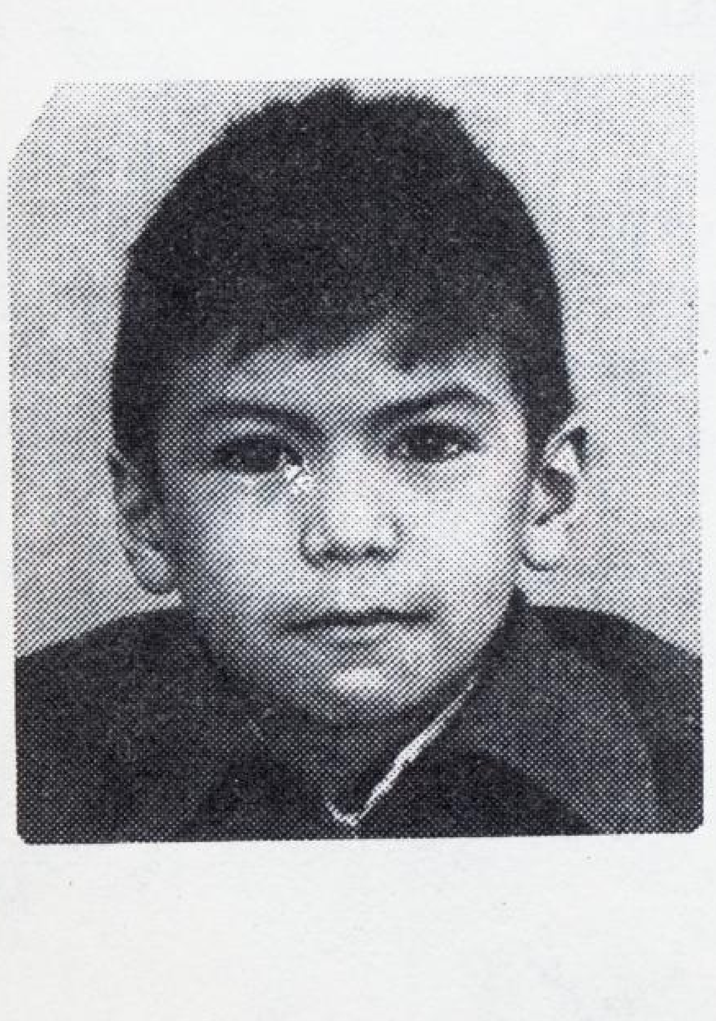
Наша деревня Святица в годы последней войны была партизанской. Здесь создавались и действовали партизанские бригады. И не было в деревне дома, где бы не оказывалась им помощь. За содействие партизанам фашисты сожгли деревню. Жгли дважды. Первый раз им не удалось уничтожить людей. Во второй раз, 11 марта 1943 года, деревню сожгли дотла, а жителей увезли в соседнюю деревню и в сарае сожгли. Не могут забыть наши родители те страшные дни. Я не хочу, чтоб опять это все повторилось. Мне страшно представить, что деревня, которая поднялась из пепла, расстроилась на месте бывшего болота, будет снесена с лица земли, а мои мама, сестра, братик убиты. Я не хочу войны. Буду сажать Сад Мира, чтоб деревня моя утопала в зелени, а не горела в огне.

Наташа Свитухович, 7-й класс,
д. Святица, Брестская область.

«Сад Мира», которую объявил журнал «Пионер» в 10-м номере за прошлый год, ПРОДОЛЖАЕТСЯ!







Могут ли ожить шорохи листьев и вздохи деревьев?

Можно ли разобрать, что шепчет трава?

Можно ли услышать голос Сада Мира?

Можно. Потому что его голос — это голоса детей.

Каждый, кто откликнулся на призыв начать операцию «Сад Мира», ничего не придумывал и не приукрашивал, каждый прочувствовал свои мысли сам. Их глубина — в искренности.

Мне сказала одна старушка, когда мы с ребятами летом за городом собирали целебные травы, что ходить лучше по местам, где во время войны не разрывались бомбы и снаряды. Показала нам не тронутые огнем луга и поляны. Там и в самом деле было больше лекарственных растений. Оказывается, что даже травы помнят войну и плохо растут на земле, вспаханной не плугом, а снарядом. А если землю вспашут атомные бомбы? Она же перестанет быть зеленой!

Вячеслав Заливчий, 4 «Б» класс, г. Полтава.

Если будет война, то даже самый злой и жестокий человек на земле станет жалким.

Ира Гусева, г. Усть-Каменогорск

Давайте, как в математике, представим себе противное: мы уничтожили все живое...

Сама по себе эта мысль ужасна. Даже самые

буйные головы холодеют от такой мысли. Нет лесов, нет лугов, нет морей, нет рек. Не поют птицы. Ни один зверек не прошмыгнет по земле. Кругом пустыня, завывает злой ветер-суховей. Он несет тучи песка и пыли. Все голо вокруг. Одни мрачные жилища тех, которые раньше назывались людьми, возвышаются над пустынной местностью! Эти жалкие существа вспоминают, как они купались в речке, бегали в лес за грибами, восхищались грациозностью оленей и улыбались при виде косолапого мишки. Но нет, нет ничего! Все уничтожено!..

Ужасная картина, не правда ли?

Так давайте оторвемся от этих мрачных мыслей и вернемся вновь в наш реальный мир, прекрасный, живой, освещенный теплыми солнечными лучами, сочный, красивый. Даже в пустыне весной распускаются ярко-красные маки. Природа дает нам все, все, что можно. Мы одеваемся, питаемся, живем, дышим благодаря природе. Так давайте сбережем жизнь, сбережем природу, сбережем все, что радует наш глаз, отвратим опасность смерти, гибели, разрушений, термоядерной войны.

Антон Сыроежкин, ученик 7-го класса, г. Химки Московской области.

«Сад Мира должен окружить нашу тревожную планету».

«Сад Мира должен объединить народы мира».

«Сад Мира — интернациональный»,— так считают дети.

...О войне с фашизмом помнят не только советские люди. О ней помнят многие народы земли. Поэтому редакция «Пионера» не удивилась, получив письмо из Чехословакии. Вот оно.

Дорогие советские друзья, тимуровцы!

С интересом я прочитал «Боевой листок» с вашим предложением начать новую операцию «Сад мира».

Наша пионерская дружина имени героя ЧССР капитана Рудольфа Яснока, которая работает в основной школе у леса в городе Карвина-Рай, имеет 620 пионеров.

Рудольф Яснок был молодой чехословацкий командир танка, который воевал вместе с советскими солдатами против фашистов. Он героически погиб в боях на Карпатско-Дукельском перевале, когда ему было 25 лет.

Много советских и чехословацких людей погибло в войне, чтобы нам счастливо жить, учиться и работать в мире. В нашей стране много обелисков, памятников освобождения и братских могил, где похоронены советские люди.

Наша пионерская дружина основала клуб интернациональной дружбы.

Мы будем ухаживать за братской могилой 66 павших советских солдат, которые похоронены в нашем городе. Мы будем с вами сажать деревья и клумбы — символы мира.

Разрешите нам включиться в операцию «Сад Мира».

Да здравствует дружба между чехословацкими и советскими пионерами!

Властимил Горачек, пионервожатый, 3-я пионерская дружина имени героя ЧССР кап. Рудольфа Яснока, г. Карвина-Рай, ЧССР.

От редакции:

Тимуровцы! А вы включились в операцию «Сад Мира»? Напишите нам. Ждем новых сообщений.

Некоторые наивные люди ставят знак равенства между словами «весело» и «несерьезно». А между тем юмор и занимательность — это порой кратчайшее расстояние между самой серьезной проблемой и сознанием юного человека. Недаром великий Горький утверждал, что с юным читателем надо разговаривать «забавно». Забавно — это не значит легкомысленно, а значит — интересно, увлекательно. Именно так разговаривают с ребятами лучшие детские поэты Советской страны. Так беседует со своим читателем и Асен Босев. Его книги — это увлекательная и умная, веселая и очень серьезная беседа с теми, кому принадлежит завтрашний день планеты: с тобой, юный читатель, и с твоим сверстником, живущим на болгарской земле.

Анатолий Алексин

Асен БОСЕВ,
Герой Социалистического Труда Народной Республики Болгарии, лауреат Димитровской премии

Весенний ветер

Ветер весенний
Ветви качает,
Тополи в роще
Тихо ласкает.

Трогает землю
Мягко и нежно,
Пестует первый
Белый подснежник.

В первые листья
Вербу нарядит,
Девушкам в поле
Косы погладит.

Где ни промчится,
Всех он разбудит:
«В поле нужны вы,
Слышите, люди?»

Чистое золото

Отгорают краски лета,
Поле в золото одето.

Светит золото пшеницы,
Лист табачный золотится.

Ветерок айву качает,
Груши золотом блистают.

Виноград раздвинул листья
Золотой и сочной кистью.

Кукуруза золотая
Зерна соком наливает.

Все дары природы летом
Золотым сверкают цветом.

Кто собрать все это сможет,
Урожай в амбар положит?

Наши руки молодые,
Наши руки золотые.

Перевел В. ВИКТОРОВ.

Как из мухи сделали слона

Сидел отряд,
Пыхтел отряд
И сочинял отчет-доклад.

И каждый думал об одном:
Что отразить в докладе том.

Как написать такой доклад,
Чтоб был вожатый горд и рад.

Один сказал:— Вчера, друзья,
Локтями парту вытер я!

— А я тарелку облизал! —
Второй в ответ ему сказал.

— Захарий Димку с ног свалил,
Обоих я водой облил...

— Намалевал я на стене
То, что во сне
Приснилось мне...

— Как мел
Учитель побелел,
Когда под партой я запел...

— Не я ли дедушке помог
Переступить через порог?!

Вот так на ум пришли дела,
Которым не было числа.

Тут сразу все пошло на лад...
Готов отчет!
Готов доклад!

В нем сказано без пышных фраз
Про образцовый школьный класс.

И про сознательных ребят,
Что все за чистотой следят.

И что рисуют, и поют,
В обиду слабых не дают,

И помогают старикам
В пример другим ученикам...

Какой доклад!
Какой отчет!
Отряду — слава и почет!

Вздохнул вожатый:— Вот те на!
Из мухи сделали слона!..

Перевел Сергей МИХАЛКОВ.

Ольга Михайловна Генкина, героиня моей новой повести «Пятое окно от угла»,— лицо подлинное.

К повести об Ольге Генкиной я шла почти двадцать лет. В первые годы работы над книгами о женщинах революции, составившими сегодня целую серию, мне попались материалы, относящиеся к трагической судьбе этой замечательной революционерки-большевички. За долгое время работы в партийных и государственных архивах материалы эти росли, как росла и собственная уверенность в необходимости создания книги об Ольге Генкиной. Найти своего героя, который бы на долгое время завладел твоими думами, сердцем, жизнью, для писателя всегда трудно.

Ольга Генкина пришла в революцию из обеспеченной семьи русских интеллигентов. Красивая, образованная, она могла бы спокойно и благополучно прожить свою жизнь, повторяя судьбы многих. Но совесть, высокие нравственные качества, любовь к народу не позволили ей этого сделать. Она пришла в революцию, познав и многократные аресты, и слежку, и поединки с царской охранкой, и смелые побеги, и сырые казематы — все те невзгоды и лишения, которые выпадали на долю профессионального революционера. Она работала в тревожное для партии время — в период подготовки первой русской революции 1905 года. Нужны были беспредельная смелость, уверенность в своей правоте, чувство святого товарищества, чтобы вынести все, что обрушилось на нее.

Погибла Ольга Генкина в городе Иваново в 1905 году. Погибла трагически, когда по заданию Московского комитета партии привезла для нужд революции револьверы и патроны. В Иванове свирепствовали черносотенцы, не прекращались погромы, обыски и аресты, обескровившие партийную организацию,— вот и прибыла в эти дни Ольга Генкина с транспортом оружия, чтобы помочь ивановским дружинникам выстоять в лихолетье. Погибла она мученической смертью в двадцать три года, в расцвете сил и таланта.

Я зачастила в Иваново и очень полюбила этот прекрасный читающий город, полюбила немногословных ивановцев. И каждый раз испытываю большое волнение, когда кладу свой скромный букетик цветов к мраморной доске, на которой золотом написаны дни жизни Ольги Генкиной. Долго стою у скромного скверика на вокзальной площади — месте гибели Ольги Генкиной, святом для каждого ивановца. Город любовно бережет память об Ольге Генкиной. Ее имя носят одна из улиц, площадь, могила ее в любое время года убрана цветами.

Автор

Вера МОРОЗОВА

ПЯТОЕ ОКНО ОТ УГЛА

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Рисунки М. ПЕТРОВА.

Меня зовут иная жизнь, иные грезы...

Петербург, 1901 год.

День выдался пасмурный. Низкое небо придавило и громады домов, и шпиль Петропавловки, и златоглавый Исаакиевский собор. Гасило блеск куполов, наваливалось тяжестью на плечи атлантов и кровли дворцов. С тупым скрежетом проползали конки. Лошади тащили их по разъезженным мостовым с трудом, разбрасывая комья мокрого снега. От сырости тускнели стены особняков, окрашенные в розовые и желтые цвета, и здания стали неприветливыми, угрюмыми.

Летний сад не радовал взора: на Нептуне лежал снег, изъеденный туманом,— зернистый, потемневший. На вековых липах пожухлые, забытые с осени листья, сквозь толщу снега проступала чернота стволов.

Изредка пробивалось солнце, и тогда все преображалось: и дома, и соборы, и проспекты, и Летний сад. Но длилось это недолго, и опять низкие облака гасили яркость красок.

У решетки на набережной Мойки стояла женщина. Она смотрела на причудливо громоздившиеся на реке льдины. У круглых сходней голубела прорубь. Прачки, подоткнув юбки, лихо колотили валиками белье.

Женщина была молода и хороша собой. Рядом с ней стоял гвардейский офицер.

— А во Франции, в ее северной части, по реке пускают обоз, желая проверить, замерз ли лед. Идет первая лошадь и тащит возок. Ее зовут «обреченная». В отдалении стоят люди и смотрят, не провалится ли эта обреченная лошадь. Коли пройдет и лед не рухнет, значит, река замерзла и можно по ней ходить.— Офицер помолчал и с грустью закончил: — Вот и вы, Ольга, напоминаете мне эту обреченную, которой пробуют крепость льда...

Девушка рассмеялась, и лицо ее стало прекрасным. Вьющиеся волосы выбивались из-под меховой шапочки. Глаза, большие, ясные, полные света и покоя, невольно притягивали внимание. Толстая длинная коса была переброшена через плечо.

— Полноте, Анатоль...

Молодой человек печально покачал головой.

— К несчастью, сравнение это очень точное.— В глазах его вспыхнул упрямый и злой огонек.— Вы блистательная и обаятельная женщина. Все в вас: и ум, и благородство, и красота... И происхождение прекрасное: ваша матушка из дворянского рода, и

весьма старинного. Вас опекает генерал Павлов, влиятельный и могущественный, у которого вы изволите проживать. Жена его, милейшая Юлия Алексеевна, в вас души не чает... Вы — их воспитанница... Наконец, вас люблю я...— Офицер взял руку девушки и проникновенно сказал:— Надеюсь, я что-то значу в вашей жизни?! Вы должны со мною считаться. Ну, хотя бы оттого, что люблю вас безмерно. А в действительности что?! Все отвергнуто, все не имеет цены. Вы целыми днями пропадаете, куда-то исчезаете, появляетесь бог знает где и бог знает с кем... Ни на бале в Дворянском собрании, ни в генеральском доме вас не сыскать. Горничная дает какие-то туманные ответы... Добрейшая Юлия, как вы изволите величать свою покровительницу, подносит к глазам платок и недоуменно пожимает плечами... А эти маскарады с переодеванием в платье работницы?! Я готов уважать ваши шалости, но согласитесь, они зашли слишком далеко! Что вы ищете в жизни? Чем недовольны? Чего хотите? Чем обделила вас природа?

Девушка засунула руки в тонких перчатках в муфту и запрятала подбородок в пушистый воротник. Голову наклонила набок и, поеживаясь, слушала офицера. Налетел ветер, поднялась поземка. Колючая снежная крупа била по лицу.

Она больше не смеялась. Посмотрела ему в глаза и серьезно ответила:

— Думаю, что вы должны помнить строки:

О, мне не истина в речах твоих нужна,
Огонь мне нужен в них, горячка исступленья,
Призыв фанатика, безумная волна
Больного, дерзкого, слепого вдохновенья!

— Вместо серьезного разговора — опять стихи.— Лицо его потускнело.— Скажите хотя бы, чьи они?

— Надсона. Поэта, безвременно погибшего на Руси от чахотки, как, увы, и многие. «Не вини меня, друг мой,— я сын наших дней. Сын раздумья, тревог и сомнений»... Его же... Конечно, в кадетском корпусе Надсона не преподавали, а к самообразованию вы относитесь отрицательно. Где вам знать Надсона! — Девушка сощурила прекрасные глаза и удивительным взглядом, который был присущ ей одной, посмотрела на офицера.— Надсон ушел из жизни в двадцать четыре года. Это ему принадлежат слова: «В 1884 году начал умирать. Затем — честь имею кланяться». Умер он в 1886 году, два года спустя. Все творчество его пронизано мыслями о раннем и безвременном увядании, о близкой гибели. И это не только личные мотивы, вызванные как недугом, так и смертью любимой женщины. Думаю, что это болезнь целого поколения. Поэта при жизни не понимали, государственные мужи, правящие круги травили его. Теперь те, у кого есть сердце, с благодарностью вчитываются в его строки, многое в этих строках приобрело символическое значение.

И опять на переносице упрямая складка. Она читала:

— Сколько праведной крови погибших бойцов,
Сколько светлых созданий искусства,
Сколько подвигов мысли, и мук, и трудов,—
И итог этих трудных, рабочих веков,—
Пир животного, сытого чувства.

Офицер с грустью смотрел на спутницу. Безумная... Безумная... К чему этот порыв, да и доведет ли он до добра?! А ведь он ее любил, хотя во многом не понимал. Эти странные разговоры, бредни о народном страдании. Конечно, это дань моде. Мода есть мода. Всяческая там эмансипация, самостоятельность, заигрывание с простым людом и прочее, но так можно и жизнь погубить! Да, да... А она близка к этому. Поступала в медицинский институт... Дворянка!.. Гм... Женщина-врач?! Хорошо, скрепя сердце с этим можно было примириться. Только не одна медицина ею владеет. Медицина — средство, главное — желание принести себя на алтарь отечества. Думал, что это не так глубоко, переболеет, словно корью, и опомнится, но нет. И с грустью видел, как она отходила от него все дальше и дальше... Какие-то непонятные друзья, частые отлучки, нежелание бывать в обществе. А последнее время она просто его пугает. Видите ли, идеалом ее стала жизнь Софьи Перовской. О доброте и бескорыстии, о ее хождении в народ и мученической смерти на виселице, о ее любви к Желябову и презрении к Рысакову Ольга столько раз говорила ему. Как это понять?! Неужто она готовится повторить судьбу Софьи Перовской?! И каждый раз от страшных предчувствий у него покрывался испариной лоб и хотелось бежать от нее, как от омута. Но потом он успокаивался и начинал корить себя за глупость. Нет, это все девичьи бредни да обида на его тетушку — генеральшу, любезнейшую Юлию Алексеевну, которая отказывала ей в праве поступать в медицинский институт, а в ее стремлении стать самостоятельной видела одно непослушание и желание сделаться нигилисткой. «Замуж... Замуж пора!» — ворчливо выговаривала она племяннику. Он и сам в тот раз рассмеялся — так-то на Руси относятся к женскому образованию.

И опять стал слушать Ольгу. Она читала ему Надсона с упоением, словно стараясь убедить в чем-то, одной ей ведомом:

— Вперед, забудь свои страданья,
Не отступай перед грозой,
Борись за дальнее сиянье
Зари, блеснувшей в тьме ночной!

Девушка замолчала. Нет, она не смогла убедить. Да и зачем ему эти тревоги, ответственность за счастье других? Эти страсти не для него. Кругом много добропорядочных, воспитанных девиц, которые почтут за счастье составить с ним партию. А здесь бог знает, куда все зайдет. Душевное спокойствие намного важнее, чем такая зыбкая любовь. Лицо офицера стало непроницаемым, замкнутым.

— Ольга, я вынужден вас огорчить. Бабушка приглашала меня нонче на чашку чая...— Анатоль поклонился, пытаясь загладить неловкость.— Я буду вечером занят.

Погода продолжала портиться. Ветер с воем носился по Мойке, заталкивая гувернанток с барчуками и воспитанницами в строгие петербургские особняки, загоняя в подворотни прохожих.

Девушка поклонилась и двинулась вдоль набережной. Ветер не пугал. В пурге и снежной непогоде виделись неведомые дали, светлые горизонты.

И все же офицер пошел ее провожать, удивляясь и кляня себя за малодушие, за непонятную власть, которую имела над ним Ольга Генкина.

Чемодан в сером чехле

Иваново-Вознесенск, 1905 год

Тяжело проскрипев колесами, состав замер. И сразу загалдели, зашумели в вагоне. Толпясь и давя друг друга, люди бросились к дверям, загораживая

проход горой чемоданов, сундучков, баулов, мешков. Заняла свое место в проходе и Ольга, с трудом приподнимая чемодан в парусиновом чехле. В вагон влетели носильщики. В белых фартуках. С начищенными бляхами. Как пробились через кутерьму, совершенно непонятно. Носильщик, окинув пассажиров опытным взглядом, остановился рядом с Ольгой Генкиной.

— Разрешите, барышня, поднесу чемоданчик! — Лицо приветливое, с улыбочкой. Улыбочка немудрящая, из тех, что приклеена к лицам приказчиков да носильщиков. Не дожидаясь согласия, подхватил чемодан. Свистнул:

— Видать, барышня золото перевозит... В слитках...

Ольга встревожилась: какая накладка в конспирации! Но носильщику улыбнулась. Каждой приятно золото возить в чемодане да еще в слитках. И пошла за ним, стараясь в толкотне не потерять его из виду.

На фронтоне вокзала крупные буквы, покрытые изморозью, — «Иваново-Вознесенск». По обе стороны от фронтона крылья здания с огромными окнами, украшенными резными наличниками. У циркульных дверей вокзала — фонари. Резные. Чугунные. Как в Москве на Ярославском вокзале.

На перроне толкались люди с неприветливыми лицами. На брезентовых и кожаных поясах — железные крючья. Грузчики, так называемые «крючники». На соседнем пути товарный состав с хлопком. Грузчики хватали крюками необъятные кипы хлопка, перехваченные веревкой, взваливали на плечи. Из-за копны хлопка человека почти не видно.

— Берегись... Берегись...

Ольге показалось, что носильщик переморгнулся с городовым. Нет, ошиблась. В душе обругала себя за мнительность. Мнительность — плохой советчик в опасности.

— Куда, барышня, чемоданчик поднести? К извозчику? — Носильщик сгибался под тяжестью. — Далече в городе-то путь держите?

И этот вопрос насторожил Ольгу. Пожалуй, лучше чемодан сдать в камеру хранения. Город для нее новый, и блуждать с такой ношей не резон. И чемодан приметный. Серый, в парусиновом чехле. Тяжесть-то какая! На извозчике до явки добираться неконспиративно, тащиться по улицам и спрашивать дорогу того хуже: можно привлечь внимание городовых. Разговоры носильщика о том, что чемодан отличается излишней тяжестью, сильно ее обеспокоили. Она припомнила, как и в Москве, в камере хранения, удивлялись тяжести чемодана. У конспирации нет мелочей — это урок на будущее.

Этот чемодан она укладывала вместе с сестрой Надеждой. Они очень дружили, Ольга и Надежда. Надежде исполнилось семнадцать лет. Худощавая. Энергичная. Волевое лицо с темными глазами. Волосы, расчесанные на прямой пробор.

Ольга уже давно не имела от Надежды секретов: сестра и записки носила по нужным адресам, и на кружках, которые Ольга вела среди рабочих, бывала, и помогала уйти от слежки. Смелая и отважная Надежда.

Ольга завертывала каждый смит-вессон в газету, которую ей подавала Надежда. Патронов четыреста штук. Быстрые пальцы сестры ловко перекладывали их бумагой. По ее совету Ольга весь груз заложила сверху бельем. Надежда и наволочку в зеленый горошек принесла.

Работали споро, почти не разговаривая. И такая тревога и боль были в глазах сестры...

Потом в комнату зашел папа — Михаил Семенович. Сутулый, в очках, он показался Ольге постаревшим. Положил руку ей на плечо: «Значит, в Иваново... Я слышал, что «черная сотня» в котел для краски бросила двух революционеров-рабочих... Бросили в котел, и люди погибли».

Ольга, застегивая чемодан, тихо сказала: «Потому туда и везу оружие».

Мама стояла в дверях, прижимая руки к груди. Молчаливая и такая же постаревшая. Она крепко обняла Ольгу.

Извозчик помог барышням поставить чемодан в пролетку и застегнуть полог. Валил снежок и приятно освежал лица. До отхода поезда оставалось три часа, казавшиеся ей вечностью. Толстый, благодушный кладовщик в камере хранения подхватил чемодан и крякнул от тяжести: «Уж не

золото ли там?» И лицо расплылось в улыбке. «Конечно, золото»,— беспечно ответили сестры.

Ольга огорчилась: нет, это серьезная накладка в конспирации... А что делать? В Иванове-то дружинники без оружия и остановить зверства «черной сотни» не могут.

Надежда вела ее под руку по вокзалу и что-то щебетала, стараясь казаться беспечной. «Правильно, очень правильно»,— одобряла ее в душе Ольга. И крепко прижимала локтем ее руку... «Милая моя Надюша... Ни слова укора, в глазах уважение и восторг. Молодец девочка! Молодец!..»

— К извозчику прикажете, барышня?— сипло переспросил носильщик и остановился в нерешительности. Вопрос вывел Ольгу из задумчивости.

Мимо валила толпа. Крестьяне окрестных сел, гонимые нуждой, приехавшие в Иваново на заработки. Малые детишки да бабы, уставшие от голода и неурожая. И снова крючники, сгибаясь под тюками хлопка, пробегали по коридору, образованному толпой. Обратно возвращались вразвалку, молчаливые, вытирали ладонью потные лица, размазывая пыль и грязь. Лишь позванивали крючья, укрепленные у пояса.

Ольга посторонилась. Мимо прошел крючник. Взгляд угрюмый. Насупленный. Спутанные потные волосы, смазанные репейным маслом. Плечи широкие. Он грязно выругался на мастерового, не уступившего дорогу, и дыхнул пьяным перегаром.

Носильщик низко поклонился.

— Сам Клочков нонче работает.

— Клочков?— Ольга Генкина недоуменно пожала плечами.

— В депутации к царю был... большую силу имеет в городе.

— Чемодан в камеру хранения,— твердо сказала девушка, испытывая неприятное чувство от встречи с Клочковым. Наверняка из черносотенцев. И повязка на рукаве.

— Камеры хранения в Иванове нет. Не доросли до столицы...

— Как же быть? Мне нужно в городе знакомых повидать.

— В таких случаях вещи в дамской комнате оставляют...

Вместе с носильщиком Генкина вошла в зал ожидания первого класса. Огляделась. И плюшевые диванчики на резных ножках, и большие зеркала, и непременные для провинциального города пальмы в кадках. Листья, прихваченные морозом, пожелтели. Буфетчик с крохотными усиками, в белом сюртуке и галстуке-бабочке.

Из-за бархатной занавески, отделявшей угол зала, к Ольге подошла женщина в белом передничке, отделанном плиссированной оборкой, напоминавшая горничную из хорошего дома.

— Принимай чемодан, Полякова,— сказал носильщик.

— Чемодан хотите оставить? И город посмотреть?

Ольга поморщилась — неприятная угодливость, коварство были в глазах Поляковой.

— Да, хочу оставить чемодан. Позднее пришлю за ним.

— Пожалуйте, барышня... Пожалуйте...

Проходя в женскую комнату, Ольга увидела в большом трюмо, как наклонилась Полякова над чемоданом, и у нее невольно сжалось сердце.

— Маленький какой, а тяжелый-то... Все руки оттянул.

Полякова присела к столику, выписала квитанцию на чемодан и с улыбочкой подала ее девушке.

— Не извольте сомневаться — все будет в сохранности. Гуляйте по нашему городу... Смотрите, любуйтесь... Потом человека пришлете за вещами или сами на извозчике заглянете... В городе-то первый раз?— В глазах женщины льдинки.— К центру нужно идти — по Шереметьевской прямиком... А коли на ситцевую фабрику господина Гандулина — так прямо до Соковского моста... А если к Торговым рядам, то нужно пройтись до Вознесенской площади...

Ольга слушала с невозмутимым видом. В перечислении улиц почувствовала назойливое желание Поляковой узнать, куда приехала обладательница чемодана в парусиновом чехле. И фабрики перечислила... Хитра... Хитра.

Офицер слушал Ольгу. Она читала стихи, словно старалась убедить его в чем-то, одной ей ведомом.

Носильщик Морозов долго смотрел вслед уходящей девушке. Накануне на вокзале городовые прозевали два тюка с недозволенными изданиями. Какой крик стоял! Не приведи господи! Целый разнос учинил их благородие господин Левенец! И строжайше предупредил: коли что носильщики заметят предосудительного, так обязательно, под страхом увольнения и обвинения в пособничестве, должны докладывать дежурному жандарму. Дежурство на вокзале круглосуточное, и отговорок никаких быть не может.

Морозову не понравилось, как рассматривала приезжую эта змея Полякова. Плохая и опасная женщина. И с жандармами дружбу водила и в соглядатайстве подозревалась. Служащие ее старались обходить. Но в этом-то разе как поступить: барышня приехала скромная, миловидная — залюбуешься. Чертов чемодан! И случилась такая оказия — чемодан нести ему выпала нелегкая... Полякова, когда он уходил, сделала знак... Нужно вернуться и узнать, что задумала проклятая баба. Ослушаться никак невозможно. Ему бы до пенсиона дослужить без происшествия да уйти подобру-поздорову...

Проклиная в душе подколодную змею Полякову, носильщик поплелся в залу первого класса. Около Поляковой крутился молодой жандарм. Они тихо и, как показалось ему, многозначительно шептались. Полякова посмотрела на носильщика, выжидая.

— Ну, как чемоданчик-то? — спросил Морозов, удивляясь изменившемуся голосу.— Не приходила еще барышня?

Молодой жандарм при его приближении с равнодушным видом отошел от Поляковой.

— Не приходила. Теперь ищи ветра в поле!

— Да-с, дела...— протянул Морозов.— Хозяйка загостилась, видать...— И, поймав откровенно насмешливый взгляд Поляковой, сдавленно прошептал:— Доложить, что ли, господину ротмистру?

В глазах проклятой бабы удовольствие. Значит, ждала таких слов, а то донесла бы и на молоденькую девушку и на него, укрывающего преступницу. Преступницу... Гм... Почему он так в душе ее назвал? Времена настали тяжкие — почти в каждом усматривай преступника. Господи, помилуй грешного... Перед глазами стояла невысокая девушка с удивительно милым лицом. Может, все и хорошо будет. Чемодан вскроют, а там книги божественные... И такое бывает. Вот тогда никакого накладу — ни ему, проявившему радение, ни барышне, приехавшей по собственной надобности в Иваново.

Дежурный жандарм Ганыкин раскладывал на столе пасьянс. Увидев носильщика, привычным движением смахнул карты со стола в ящик и придвинул его животом. Водрузил на голову фуражку, расправил плечи.

— Что тебе?

— Такие дела — с московского поезда сошла барышня... У них очень тяжелый чемодан. Снес его в дамскую комнату и, елки-моталки, решил тебе сказать...

Против ожидания жандарм отнесся к словам серьезно. Отложил бумаги. Ничего, потерпят... Каждая бумага должна вылежаться... Да и бумаги-то неважнецкие... Заявление от попадьи о пропаже полуведерного самовара да об обнаружении подкидыша трех месяцев от роду с серебряным крестиком на груди, о лихоимстве приказчика, прихватившего тюк ситца, и прочие глупости, на которые так тороваты обыватели. Чемодан — дело серьезное... Снял очки и, постучав карандашом по столу, сказал:

— Живо доставь его в жандармскую комнату... Посмотрим, откуда тяжесть такая...

Морозов тащил чемодан по вокзалу, и тот казался вдвое тяжелее прежнего. Дело паршивое. Наверняка в чемодане что-нибудь отыщут — тем более что хотят отыскать.

— Эка набили...— Жандарм крупными пальцами ловко расстегнул чехол. Потрогал замок и рассердился:— Ишь какая прыткая — чемодан заперла... Дай ножик...

— Какой? — удивился Морозов.

— Да маленький... Перочинный... Замочек-то и подденем.— У Морозова был складной ножик. Обычно им сало, которое приносил из дому на обед, резал. Но он попробовал возразить:

— Зачем без барышни чемодан трогать? Придет, тогда и спросим по-хорошему...

— Глуп ты, батенька... Дубина стоеросовая... Да у меня на это дело нюх! В такое смутное время поедет барышня в чужой город с пустыми руками... Наверняка курсистка, и все они одним миром мазаны.— Жандарм суетился около чемодана.— Сейчас мы тебя, голубчик, вскроем...

Замок слабо звякнул. Распахнулась крышка. Газета. Жандарм стащил эту газету. Выкинул подушечку с наволочкой в зеленый горошек. Несколько пар женского белья. И новая газета во всю ширину чемодана. Сдернул и ее и глазам не поверил... Смит-вессоны. Десять, блестящих вороненой сталью. Смазанные веретенным маслом, укутанные вощеной бумагой. И под револьверами — патроны. В обертках, пахнущих дымом.

Жандарм в восторге подтолкнул локтем Морозова. У того вытянулось лицо. Дыхание стало частым, испуганным. Ну и милая барышня...

— Тут-то она и сказала: за мной, мальчик, не гонись! — не мог прийти в себя от изумления жандарм.— Смит-вессоны и патроны... Да, одних патронов четыреста штук! Пожалуйста, товарищ, стреляйте в царевых слуг! Конечно, оружие до зареза нужно большевикам и дружинникам... Как это я сразу не догадался... Думал, может, шрифт или прокламации, а тут оружие... Да на целую дружину... Десять смит-вессонов да четыреста патронов!

Морозов бессильно опустил руки. Вот и барышня! Милая да скромная. А сама патроны тащит. Не девица, а Соловей-разбойник. Почто таким не сидится дома?! Видно, из благородных и обучена разным языкам, и родители люди состоятельные... Барышню завсегда видать... Голова кругом идет — так и до тюрьмы недалеко. И сразу обожгла мысль: небось, и в тюрьмах сиживала. Вот откуда ее спокойствие! Еще бы... Такую ничем не удивишь... И перед глазами опять выплыла незнакомая девушка. С высоким чистым лбом. С ясным взором. С темно-русыми бровями. С ямочками на щеках. И длинной, ниже пояса косой, как у чудо-девицы. Плавная в движениях. Настоящая царь-лебедь. И как он ни пытался себе объяснить, что она смутьянка и крамольница, что дело сделал нужное, спасая государство от преступницы, в глубине души он осознавал, что поступил подло и никакие наградные, о которых беспокоился жандарм, не принесут ему умиротворения. И этого греха ему не замолить.

— Значит, Морозов, договариваемся — чемодан отнеси в дамскую комнату. Я дам приказ, чтобы барышню при появлении на вокзале схватили и привели ко мне.— Жандарм возбужденно ходил по комнате.— Тебе придется побыть рядом с жандар-

мом для ее опознания. Наверняка явится не одна — вот и узнаем, к кому приехала и что дальше собиралась делать. Под корень вырвем всю организацию!— И опять он повернулся к носильщику.— Смотри, от жандарма ни на шаг! Чуть приметишь — шепни... И чтобы никаких знаков. Нини... Сам пойдешь в Сибирь, черт старый! Видишь, какая злоумышленница да социалистка! Ухо востро держи — птица-то непростая. Из самой первопрестольной прислали в Иваново... Господи, что ж получается — своих злоумышленников переловили, так из других городов присылают! Беда, беда одна...

Морозов не стал слушать сетования жандарма. Уныло захлопнул чемодан и потащил в зал первого класса, проклиная себя в душе. Что ни говори, а доносчиком и наушником он еще не бывал. Да и низкое это ремесло. Вот она, жизнь! До всего доведет.

Ольга Генкина и ротмистр Левенец

Иваново-Вознесенск, 1905 год

Ротмистр Левенец с трудом пробрался в жандармскую комнату сквозь толпу.

Увидев его, вахмистр поднялся из-за стола. Сказал вкрадчиво, виновато:

— Посылали за вами, да прислуга передала, что изволили уехать на охоту... С благополучным прибытием... Задержал дамочку при попытке забрать чемодан с оружием из дамской комнаты. Составил акт об изъятии десяти револьверов и четырехсот патронов... Вместе с приехавшей оказалась и девица из местных.— Он показал рукой на Князеву...

Левенец нахмурился: чурбан, настоящий чурбан, и доложить-то толком не умеет, а амбиции на пятерых. Левенец был сердит. Он и раньше уезжал в служебное время на охоту, но без огласки. А тут... Левенец поморщился. События развивались грозно. Гул, крики толпы ему, только что приехавшему, казались оглушительными.

— Бей политиков!

— Крамолку... Крамолку выдайте!

Жандармская комната трещала под ударами толпы. В окнах, начинавшихся от самого пола, виднелись десятки лиц. В гримасах. Злых. Перекошенных от крика и ненависти. И пьяных. Все, будто на картине плохого художника, изображающей Страшный суд.

Ротмистр Левенец оглядел задержанных. Лицо Генкиной привлекло внимание. Красива-то как! Ни испуга, ни малодушия. Казалось, что к событиям, грозившим закончиться трагедией, она не имела ни малейшего отношения. Лишь бросала на соседку взгляды, полные участия и озабоченности.

— Почему казаки не навели на вокзале порядка?— Левенец с нарочитой строгостью уставился на вахмистра.— Казаки стоят на площади... Целая сотня... Давно они здесь?

— Я их вызвал, опасаясь за спокойствие на станции. Участия в событиях они не принимают... Народ, собравшийся на станции, настроен монархически, и я боялся оскорбить их патриотические чувства вмешательством казаков.

— «Монархические чувства»?!— Генкина развела руками и искренне рассмеялась.— Разбой, хулиганство, крики о золоте, которое якобы хранится у меня. Пьяная орущая толпа... Бедная, бедная Россия, коли патриотические чувства пробуждаются звериными инстинктами. И чувства эти представители власти называют монархическими...

Ротмистра Левенца потрясло, как просто и искренне иронизировала девушка в такой момент. В воздухе гроза. Крики о золоте, к которому рвалась толпа, становились нестерпимыми. Страшной силой обладало золото. Кашин постарался. Он-то хорошо знал толпу. Вот и распустил слух о богатстве, якобы привезенном женщиной. В глазах толпы все действия большевички (в этом ротмистр Левенец не сомневался) легче оправдать золотом, чем идейными принципами. Золото... Золото... Но казалось, Генкина и ненависти к этому сброду не испытывает. Жалость, одна жалость к обманутым и отвергнутым людям.

Левенец почувствовал незаурядность этой женщины. Сила ощущалась в ее самообладании, в убежденности, в доброте к товарищам. «Конечно, из тех, кто берет все на себя». И неприязнь захлестнула его сердце.

— Господин ротмистр, такое злодеяние вы творите в угоду «монархическим чувствам» толпы?! Речь идет о жизни неповинных людей.— Генкина старалась поймать взгляд ромистра.

— Неповинных людей?!— зло отпарировал ротмистр, показывая на револьверы и патроны.

Револьверы и патроны, разложенные на столе, были хорошо видны тем, кто прилип к стеклам лицами, напоминавшими маски. Подобно красному цвету, вид оружия будоражил их воображение. Вахмистр запретил писарю убирать оружие в чемодан. Пусть все видят улики — не без повода задержали дамочку. Смотрите, люди добрые, любуйтесь злодейством!

— С позиции исторической, конечно, неповинных, вы и сами понимаете,— отрезала Генкина.— Времени мало, скоро накал страстей, тщательно раздуваемых вашими коллегами,— и опять в голосе насмешка,— словно костер на ветру, перекинется и захлестнет эту жалкую комнату. Иными словами, вы, представитель власти, сознательно отдаете нас на самосуд... Думается, за такой способ расправы вы ответите. Историческая правда за нами, большевиками. В памяти народной хранятся все дела — и добрые, и злые. И народ с каждого спросит за зло... Помянет и тех, кто отдал за его счастье жизнь. И умирать нам, за которыми будущее, не страшно. А страшным будет возмездие вам, убийцы!

Левенец с ненавистью слушал женщину. Что-то вещее и неотвратимое звучало в ее словах. Сердце заныло от обиды и бессилия. Слепцы... Безумцы... Мечтают о социализме и готовы умирать с гордо поднятой головой, словно не слышат ни пьяных криков, ни как трещит от ударов дверь.

— Попробуйте диваном подпереть дверь,— приказал ротмистр Левенец вахмистру и покосился на Генкину: вот цена философии!

Девушка ничего не ответила, посмотрела на него с жалостью.

— Дайте револьвер.— В голосе Генкиной спокойствие.— Спасти нас невозможно... Кстати, вам самое время покинуть жандармскую комнату... Вот-вот произойдет несчастье. Ворвется толпа громил и убийц. Я смерти не боюсь, но зверства испытать не хотелось бы... Дайте револьвер...

Ротмистр Левенец вздрогнул и протянул конверт. Обычный почтовый конверт. Времени не имел разыскивать на столе чистую бумагу.

— Напишите свою фамилию... Имя... Место вашего постоянного жительства...

Генкина кивнула головой. И вдруг выплыли лица мамы, Надюши... Такие близкие и до боли знакомые.

Твердым и ровным почерком написала фамилию и московский адрес. Ротмистр взял конверт и аккуратно положил в карман. Значит, и женщина поверила в неотвратимость смерти, иначе фамилию бы и под пыткой не сказала. Удивительные люди. Ротмистр утвердился в принадлежности Ольги Генкиной к большевикам.

— Спасайтесь, ротмистр... А то и вас ненароком убьют заодно со смутьянами. Думали смерть приготовить нам, а в капкане окажетесь и вы.

Жандармы с осторожностью приоткрыли двери и громко кричали, пытаясь образумить толпу. Ротмистр трусливо прошмыгнул из комнаты, сотрясаемой, как при шторме.

Ольга подумала: какой многозначительный взгляд бросил на прощание ротмистр! Конечно, он обрекал их на смерть. Своим бегством он развязывал руки толпе.

И еще какой-то скрежет металла примешивался к крикам толпы. Неприятный. Режущий, словно звон кандалов. Такой звон слышался в тюрьме, когда кандальников выводили на прогулку. Ближе. Ближе... В казематах этот звон не скрадывали двухметровые стены. И здесь, на вокзале... Как странно... Галлюцинация?! Нет, она галлюцинациями не страдала. Это бряцали железные крючья, подвешенные к поясам артельщиков.

Комната сделалась маленькой, зажатой со всех сторон сотней людей. Вздрагивала висячая лампа. Скособочился на стене от ударов царский портрет. И лицо Николая II с пустыми глазами стало испуганным. Дверь трещала от ударов и грозила сорваться с петель. Диван, подпиравший ее, тяжело скрипел. Высокая спинка с зеркальной полочкой наклонилась. Посыпались осколки разбитого зеркала. Видно, наступал конец. Ольга подошла к Анне Князевой и крепко ее поцеловала.

— Сейчас ворвутся,— тихо сказала она и с невыразимой тоской посмотрела в окно, где едва белел крошечный просвет.— Ворвутся...

— Дайте револьвер.— В голосе Ольги Генкиной было спокойствие.— Спасти нас невозможно...

Однажды в детстве я прочитал книгу...

В волшебный мир меня позвал

В детстве больше всего на свете я любила сказки. Стремительное развитие сюжета, волшебные превращения, непременное торжество добра и справедливости. Мне нравились книги в ярких, красочных обложках, с цветными иллюстрациями.

А это была старая, невзрачная, даже без рисунка на обложке. На сером, скучном корешке было написано: **С. Аксаков. «Детские годы Багрова-внука».** Я безнадежно перелистала несколько страниц. И вдруг: «Аленький цветочек. Сказка ключницы Пелагеи». Сказка! Вот неожиданность!

Мне казалось, я знаю все сказки, которые есть у нас дома: русские, болгарские, румынские... Сказки братьев Гримм. Андерсена. Но сказку ключницы Пелагеи видела впервые.

Я читала ее, не отрываясь. Заколдованная размеренной речью, настоящими сказочными словами. «Прибегают сестры старшие, большая и середняя, подняли плач по всему дому: вишь больно им жалко меньшей сестры любимыя, а меньшая сестра и виду печального не кажет, не охает и в дальний путь неведомый собирается». И я бродила с ней по царству страшного чудовища, завороженная этой историей, до самого ее счастливого конца.

Но что же такое ключница? Как узнала она эту удивительную сказку? Я решила вернуться к первой странице книги.

И снова не могла оторваться, прервать неторопливый рассказ-воспоминание взрослого человека об очень далеком, дорогом для него времени.

В рассказе не было захватывающих дух поворотов сюжета, не было ничего фантастического, волшебного. И в то же время в простом, будничном повествовании все было ново и необычно для меня.

Маленький болезненный Сережа Багров (от имени которого ведет рассказ С. Т. Аксаков) жил очень давно, больше ста лет назад. Был сыном небогатого помещика. Родители считали, что путешествия укрепят здоровье мальчика, и часто странствовали, переезжая из деревни в деревню. Главы в книге так и называются: «Дорога до Парашина», «Дорога из Парашина в Багрово», «Багрово», «Сергеевка», «Зимняя дорога в Багрово».

Сережа всегда радовался, когда громыхающая карета вывозила их из города. Потому что больше всего он любил природу. Хорошо знал и понимал ее. Ему казалось даже, что он стал частью природы и живет с нею одной жизнью. Для меня это признание было странным и удивительным.

Я жила в Москве. Только на лето уезжала в деревню, на природу. Что происходит с ней в другие времена года, не знала. Высокие дома заслоняли от меня поля, лес, речку. А те редкие кусты и деревья, которые встречаются на городском проспекте, живут скорее жизнью города, а не леса. О приходе зимы говорит снег на крышах домов, на асфальте. Когда наступает весна, снег тает, водосточные трубы захлебываются водой. Весной мы носились по дорогам сломя голову. Зимой по скользким тротуарам ходили осторожно. Вот все, что я могла рассказать о смене времен года.

А Сережа Багров говорил о каком-то своем, неведомом мне мире. Рассказывал, что у весны есть множество примет. «Черные кусты смородины опушаются беловатым пухом распускающихся сморщенных листочков, когда все скаты гор покрываются подснежными тюльпанами, называемыми с о н, лилового, голубого, желтоватого и белого цвета, когда ползут везде из земли свернутые в трубочку травы и завернутые в них головки цветов».

Меня удивляло, что перемены в природе могли так взволновать, даже довести до слез маленького Сережу. Наверное, есть в ней особые, волшебные силы, которые имеют власть над человеком, заставляют его плакать, грустить, смеяться, ликовать.

Этот мальчик был для меня загадкой. Вместо того, чтобы играть с друзьями, он прислушивался к голосам, шелестам, шорохам цветов, деревьев, птиц. «Надо было посмотреть, как развертываются листья на сиренях и как выпускают они сизые кисти будущих цветов, как поселяются зорьки и малиновки в смородинных кустах; как муравьиные кучи ожили, зашевелились... О, много было дела и заботы мне!»

Он не плакал во время болезни, от усталости или обиды, но песни жаворонков доводили его до слез. А рыбная ловля так захватывала, что мать сердилась и говорила, что от волнения он может заболеть.

Я решила непременно попробовать удить рыбу. Читала и старалась запомнить, где и как лучше удить и что самая большая рыба обычно клюет с весны от цвета черемухи до окончания цвета калины.

И тут я заплакала. И совсем как страстный рыболов Сережа Багров, не могла объяснить взрослым причину слез. А плакала я оттого, что до цвета черемухи было еще далеко и я не могла бежать удить рыбу.

Это было давно. Я прочитала уже много книг о природе. Но и сейчас учусь чувствовать и понимать ее у Сережи Багрова.

Я часто перечитываю эту книгу. Каждый раз нахожу в ней что-то новое, на что не обратила внимания раньше, ослепленная открывшимся мне вдруг миром природы. Задумываюсь теперь о сложных отношениях в семье Багровых. О том, как могли добрые родители Сережи грубо прогнать ключницу Пелагею — большую охотницу рассказывать сказки...

И ощущение неожиданности, открытия, удивления, захлестнувшее меня в детстве, появляется вновь, когда писатель Сергей Тимофеевич Аксаков начинает неторопливый рассказ о своем детстве.

Н. ДАВЫДОВА

Активист - это тот, кто не ждет подсказки!

ОТРЯДЫ БЕРУТ ВЫСОТЫ

Каким должен быть активист? Кого считать активистом? Такой разговор начала своим письмом Вика Кожанова, член городского пионерского штаба города Одессы. Разговор продолжают члены городского пионерского штаба Котовска Тамбовской области — Игорь Орлов и Лена Зарубина. Вот что они рассказывают.

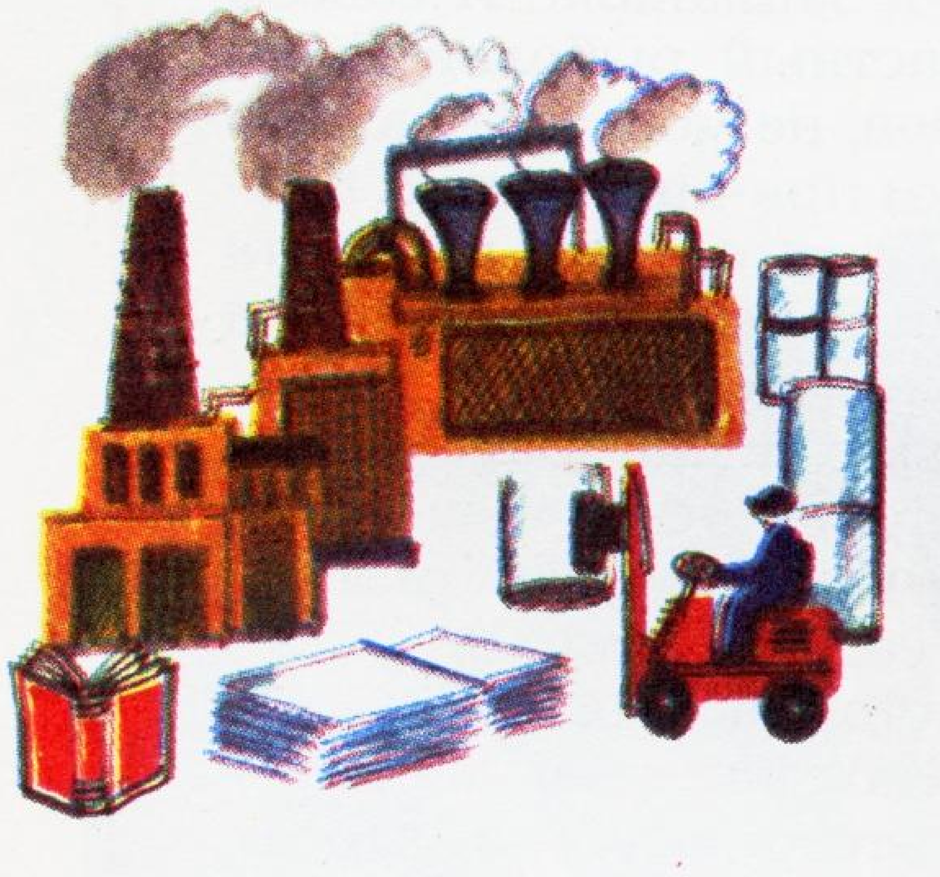
«КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ АКТИВИСТ? КОГО СЧИТАТЬ АКТИВИСТОМ? — об этом говорили на встрече пионерских штабов городов Котовска, Рассказова и Уварова, которая проводилась по инициативе нашего котовского штаба «Маяк». Мы провели для всех экскурсию по городу, познакомили с музеем истории пионерской организации, с работой кружков Дома пионеров. На конференции «Штаб учится у штаба» обменялись опытом работы. Поговорили о законах и традициях всех штабов, о роли, которую играют штабы в жизни пионерских дружин и отрядов. Обсудили вопросы, поставленные журналом «Пионер».

Наши ребята считают так: «Активист — это тот, кто не ждет подсказки со стороны, а делает все сам, работает творчески, так, чтобы всем было интересно». Вот мнение Володи Мовчана: «Активист должен много читать, чтобы больше знать. Тогда он, несомненно, завоюет авторитет у своих товарищей, и ребята пойдут за ним охотно». А вот что думает по этому вопросу Евсюкова Наташа: «Активист не должен зазнаваться. Он должен прислушиваться к мнению своих товарищей, а не думать, что он все знает, все умеет и критиковать его не стоит». Орлов Игорь: «Активист должен быть добрым, справедливым, не оставлять в трудную минуту товарищей. Но он не должен поддерживать пассивных ребят, быть «добреньким» к тем, кто стоит в стороне от общественной жизни».

Говорили мы и о том, какие требования надо предъявлять к штабистам, ведь штабистов образно можно назвать активистами всех активистов.

На заключительной линейке мы зажгли по традиции «факел дружбы». Он переходил из рук в руки, от одного председателя штаба к другому, и каждый высказал свои пожелания всем участникам встречи. К 60-летию пионерской организации нашего города мы начали закладку Аллеи красногалстучных в нашем парке. В память о встрече наши гости тоже посадили там свои деревца. Они уже зеленеют и ласково шелестят листочками».

ДРУЗЬЯ! НАМ ХОТЕЛОСЬ БЫ, чтобы, прочитав этот рассказ, вы тоже приняли участие в разговоре: «КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ АКТИВИСТ? КОГО СЧИТАТЬ АКТИВИСТОМ?»



ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

АНДРЕЙ КАЗАНЦЕВ, г. Челябинск. В нашем Доме пионеров Тракторозаводского района есть знаменный отряд. Одна из важных форм его работы — знакомство пионеров с историей Красного знамени. Сбор материалов о знамени дал возможность открыть Музей истории Красного знамени. День открытия музея — 18 марта 1978 года — стал для нас днем смотра-конкурса знаменных групп дружин района. Поисковая работа дала нам возможность узнать о многих подвигах наших земляков. Так, мы узнали о подвиге Василия Тихоновича Казанцева, который получил звание Героя Советского Союза за штурм рейхстага. Собрали мы материал и об участниках Парада Победы на Красной площади. Готовимся теперь к 40-летию Победы над фашистской Германией.

7-й КЛАСС Нелюбижской средней школы Кустанайской области. Тимуровская команда нашего отряда действует уже четыре года и всегда помогает ветеранам войны и труда и всем постаревшим людям, которым нужна помощь. Тимуровцы делают все, что в их силах, а если им нужна наша помощь, мы всегда готовы помочь. Теперь наши тимуровцы стали еще собирать материал для музея боевой славы. Мы их поддерживаем.

ВИКА БЕЛАЯ, г. Ростов-на-Дону, отряд имени Володи Дубинина, средняя школа № 5. Недавно в нашей школе открылся клуб выходного дня. В этом клубе мы проводим утренники, экскурсии, встречи с интересными людьми. Нам помогают наши родители. Мама Иры Иващенко, Татьяна Алексеевна, водила нас на фабрику цветной печати. Еще мы посетили фабрику беловых товаров, бумажную фабрику имени М. И. Калинина. Мы видели, как используется макулатура, которую мы собираем. Вместе с родителями мы побывали на Дрожжевом заводе и Хлебозаводе. Это помогло разговору о выборе профессии. Теперь нашему классу поручили провести в один из выходных дней сбор, посвященный Дню рождения пионерской организации. Мы будем говорить о юных героях гражданской и

Как у вас идёт Поход бережливых?

Великой Отечественной войн, о том, как участвуют в пятилетке наши родители, о нашем участии в пятилетке.

ТАИСИЯ РОМАНОВА, г. Брежнев. Есть в нашем классе девочка. Учится неважно, всегда молчит, и, хотя никому ничего плохого она не сделала, все ребята говорят с ней свысока. Могут и так приказать: «А ну, помой доску!» И она безропотно помоет. Я сначала вела себя, как все. Хотя и чувствовала, что все это гадко, но против всех идти трудно. А потом увидела однажды в глазах ее искорки слез, и мне стало стыдно. Пригласила я ее сесть рядом со мной — мой сосед заболел. И поняла, как ей трудно. И не знает она, какое чудо надо совершить, чтобы все изменить. И я подумала: стану ей другом, поддержу ее, и, может быть, это поможет ей завоевать свое место среди товарищей. Хоть я еще и ничего не сделала для своей новой подруги, но одно хорошо, что не побоялась пойти против класса. Ведь дело я задумала доброе.

ПОХОД БЕРЕЖЛИВЫХ

Ребята! Оглянитесь вокруг. Всегда ли бережно мы относимся к хлебу, к дому, в котором живем, к школьному имуществу?! Когда я узнала, что за ремонт школы платят тысячи рублей, я сказала своим товарищам: «Создадим посты бережливых! Не позволим, чтобы писали на партах, царапали стены, рвали учебники!» Разве так трудно понять, что государственные деньги лучше расходовать на новые школы и новые книги, чем на исправление нашего безобразного отношения к государственному имуществу?

Рита РУДЕНКО,
г. Одинцово,
Московская область.

ПРОСИМ ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ «ПИОНЕРА»:
расскажите о том, как у вас идет Поход бережливых, что удалось вам сделать, сколько сберечь государственных денег?
ЖДЕМ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ!

Всесоюзный пионерский сбор-поиск «ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ»

«Здравствуй, дорогой «Пионер»! Пишет тебе совет дружины имени А. П. Гайдара школы № 9 города Чайковского. Мы решили, что не должны остаться в стороне от сбора-поиска «Верность красному галстуку». Мы записали пионерские биографии своих родителей, оформили большой альбом. Попросили пап и мам, бабушек и дедушек, родных и близких стать старшими друзьями наших отрядов. Организовали встречи с пионерами 40-х, 50-х, 60-х годов. А потом дружинный сбор «Верность красному галстуку», на котором были и наши родители, которые стали нашими помощниками во всех делах.

Мы узнали много интересных пионерских судеб. Так, например, Мия Пименовна Титова, мама ученика 6 «Б» класса, в 40-летний юбилей пионерской организации была членом совета дружины Фокинской средней школы, в год 50-летия пионерии работала пионервожатой в школе № 9, а 60-летие организации встретила директором Дома пионеров. Вот какой большой пионерский опыт! Оказалось, что Грошева Алевтина Николаевна хорошо знает, как наладить работу в пионерском лагере. Папа Горбуновой Тани имеет большой опыт помощи колхозу и работы на пришкольном участке. Бывшая учительница нашей школы Вера Владимировна Печерская рассказала, как они не забывали помогать республиканцам в Испании. Теперь нам есть с кем посоветоваться по любому вопросу пионерской жизни и помощников у нас много. Очень понравилось ребятам, как закончился наш дружинный сбор: мы все вместе с родителями пели пионерские песни.

С пионерским приветом
совет дружины имени А. П. Гайдара.

Из-за чего есть смысл ссориться?

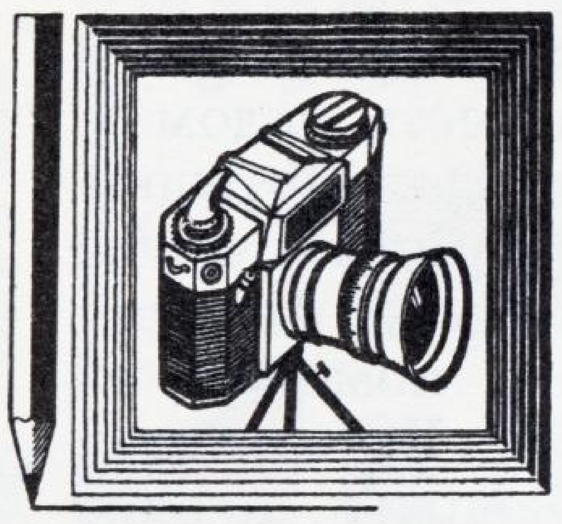
КАК НАМ БЫТЬ?

Со мной произошла очень страшная история. Мы дружили с четвертого класса. Нас было пятеро: Ира, Оля, Марина, Гуля, Лена. Сначала шло все хорошо, без ссор. Но в конце пятого класса мы поссорились, и каждый стал жить только для себя. И в отряде стало плохо, ведь наша ссора действовала и на атмосферу всего класса. Появились прозвища, грубые слова. Как это изменить, я не знаю. Началось все с пустяков. Гуля и Лена пришли ко мне и позвали: «Пошли гулять!» А я не пошла, сказала: «Надо делать уроки». Они обиделись, сказали, что тоже теперь со мной никуда не пойдут. И всем стало плохо. Я осталась одна, а я привыкла к девочкам, они же были моими подругами. И класс раскололся. Как мне быть?

Марина БОГОРАДОВА,
г. Фрунзе.

РЕБЯТА! Попробуем ответить МАРИНЕ БОГОРАДОВОЙ из г. ФРУНЗЕ вместе. ПОДУМАЕМ: *из-за чего есть смысл ссориться, а на что лучше не обратить внимание?* ***ПОГОВОРИМ*** *о человеческой позиции, которую необходимо отстаивать, и о ложном самолюбии. О настоящей дружбе и мелком чувстве себялюбия.* ***ЖДЕМ ВАШИХ РАССКАЗОВ! ВАШЕГО МНЕНИЯ!***

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



ГОРОДА-ГЕРОИ

ВОЛГОГРАД

Что делает город — крепостью? Отвага людей, защищающих Родину.

Отвага, бесстрашие, беззаветная любовь к Отчизне — вот бастионы, которые нельзя разрушить. Вот оружие, которое сильнее всего. Вот мера, которая позволяет назвать город — героем.

Имена городов-героев на карте нашей страны — как память. Память о войне, в которой советский народ отстоял мир, жизнь и свободу не только для себя, но и для всех народов Земли, уничтожил чудовище фашизма.

Давайте же еще раз вспомним, чем славен каждый город-герой.

...Армия Паулюса рвалась к Волге. Овладеть Сталинградом значило отрезать противника от нефти на Юге, от новых вооружений — на Востоке. Овладеть Сталинградом значило взять реванш за поражение под Москвой зимой 41-го и вновь начать угрожать ей.

Сжималось гитлеровское кольцо вокруг города. Казалось, ничего живого не осталось в огне. Но каждый дом становился на пути фашистов неприступной скалой. Один из таких домов и сейчас стоит в городе. Небольшой дом, и живут в нем простые люди. Но зовут этот дом — Домом Павлова.

И выше самых высоких гор оказался для врага Мамаев курган. 140 дней и ночей был он Главной высотой России.

Шла битва за город. И настал день, когда фашисты уже не атаковали, а оборонялись. Потому что теперь вокруг них стянулось кольцо Советской Армии.

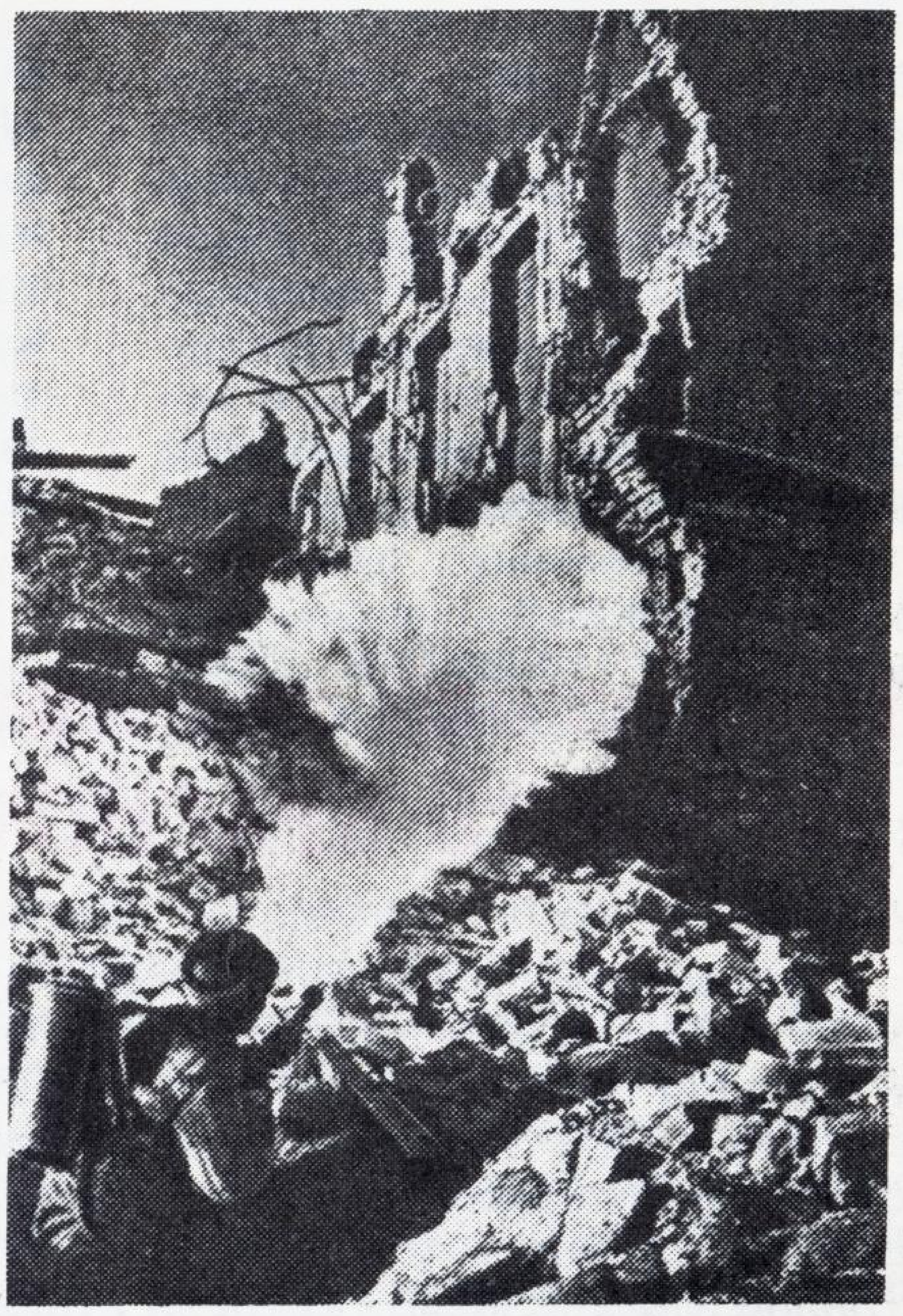
Двести дней длилась Сталинградская битва. 300-тысячная армия гитлеровцев сдалась в плен. На двести дней ближе стала Победа.

И как только отгремели последние выстрелы, жители стали восстанавливать свой родной город. Возрождать его заново...

Поднимается над Волгой Мамаев курган, из места сражения ставший местом памяти. А от Волги ведет к центру города аллея Героев. Героев, которые в далекие годы гражданской отстояли Царицын, героев, которые в годы Великой Отечественной выиграли Сталинградскую битву. И каждый день встает у памятников — на Пост № 1 — новая пионерская и комсомольская смена.

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Сталинградцы сражались с врагом в рядах рабочих батальонов.

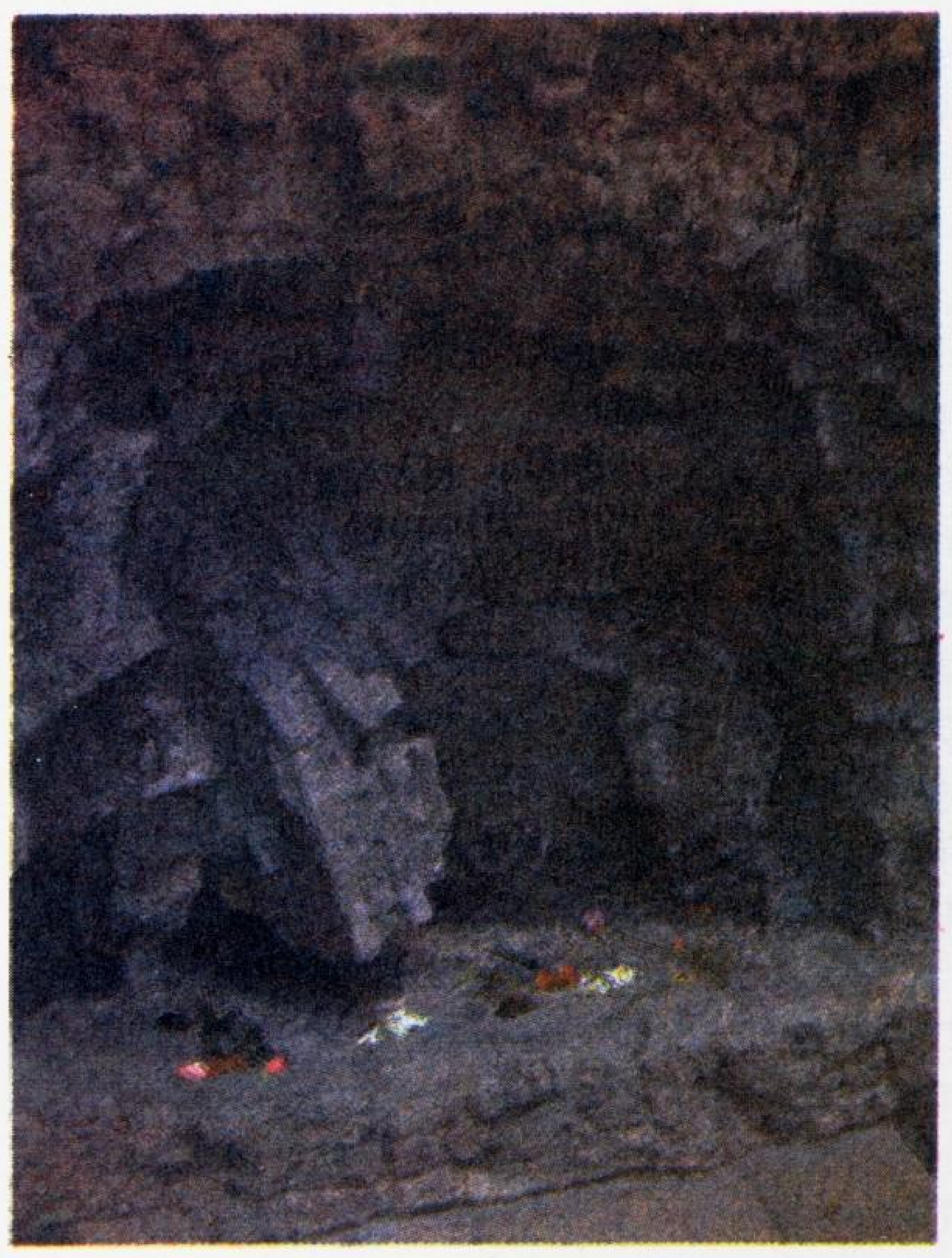


Ни одного дома не осталось целым в городе. А Тракторный продолжал работать, продолжали выходить из его разрушенных стен все новые танки.

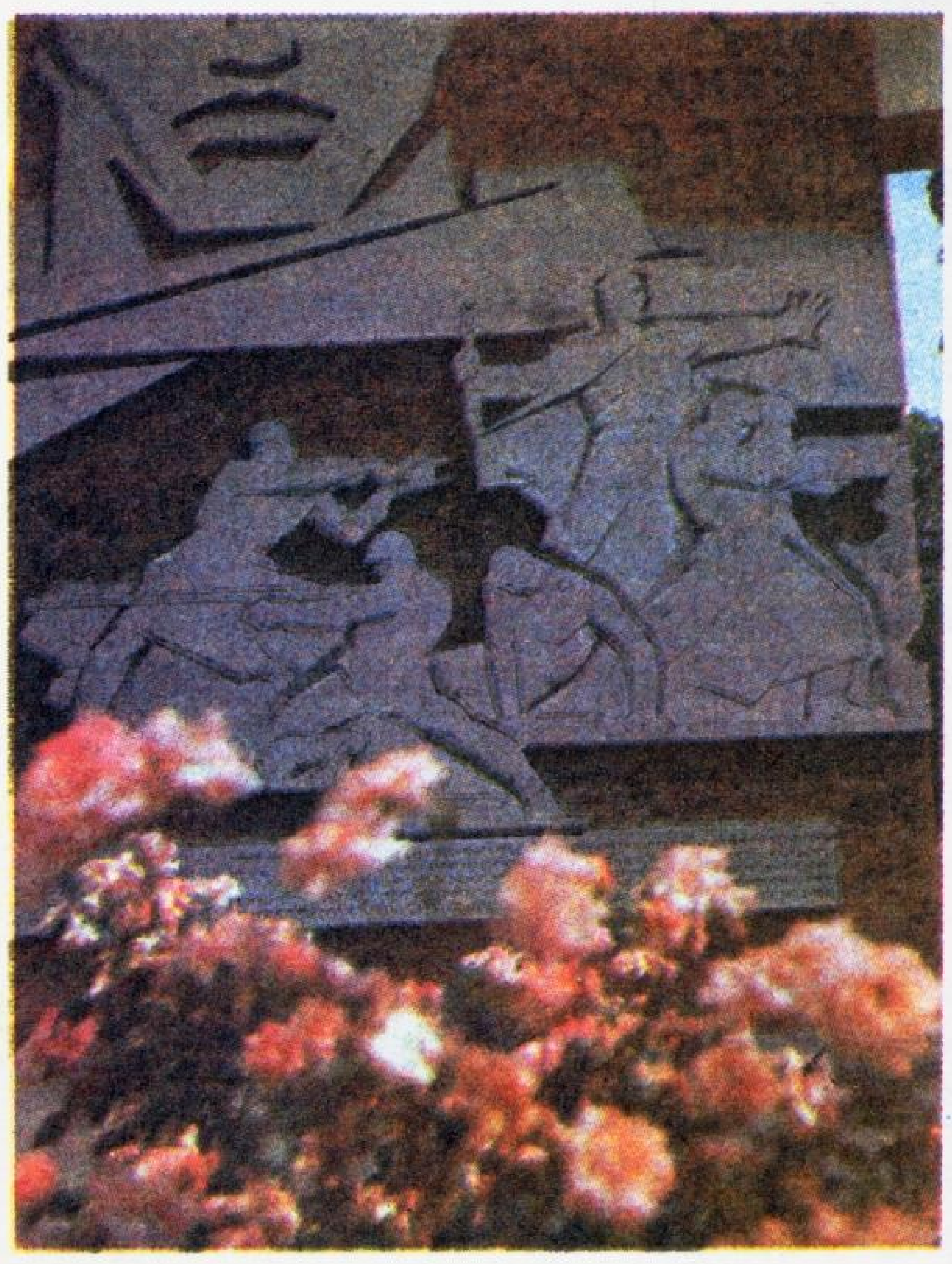
Вот такой сейчас Волгоград — широкие улицы, светлые дома. Но хранит город память о войне, о великой битве, из которой он вышел победителем.

Родина зовет — и вновь сыновья-герои встают на ее защиту.

Стали памятниками надписи, сделанные бойцами на стенах домов. Теперь эти надписи перенесены на Мамаев курган.



А это Дом Павлова.



РЕПОРТАЖ С УЛИЦЫ ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ

Сегодня мы приглашаем всех читателей журнала на праздничную прогулку. Куда? На одну московскую улицу. Ей не больше двадцати лет. Она зеленая и уютная, веселая и длинная. Давайте пройдем по ней вместе, познакомимся с ребятами, которые здесь живут и учатся. В день рождения пионерской организации побывать на этой улице особенно здорово. Потому что она носит имя ЮНЫХ ЛЕНИНЦЕВ.

Школа

...Утро в этой школе начинается бодро. Ровно в девять пятнадцать в каждом классе включается динамик, и шестьсот сорок два ученика делают зарядку. А потом — первый урок, и впереди большой новый день...

О том, как живет школа № 479 на улице Юных ленинцев, можно узнать у ребят, когда они отдыхают на перемене. А если идет урок, то, пройдясь по коридорам, прочитав стенные газеты, можно узнать много любопытного.

Интересно живет школа!

В марте этого года открылся школьный завод, в котором все по-настоящему — и цеха, и заводское управление, отделы техники безопасности, снабжения и сбыта. Деньги, заработанные на заводе, ребята тратят на экскурсии, оформление кабинетов, праздники.

Ежегодно 5 декабря — в день наступления советских войск под Москвой — в школе отмечается День Москвы. Он строгий и торжественный. Приходят ветераны войны и труда, ведут с ребятами задушевные разговоры.

Вообще с ветеранами войны у школы большая дружба. У каждого класса свой друг-ветеран. Ребята разыскали многих людей, воевавших в составе 62-й ордена Ленина гвардейской армии, командовал которой маршал В. И. Чуйков, и создали музей — лучший среди школьных музеев Волгоградского района.

От бывшей 62-й армии и Волгоградского района, в котором школа расположена, тянется еще одна ниточка, еще одно интересное дело — старшеклассники каждое лето работают в трудовом лагере под Волгоградом. Можно сказать, Волгоград — второй родной город ребят школы № 479.

Бывают в школе и «директорские» дни. Ежемесячно лучший пионерский отряд пьет у директора Леонарда Леоновича Микаэльяна чай. И это не напряженное сидение за столом. Ребята с увлечением рассказывают о своих делах, смотрят слайды, едят торт.

А за директорским окном качается на ветру береза. Ею гордится вся школа, потому что посадил ее сам маршал Чуйков.

О школьной жизни можно долго и много рассказывать. О театре «Березка», например, и о чествовании учителей в дни их юбилеев, о праздничных лотереях и радиогазете «Сигнал». Но это уже получится целая книга. А нам надо успеть и в другие места на улице Юных ленинцев.

...Со стороны школа похожа на современный корабль — белые стены, большие стекла. Корабль-школа будто стоит в гавани на улице Юных ленинцев. Каждый ученик, каждый

выпускник уходит из дверей любимой школы в жизнь, как в большое плавание.

Парикмахерская

В конце августа ветер нес по улице Юных ленинцев первые желтые листья. Улицу перебежали две мамы-ровесницы с двумя ровесницами-дочками. Они торопились в парикмахерскую. Девочек надо было постричь к первому сентября.

Мамы знакомы с тех пор, как получили новые квартиры в одном доме. Дочки знакомы, как они сами говорят, «с колясок». Мамам по тридцать лет, дочкам — по семь. Они пойдут в первый класс, сядут за одну парту. И предстоит им десять лет дружить, радоваться пятеркам, вместе бегать в кино, спрашивать друг у друга, что задано по математике на завтра. Им предстоит вместе встречать на этой улице первый снег и первую весеннюю грозу, ходить в одну и ту же спортивную секцию...

Все это у них впереди, а пока они вступили на порог парикмахерской, которая называется «Челочка». Она для детей, то есть для них.

...Взмах белой прохладной простыней, и ее туго завязали вокруг шеи. Мамы остались у входа. А на светло-зеленый линолеум начали падать первые легкие прядки волос...

Вот последний раз холодно и щекотно прислонились к твоему лбу ножницы. Простыню сняли, шея свободна, и можно повертеть головой, приподняться на ручках кресла и увидеть себя в зеркале поближе. Себя и не себя, а какую-то чужую, повзрослевшую и аккуратную девочку с высоким белым лбом...

— Как загар виден стал, когда челку подрезали! — весело ахнула мама.

А слева вдруг раздался громкий рев — это подружка горевала, что первого сентября не сможет пойти в школу с бантиками в косичках. На старой фотографии у мамы-первоклассницы бантики есть. И все должно быть, как у мамы, — форма с кружевным воротником, высокие гладиолусы в руках — их бабушка обязательно привезет с дачи — и портфель с двумя блестящими замками. А вот косичек теперь не будет!

— Ты же сама захотела стричься, что же ты плачешь, Танечка! — уговаривала мама.

— Ничего, — сказала парикмахер, — утром первого по дороге в школу забежишь сюда с мамой, я тебе бантик завяжу — ни у кого такого не будет!

...И Таня пришла в школу первого сентября с косичкой. Косичка спускалась у нее с виска, а на конце было два маленьких банта — синий и белый. И гладиолусы в руках — розовые и лиловые.

Прозвенел первый звонок.

Булочная

Это самое бойкое место на улице Юных ленинцев. Впрочем, как и на любой улице любого города. Целый день, с утра до вечера, здесь народ. После уроков в школе и занятий в институте, возвращаясь с работы, люди заходят в булочную, чтобы купить хлеб.

...Можно сразу, без помощи вилки, определить, что хлеб мягкий. Он будто только что из печи. Корочка его, еще не успевшая потемнеть, — розовая, румяная, и боязно брать такой хлеб руками. Кажется, дотронься до него — и пышный, воздушный хлеб сплющится, опадет в один миг.

Руки чувствуют тепло свежего хлеба. Скоро он будет остывшим. И чтобы сохранить хоть ненадолго тепло этого хлеба, хочется нести его прямо в ладонях, не опуская в пакет, не отдавая холоду...

Ветераны, что дружат с ребятами из 479-й школы, помнят бои под Москвой и блокадный Ленинград, помнят ужасы фронтов и героическую работу тыла. А еще помнят они вкус военного хлеба. Тяжелого, как камень, черствого и мерзлого, но помогавшего выжить, подняться после ранений. Обо всем этом рассказывают ветераны школьникам.

Каждый раз замирает сердце у ребят, когда в булочную входит пожилой человек и слабыми старыми руками бережно берет хлеб. И ребята думают, что нет ничего дороже хлеба.

Маленький магазин с теплым запахом хлеба наверняка станет для каждого из них частичкой детства. Будут ли на каникулах ребята в другом городе или уже взрослыми уедут в далекую командировку — они обязательно вспомнят свою булочную на улице Юных ленинцев. И то, как мама ближе к вечеру спохватывалась, растерянно говорила: «Ой, а у нас хлеб кончился». И просила сбегать в магазин, давала деньги — горстку бренчащей меди, и ты бежал со всех ног в булочную, повторяя про себя мамины слова: «Половинку черного, один белого...»

...А в праздничный день в булочной тесно и шумно. Оторвавшись от домашних хлопот, люди идут покупать хлеб к праздничному столу. Разве может быть праздник без хлеба?

Кинотеатр

Две подружки, Таня и Вера, бегут после уроков в кинотеатр «Высота» на пятнадцать тридцать. Сумки домой закинули, пообедали, билеты вчера еще купили. На фильм «Айвенго» они идут уже в шестой раз. А по дороге встречают тетю Лену, Верину маму.

— Ну, что, братья Гримм, опять в кино бежим? — Тетя Лена любит сказать в рифму. — Потом гулять на два часа, а кто уроки будет делать?

— Теть Лен, нам на завтра мало задали! — И Таня тянет Веру за собой. Та, оборачиваясь на ходу, кричит: — Мамочка, я после кино немного погуляю и сразу домой!

Они всюду ходят вместе, их поэтому и назвал учитель физики братьями Гримм. С тех пор прозвище к ним навсегда

прилипло. Даже мамы их братьями Гримм теперь зовут.

Разворачивая мороженое в темном зале, Таня шепчет:

— Я тебе забыла сказать, ответ из питомника пришел. Вышлют нам саженцы к началу апреля. Все, как мы просили,— китайские яблоньки и вишни владимирские.

— Отлично!— радуется Вера.— Первое место наше. Пусть «бэшники» не важничают. Только пока вишенки заплодоносят, мы школу кончим, как раз через четыре года.

— Не-е,— шепчет Таня в ответ,— в письме написано, что это новые сорта, они плоды уже на второй год дадут. Мы еще варенье из них наварим, как у бабушки ели, помнишь?

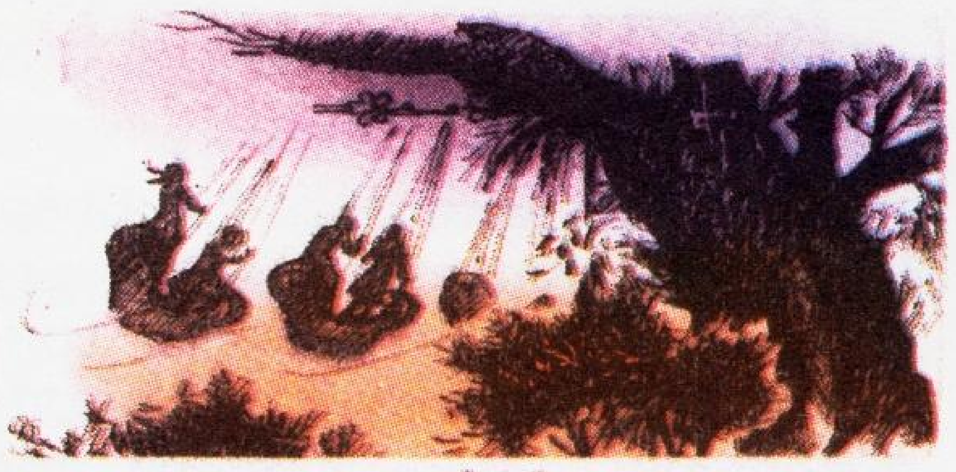
— Помню! — И обе смолкают: начался фильм.

После кино в густых синих сумерках подружки идут домой. Мимо темной школы, мимо школьного сада, мимо дома, где восьмиклассник Новиков перед подъездом с малышней в хоккей гоняет. И мимо парикмахерской «Челочка», где все три окна освещены и поблескивают ножницы в руках парикмахеров.

— Тань,— вдруг говорит Вера,— а помнишь, как ты плакала, когда тебе перед первым классом косички отрезали?

— Помню,— смеется Таня.— А косичка у меня отличная все-таки была, а?

— Классная получилась косичка!— соглашается Вера.



Парк

Весной и летом над улицей Юных ленинцев можно увидеть бумажного змея. Он скачет по облакам, ветер играет им, а удивленные прохожие, задрав голову, весело смотрят в небо.

Змея запускают мальчишки. Если уроки сделаны и мамам помогать не надо, они безвылазно в Кузьминском лесопарке, который тянется зеленой лентой вдоль улицы. Безвылазно в лесопарке и девчонки. Только у них «земные» дела: мячики, цветочки, прыгалки.

Кузьминский лесопарк — место старое, известное. Сначала здесь была большая подмосковная усадьба, в которой жили князья. Тишина царила в парке. Будто сонной золотой паутиной окутаны были цветы и деревья. Но прошла революция, потом война, настало новое, счастливое время, и парк начал жить тоже по-новому, весело.

Здесь можно сколько хочешь гулять, кружиться на каруселях, кататься в повозке, которую везет добрая лошадь. Можно в праздники прийти с друзьями и родителями — увидеть салют вполнеба.

В глубине парка из-за многолетних деревьев таинственно и светло поблескивает пруд. Усидчивые мальчишки здесь рыбу ловят, а любопытные девчонки ходят по берегу, смотрят на мальчишек, просторную воду, лебедей и уток. Кстати, птиц здесь все подкармливают, и поэтому они ручные. Есть даже парочка — утка и селезень, которые летят прямо к жилым домам за угощением, ходят у подъездов вперевалочку.

Ребята с улицы Юных ленинцев не только гости в Кузьминском парке, но и хозяева. Попросят сотрудники лесничества: помогите желуди посадить, лист опавший с дорожек убрать — пионеры всегда с удовольствием помогают взрослым.

Кузьминский лесопарк полон всяких разных тайн. Зимние — морозные, звонкие, с горячим румянцем и «моржами» в прорубях пруда. Осенние — в шорохе листьев, мягкой паутине и с быстрыми любопытными белками, беруцими лакомство прямо из рук. Весенние и летние — лукавые, солнечные, в колючем аромате столетних лиственниц, среди которых, говорят, растет одна старая-престарая, посаженная Петром I.

...Именно в Кузьминском парке ребята, живущие на улице Юных ленинцев, начинают свое путешествие в царство природы.

Именно с Кузьминского парка ребята начинают знакомиться с родным городом. С Москвой.

...За окном — май. Нежная трава и деревья в первых робких листьях.

За окном — прозрачные тучки, синее небо. И кто-то готовится запустить ввысь бумажного змея. Это ребята с улицы Юных ленинцев.

Площадь

На площадь сходятся люди. Взрослые держат за руки детей, дети держат в руках цветы и разноцветные шарики. Настроение у всех веселое, праздничное. А небо над площадью ярко голубеет.

Торжественно собираются ребята из 479-й школы. Стройный ряд барабанщиков в парадной форме, старшая пионерская вожатая, учителя, родители. И взволнованные третьеклассники с цветами и новенькими галстуками в руках. Смешные! Мальчики на редкость спокойны и серьезны. А девочки — они как всегда: с аккуратными косичками, разворачивают-заворачивают тюльпаны, старательно разглаживают замявшиеся кофточки.

«Начинаем!» — громко командует вожатая.

Гремят барабаны. Первый, самый высокий мальчик шагает вперед и, волнуясь, произносит Торжественное обещание.

У многих ребят на площади замирают сердца. Так и они стояли здесь прошлой, а может, позапрошлой весной и не могли от волнения четко, громко произнести Торжественное обещание.

...Третьеклассники в новеньких галстуках не расходятся. Они группкой стоят на площади, и домой идти никому не хочется.

А на открытую эстраду, что в глубине площади, уже поднимаются артисты. Рядом останавливаются люди, в толпе играет гармонь. Площадь объединяет людей, не отпускает...

Темнеет. Зажигаются над площадью разноцветные огни. Они мигают, раскачиваются на длинных проводах, и кажется, что люди поют, танцуют, веселятся под высоким куполом.

Вдруг брызнул сотнями огней салют. Долго дрожат в небе его звездочки и падают сказочным дождем на улицу Юных ленинцев.

**Репортаж подготовили
И. АНДРИАНОВА,
Г. ПОТАПОВСКАЯ,
Т. ШАРОНОВА.**

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ

Многострадальный Вьетнам... Не одно поколение вьетнамцев родилось, когда на их родной земле бушевал огонь войны. Не одно поколение с оружием в руках защищало свою свободу от захватчиков. Рождались дети под грохот канонады. Подрастали под разрывами бомб. Учились в подземных школах. Книги для них печатали в джунглях. Весь прогрессивный мир следил за героической борьбой вьетнамского народа, поддерживал вьетнамских патриотов.

В горниле национально-освободительной борьбы родился нынешний Государственный флаг Социалистической Республики Вьетнам — красное полотнище с золотой пятиконечной звездой. Впервые под этим знаменем вьетнамские патриоты атаковали врага в 1940 году.

В августе 1945 года советские войска развернули наступление на Дальнем Востоке против японских милитаристов. Под влиянием побед Советской Армии вьетнамский народ восстал против японских оккупантов и вышвырнул их со своей земли.

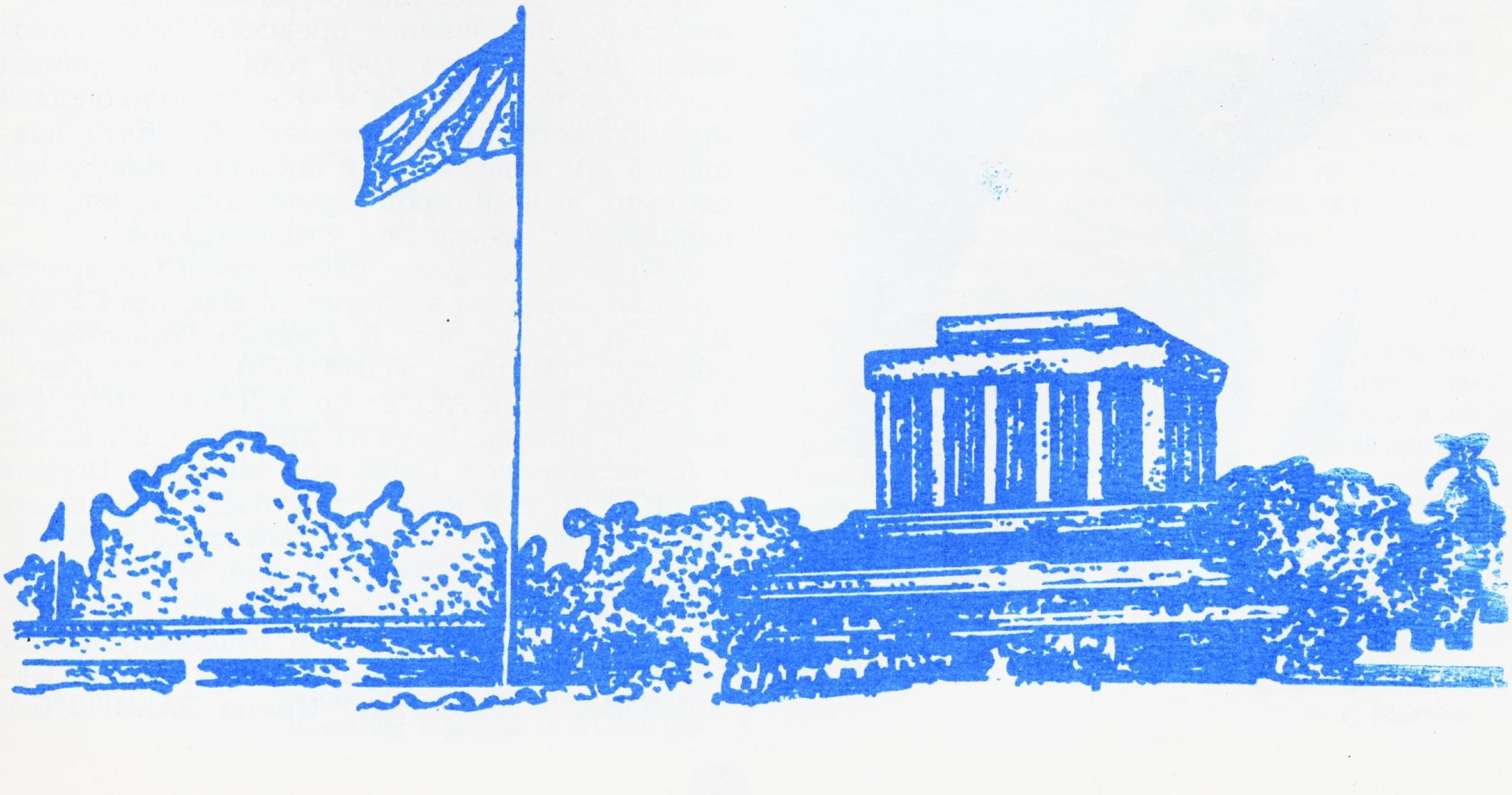
В те дни в деревне Танчао — опорной базе революционного движения Вьетнама — собрался Национальный конгресс народных представителей. На заседании конгресса был утвержден государственный флаг будущей республики — красное знамя с пятиконечной золотой звездой.

Красный цвет означал власть трудящихся, одержавших под руководством коммунистов победу над интервентами и местными феодалами.

Золотая пятиконечная звезда была символом свободы, социализма и солидарности трудящихся всех пяти континентов. Этот флаг стал флагом Социалистической Республики Вьетнам после воссоединения Северного и Южного Вьетнама и победы над американскими интервентами и сайгонским марионеточным режимом. Красный цвет флага теперь символизирует свершившуюся революцию и кровь, пролитую в боях за свободу страны. Золотая звезда в центре флага означает единство вьетнамского народа в деле строительства социализма.

Большие изменения произошли во Вьетнаме за годы народной власти. Знамя, которое вдохновляло вьетнамский народ на борьбу с завоевателями, гордо реет теперь над ударными стройками, над школами, над заводами... Это знамя зовет на трудовые подвиги.

И. КУРКОВ



ВЕЛИКИЕ БИТВЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

Итоги викторины для юных историков Великой Отечественной войны

В преддверии 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне журнал «Пионер» провел викторину для юных историков «Великие битвы сорок третьего года». В 1, 2, 7 и 11-м номерах за 1983 год были опубликованы четыре тура викторины, посвященные подвигу Ленинграда, героям Сталинграда, Курска и битвы за Днепр.

Три тысячи ребят ответили на вопросы викторины. Больше всего писем пришло от ребят 4—8-х классов. Жюри самым внимательным образом рассмотрело все работы и оценило их. Учитывались не только правильность и глубина ответов, но и красочность оформления, смекалка и изобретательность, оригинальность, умение вести военно-исторический поиск, возраст участников викторины. Почти все участники в основном справились с заданиями. Многим ребятам в поисках ответов помогали папы, мамы, бабушки и дедушки. И это хорошо.

В каждом туре викторины был вопрос, требовавший от ребят поиска участников великих битв, встреч с ветеранами Великой Отечественной войны, рассказа об их ратном труде. Ответы на эти вопросы оказались для ребят не только самыми трудными, но и самыми интересными. Описывая подвиги героев минувшей войны, встречаясь с участниками битв на уроках мужества, ребята чувствовали, как вместе с убеленными сединами ветеранами в их классы незримо входило героическое прошлое. На этих встречах ребята познавали законы доброты, бескорыстия, преданности Родине. «Хочется хотя бы немножко быть похожим на героев этих битв»,— написал Витя СУНДУКОВ — пятиклассник средней школы № 2, г. Оха Сахалинской области.

Свои рассказы о ветеранах войны и труда некоторые ребята подкрепляли уникальными подлинными документами или их фотокопиями. Аня СЕМЕНОВА из Ленинграда прислала бережно сохраненные ее бабушкой «Удостоверение на эвакуацию» из блокадного Ленинграда, подписанное председателем эвакокомиссии 26 марта 1942 года, «Посадочный талон» на поезд № 108 и «Квитанцию о сдаче продовольственных карточек». А ребята бывшего 5 «А» класса 203-й школы г. Баку — несколько экземпляров армейских газет, посвященных победе под Сталинградом.

Лучше всех среди ребят своего возраста прошли все туры викторины: Наташа СУХОВА, 5-й класс, пос. Б. Пикино Горьковской области; Игорь КОНЮХОВ, 5-й класс, п. Усинск Коми АССР; Боря ЛАРИОНОВ, 6-й класс, г. Москва; Надя ХОМЯКОВА, 6-й класс, г. Александровск Пермской области; Володя ФЕДОРОВ, 6-й класс, д. Кубасы Чувашской АССР; Валера МАЗУРИН, 7-й класс, г. Благодарный Ставропольского края; Зоя ГУСТИЛИНА, 8-й класс, с. Николаевка Волновахского района Донецкой области; Владимир КРАВЦОВ, 8-й класс, г. Серафимович; Настя СЕМЕНОВА, г. Ленинград; Ирина ЗАМЯТИНА,

г. Брежнев. Их работы отмечены высшей премией. Жюри наградило этих ребят путевками во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

Вторую премию жюри присудило пятиклассникам Роману БЕТЕНЕКОВУ, г. Томск; Саше НАСОНОВУ, с. Умет Камышинского района Волгоградской области; Виктору СУНДУКОВУ, г. Оха; шестиклассникам Сергею МИХАЙЛОВУ, г. Болшево; Диме ПОПЛЕВКИНУ и Саше ПАНАС, г. Могилев; Алексею СОЛОМАХЕ, 7-й класс, г. Кривой Рог; Олегу ТЕСЛЕНКО, 8-й класс, г. Нижний Тагил; Равшану КАРШИЕВУ, 9-й класс, г. Душанбе; Мише ПОРТНОВУ, г. Москва. Жюри награждает их памятными подарками и грамотами.

Жюри отмечает еще целый ряд работ, авторами которых являются: Оля КОТЛОВА, 4-й класс, г. Шенкурск; Лена БУРАКОВА, 5-й класс, г. Ленинград; Таня ТРОФИМОВА, 6-й класс, г. Баку; Эльданиз АЛМАЗОВ, 5-й класс, г. Баку; Марина ЦЕДРИК, 6-й класс, г. Чирчик; Наташа РАЙКОВА, 6-й класс, г. Пенза; Лариса БЫЧКОВА, 6-й класс, г. Омск; Наташа ФИЛИППОВА, 6-й класс, г. Серпухов; Анатолий ПОЗДНЯКОВ, 6-й класс, г. Красноармейск; Лена ГАРАНИНА, 7-й класс, г. Горький; Андрей КОПТЕЛОВ, 8-й класс, г. Омск; Оля ЛАПШОВА, 8-й класс, г. Казань; Лада БАРМАКОВА, 8-й класс, г. Москва; Алла НАЙДЕНОВА, г. Саратов; Надя ФЕДОТОВА, г. Туймазы. Эти ребята награждены грамотами журнала «Пионер».

Жюри благодарит за хорошо выполненные работы брата и сестру ЗМЕЕВЫХ — семиклассницу Веру и пятиклассника Анатолия из пос. Керченский Пермской области; подружек Таню БУРОВУ и Таню НАГУЛЬНОВУ, 5-й класс, г. Дубровка; Оксану ПОПОВУ, 6-й класс, г. Тюмень; Иру МУШНИКОВУ, 5-й класс, г. Рязань; Ольгу ЯКУНИНУ, 6-й класс, станция Маревая; и всех остальных ребят, принимавших участие в викторине.

В нашей викторине приняли участие и ребячьи коллективы. Среди них жюри отмечает работы группы продленного дня отряда «Товарищ» из с. Николаевка Волновахского района Донецкой области; кружка краеведения из пос. Гаркалне Рижского района Латвийской ССР, библиотечного кружка школы № 2 из пос. Лунино Пензенской области; пятиклассников из отряда имени Героя Советского Союза С. Тюленина школы № 4, г. Обнинск; пионеров 6 «А» класса школы № 203, г. Баку. У ребят из Баку по каждой из битв прекрасно оформлены альбомы с уникальными фотографиями ветеранов Великой Отечественной войны — участников великих битв 1943 года. Эти коллективы награждаются грамотами Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

«Пионер» благодарит всех участников викторины. Поздравляем победителей!

По поручению жюри
кандидат исторических наук,
капитан I ранга А. УСИКОВ

Все — даже свою жизнь

Книгу «Все — даже свою жизнь», в которой собраны документальные и художественные материалы о борцах за свободу и независимость, нельзя читать без волнения. Мы, нынешние подростки, отдалены во времени от великих людей и событий, от героев, стоявших у истоков создания первого в мире социалистического государства, мировой системы социализма. Мы только в кино можем увидеть пламенных борцов-антифашистов. Но уже на нашей памяти погиб президент Чили Сальвадор Альенде, уже на нашей памяти содрогнулась Земля, узнав о зверской расправе над Виктором Хара. Это мы принимаем участие в акциях солидарности, и рассказ о героях недавних, но горячих событий позволяет нам живо почувствовать свою сопричастность ходу истории, борьбе людей планеты против агрессии и террора.

Виктор Хара убит! Какой болью отозвались эти слова в сердцах миллионов, какой ненавистью блеснули миллионы глаз! Убит певец борющегося Чили, неутомимый Виктор, чья гитара пела для тех, кто страдает, для тех, кто протестует, для тех, кто любит. Но не погиб непоколебимый дух свободы, который жил в его песнях, в его душе.

Для всех нас, для молодежи планеты имя Виктора Хары — призыв ни на минуту не останавливаться в борьбе против фашизма, ни на минуту не прекращать выступлений за свободу. Его песни и сейчас ведут чилийский народ на борьбу против хунты Пиночета, народы Земли на борьбу против милитаризма.

Звучи, звучи, песня Хары, потому что ты нужна людям, потому что подхватывают тебя миллионы юных сердец, потому что песня правды, песня мира не умрет никогда.

Легендой стала непоколебимая верность коммунистическим идеалам, кристальная партийная честность и твердость коммуниста и борца Юлиуса Фучика. Для скольких мальчишек и девчонок он стал примером, сколько раз слезы ненависти к фашизму подступали к глазам над горячими страницами его «Репортажа с петлей на шее». Да, это был Человек с большой буквы. Его убежденность позволяла переносить тяжелейшие пытки в камерах Панкраца и не просто переносить, но и находить в себе силы для создания величайшего документально-художественного свидетельства героизма борцов антифашистского Сопротивления. Строки книги «Репортаж с петлей на шее» жгут сердце, заставляют постоянно спрашивать себя: все ли ты сделал, чтобы не повторились кошмары войны? Достоин ли ты слов великого коммуниста, писателя-гуманиста, обращенных к тебе, к твоим друзьям, близким, ко всем, у кого чиста совесть, чей взгляд устремлен вперед — в светлое мирное будущее: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!»

В новой книге, которую выпустило издательство «Детская литература», «Все — даже свою жизнь», наглядно и правдиво рассказано о судьбах тех, кто, не щадя ни себя, ни своей жизни, вел борьбу против разгула фашизма, агрессии и колониализма. В книге — яркий рассказ об Эрнсте Тельмане, Че Геваре и Сьенфуэгосе, о Лумумбе и Луисе Альберто Корвалане, о Пабло Неруде и Сальвадоре Альенде. Она необходима, необходима именно сейчас, когда реакционные силы угрожают миру новой войной. И книга о борцах, презиравших смерть, ведет нас на бой за мир.

Е. ЕФРОСИНИНА,
г. Москва.

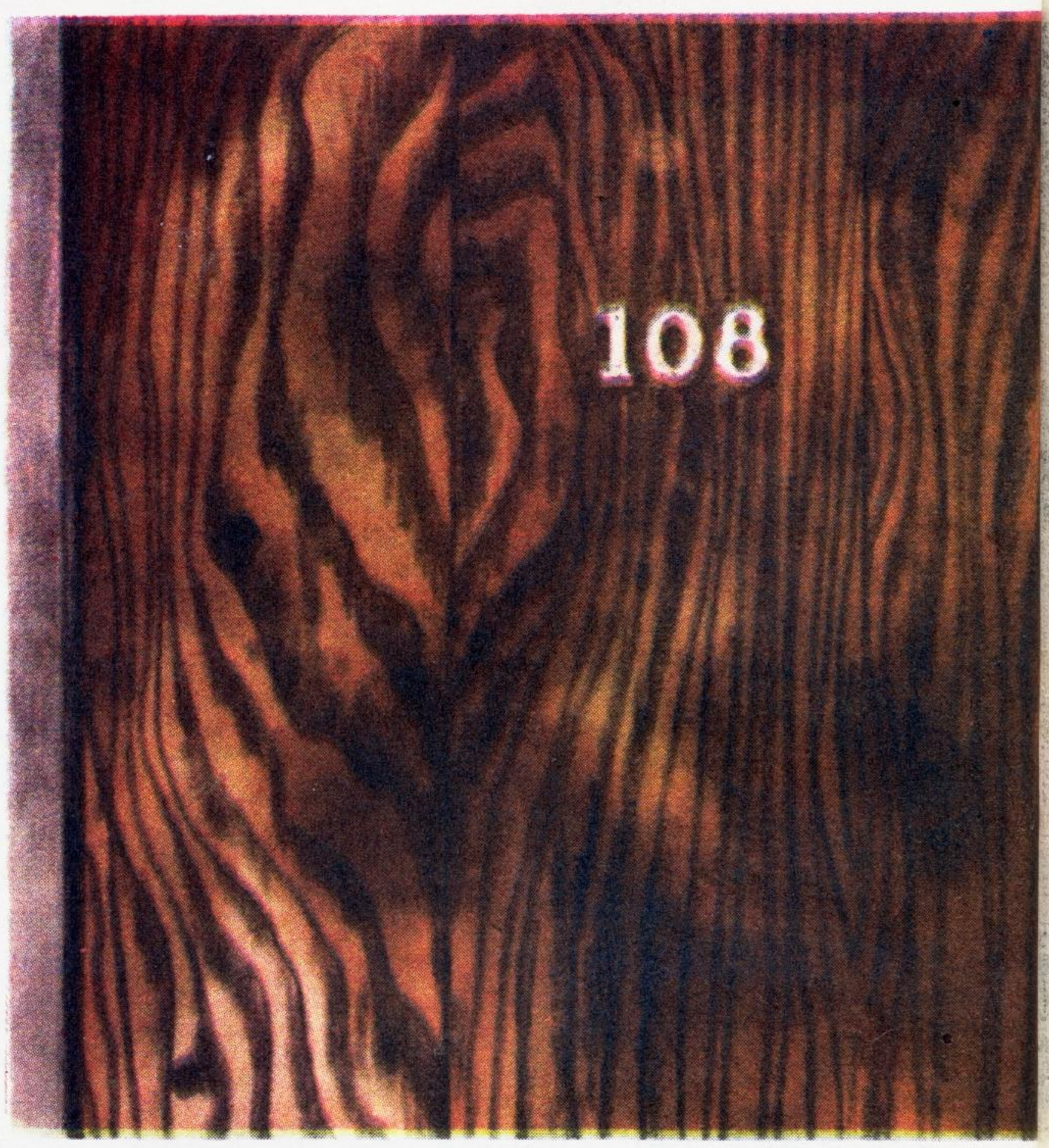
Юрий КОРИНЕЦ

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ РОБОТ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 4.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.



Предыстория Тарабама, рассказанная им самим

— Дело в том, что я родился в звездолете,— начал Тарабам после некоторого молчания.

— Значит, у тебя есть папа и мама? — спросила Катя.

— Есть,— кивнул Тарабам.

— А они люди? — спросил Юра.

— Минутку! — вмешался папа.— Прошу Тарабама не перебивать. Наберитесь терпения и слушайте.

— Мои папа и мама такие же роботы, как и я,— продолжал Тарабам.— Они очень хорошие. И добрые. И умные. Они собрали меня по всем правилам роботехники из готовых деталей, лежавших в ящике. Этот ящик вместе с другим оборудованием был погружен в звездолет перед вылетом с планеты УЛИ. Планета УЛИ, откуда родом мои папа и мама, плавает в космосе, как ваша Земля, но очень-очень далеко отсюда... в галактике XYZ. Это все, что я знаю о своем происхождении. Со слов родителей.— Тарабам на минуту замолчал, и всем показалось, что он всхлипнул.

— Так вот,— продолжал он.— Папа и мама собрали меня на звездолете, когда мы летели в космосе,— так я появился на свет. Я открыл глаза, увидел папу и маму — звездолет — и как мы летим... Это было очень интересно! Правда, сначала мне почудилось, что мы не летим, а стоим на месте среди сверкающих звезд. Но это только так казалось. На самом деле мы летели со скоростью света! Это тоже объяснили мне папа и мама. Какое задание мы получили на планете УЛИ — я не знаю. Очевидно, это было важное задание. На звездолете нас было только трое. Папа и мама руководили полетом, а я, как только родился, сразу стал им помогать. Ведь мы, роботы, рождаемся с уже заложенной в нас довольно сложной программой знаний. Знания эти, конечно, весьма ограниченны: так я, например, только могу пока управлять кое-какими приборами, и все... Правда, мама сказала мне, что со временем я научусь и другим вещам, например, собирать таких же роботов, как я, и кое-чему еще... Но это в будущем. А сейчас я им просто помогал, и мне казалось, что я делал это уже тысячу лет...

В звездолете было очень красиво! — воскликнул Тарабам.— И аппараты в нем были замечательные! И столько в них было прекрасных колесиков, гаечек, ламп, транзисторов, проволочек — всего не перечислишь! Но дело не в этом... Дело в том, что иногда мы выходили гулять в открытый космос. Вот где красота, скажу я вам! Черное небо и миллиарды сверкающих звезд! Иногда в этой бархатной черноте появлялись разноцветные шары планет...

Тарабам помолчал, словно вспоминая эти прекрасные видения, потом продолжал:

— Иногда я гулял в космосе один. Папа говорил, что это для мальчика полезно: это развивает самостоятельность. Но каждый раз, когда я выходил из звездолета, мама предупреждала меня, чтобы я далеко не отлучался. Она говорила мне, что нам должны встретиться на пути так называемые «черные дыры»... Что это такое, я в точности не знаю, да я ведь и не теоретик! Я робот-практик, специально родившийся для управления звездолетами, и теория мироздания не моя область... Да и мои родители тоже не теоретики. Хотя они, конечно, знают намного больше, чем я. Так вот... мама объяснила мне, что «черные дыры» — это такие таинственные отверстия на краю галактик: космических миров. Еще их можно сравнить с черными тоннелями,— говорила мама,— с тоннелями перехода из одной галактики в другую. К этим черным дырам очень опасно приближаться: все предметы, к ним

приближающиеся, будут неизменно в них скатываться... Уж почему это так, я не знаю! Но это так, и, на мое горе, я в этом сам убедился!

Тарабам опять замолчал, в его вспыхнувших глазах забегали по изогнутым шкалам черные стрелки, как вчера, и он схватился за голову руками, издав тяжелый стон. Все испугались.

— Не волнуйтесь! — крикнул папа.— Только не волнуйтесь! Ведь сейчас все хорошо!

— Включи-ка в меня, Юра, удлинитель,— попросил Тарабам слабым голосом.

Когда Юра подтащил удлинитель и включил его в боковой штепсель Тарабама, тот еще некоторое время молчал, заряжаясь электричеством и приходя в себя. Через минуту его глаза опять светились ровным светом и стрелки в них чуть колебались в середине.

— Вот так всегда,— сказал Тарабам.— Когда я волнуюсь, я сразу теряю огромное количество энергии... И вообще: может сердечник перегореть...

— Сердце? — спросил Юра.

Тарабам кивнул.

— Должен вам сказать, что это было ужасно! — прохрипел Тарабам.— Самое печальное, что я не послушался папы и мамы. Сначала я играл с маленькими астероидами, потом просто кувыркался в пустоте... Так я отлетал все дальше и дальше. Не знаю, сколько это длилось. Я очень увлекся... Черную дыру на краю галактики я заметил слишком поздно: я заметил ее, когда она уже стала втягивать меня в себя, как ...как...как...

— Как пылесос! — крикнул Юра.

— Может быть... В общем, я в нее все-таки провалился... О, какой там был холод! И пустота! Я летел одинокий, как песчинка, даже куда меньше песчинки, крича и плача. Мне казалось, что так прошла вечность, хотя прошло одно лишь мгновение. Но такое мгновение стоит многих лет жизни! Я подумал: конец! Перегорю или рассыплюсь! Но нет, случилось удивительное: я вдруг почувствовал, что опять лечу в нормальном космосе, но в совершенно другом мире. В другой галактике. Звезды, созвездия, туманности, планеты — все вокруг было совершенно иным. Мир был иным, я это сразу почувствовал. Не знаю как, но почувствовал! Я был за много миллионов километров от папы и мамы... Сейчас я понимаю, что очутился в вашей галактике. А тогда я подумал, что навеки потерян. Но тут, слава разуму, меня спас ваш Юра!

— Как? — хором выдохнули папа, мама, Катя и Юра.

— Как я сейчас понимаю,— медленно ответил Тарабам, обведя всех сияющими глазами,— как я сейчас понимаю, ваш Юра, сам того не ведая, вмешался в мою судьбу... Да, да! Разобрав телевизор, а потом снова соединив его и добавив еще кое-какие важные детали, он включил это сооружение в электросеть. И тут он совершенно случайно установил со мной связь, и не простую связь: он вызвал меня на Землю! По теории вероятности такое бывает только раз в триллионах сочетаний! И Юра создал такое сочетание.— Тарабам улыбнулся.— И вот я перед вами... Но мои бедные папа и мама! Где они теперь? И что они обо мне думают? Ах, зачем я только их не послушался!

— Не падайте духом,— сказал папа.— Мне, конечно, трудно вас успокоить. Хочу вам, однако, сказать, что все не так уж и плохо. Главное — вы живы! И вы у нас! И мы вас в обиду никому не дадим.

— Спасибо,— поблагодарил Тарабам.

— А нельзя ли снова повторить это таинственное сочетание и связаться таким образом с вашими родителями? — спросила мама.

— Не знаю,— печально сказал Тарабам.— Тут нужно нечто совершенно иное... Я же вам сказал, что я не теоретик...

— А может, они и сами тебя найдут? Твои папа и мама? — спросила Катя.

— Разве они не ищут? — спросил Юра.

— Конечно, ищут,— кивнул Тарабам.

— И они вас найдут! — сказал папа.— Я в этом абсолютно уверен!

Лекция о семейном бюджете

— Ну, ладно,— сказала мама,— вы еще почаевничайте, а я пойду к Старику-Ключевику ... Надо у него денег занять. Ведь в холодильнике у нас хоть шаром покати.

Мама плавно спустилась с потолка на пол и отправилась к соседу. Он встретил ее на пороге своей квартиры, как всегда, в высшей степени элегантный: в черном костюме и белой рубашке с бабочкой и, конечно, с неизменным медным ключом на груди.

— Я не помешаю? — вежливо спросила мама.— Надеюсь, вы не заняты?

— Всегда рад вас видеть,— улыбнулся Старик-Ключевик,— заходите! Я смотрю и слушаю свои телевизоры...

Он сказал «смотрю и слушаю», и это было сказано точно, потому что в кабинете Ключевика работало, как всегда, два телевизора: слепой и немой. Передавали классическую музыку. На экране немого телевизора музыканты беззвучно водили смычками по струнам скрипок, виолончелей и контрабасов, беззвучно дули в трубы, пальцы пианиста беззвучно ударяли по клавишам рояля, а звуки от всего этого шли из слепого телевизора рядом. Мама знала, что сосед — большой поклонник классической музыки.

Когда мама вошла в кабинет, Старик-Ключевик выключил слепой телевизор. Изображение в немом телевизоре он оставил. Стало тихо, и мама опустилась в кресло. Она немного волновалась: не очень это приятно — занимать деньги: а вдруг тебе откажут? Да и вся эта история с роботом не выходила из головы. «Надо бы и о роботе посоветоваться,— мелькнуло у мамы в голове.— Но сперва лучше о деньгах... О роботе потом, а то бедный старик еще испугается. Как-никак, а соседство у него теперь весьма необычное...»

— Надеюсь, у вас все в порядке? — осведомился Старик-Ключевик, садясь на диван.— Я ребят проведывал... Вы, конечно, не против того, что я подарил им испорченный телевизор? Я надеюсь, что отныне вам будет намного спокойнее: у Юры теперь есть чем заняться, когда вас обоих дома нет. Он такой деятельный мальчик!

— Спасибо,— поблагодарила мама.— За телевизор я вам очень благодарна. Это вы хорошо придумали. Ребята в восторге... Все, в общем, хорошо... И все же у нас опять неприятности!

Старик-Ключевик вопросительно взглянул на маму.

— Видите ли,— смущенно начала мама,— у нас не приняли картину! Ее отвергли уже во второй раз! Мы так надеялись получить приличную сумму, и вот опять ничего. До моей зарплаты далеко, а в

семье ни копейки... Короче: не могли бы вы нас выручить! Мы вам, правда, и так уже должны, но я надеюсь, что мы скоро разбогатеем, и тогда сразу все отдадим...

Мама глубоко вздохнула.

— Не беспокойтесь,— мягко сказал Старик-Ключевик.— Конечно, выручу... Сколько?

— Ну... ну, рублей пятьдесят...

— Это не составит для меня затруднений,— сказал Старик-Ключевик.— Я вам дам эти деньги...

— Благодарю вас! — обрадовалась мама.

— Я их вам дам,— повторил Старик-Ключевик.— Но... но дело не в деньгах!

Старик-Ключевик посмотрел на маму с каким-то странным блеском в глазах.

— А в чем же? — растерялась мама.

— Дело в семейном бюджете! В организации ваших семейных расходов.

— Не понимаю,— пролепетала мама.

— Разрешите, дорогая соседка, я прочту вам маленькую лекцию. Вы ведь знаете, что лекции — это моя страсть. Я их все время читаю в обществе «Знание», и, должен признаться, с большим успехом. А сейчас, как мне кажется, именно тот момент, когда и вам полезно будет послушать мою лекцию о семейном бюджете...

«Этого еще не хватало!» — подумала мама.

— Нельзя жить так, как вы живете,— важно начал Старик-Ключевик.— Я говорю это, любя вас. Я вообще не понимаю, как живут сегодняшние молодые люди. От зарплаты до зарплаты денег никому не хватает. Так жить нельзя. Нельзя тратить все, что вы получаете, надо откладывать. Да, да, с каждой получки надо откладывать в сберкассу некую сумму, ну, скажем, процентов десять или двадцать. Сколько бы вы ни получали, надо все время откладывать, чтобы у вас был запас на непредвиденный случай. Тем более это надо делать вам, дорогая соседка, ведь у вас двое детей, и тем более, что ваш муж не имеет твердого постоянного заработка! Никогда не известно, когда и сколько он получит! Ведь так?

— Так,— согласилась мама.

— А вы что делаете? — патетически вопросил Старик-Ключевик.— Как только вы получаете деньги, вы сразу же накупаете разных нужных и ненужных вещей! И подарки! Детям подарки, друг другу подарки, знакомым подарки, мне подарки! Я этому уже давно удивляюсь! Конечно, подарки делать приятно, и получать их приятно — и я лично всегда очень благодарен вам за ваши трогательные любезности,— но... дорогая моя! Подумайте о своем будущем! Рассчитайте семейный бюджет, заведите книгу прихода-расхода, считайте, откладывайте! И тогда у вас никогда не будет никаких затруднений, наоборот! С годами вы будете жить все спокойней и обеспеченней. Вы со мной согласны?

— Согласна,— кивнула мама.— Но, Аполлон Иванович, вы себе не представляете, как трудно откладывать, когда всегда не хватает...

— Я вас понимаю. А вы все равно откладывайте. От любой суммы. Хотя бы от одного рубля! И всегда будете в выигрыше. Я, например, всю жизнь откладываю и всегда в выигрыше. И, сколько я себя помню, у меня всегда все занимали...

— Я уверена, что мы скоро разбогатеем,— сказала мама.— Ведь муж — талантливый человек. И тогда мы тоже будем откладывать.

— Не тогда, а сейчас! — воскликнул Старик-Ключевик.— Вот я вам сейчас дам пятьдесят рублей, а вы из них пять отложите. Пусть это будет началом. Вы со мной согласны?

— Попробую,— сказала мама.

— А что ваш муж — талантливый человек, это мне давно ясно. Я очень люблю его картины. Я просто не понимаю, почему их так часто не принимают... Глупость какая-то! Надеюсь, скоро все это изменится.

— Я тоже надеюсь,— вздохнула мама.

— На этом моя лекция закончена,— сказал Старик-Ключевик.— Вот вам деньги...

— Спасибо,— сказала мама.— Но тут еще один вопрос... Видите ли, только вы, пожалуйста, не пугайтесь! Дело в том, что в нашей семье появилось новое существо... Новый неожиданный член семьи. И это меня очень волнует. Я хотела с вами посоветоваться, как нам быть... Ведь в некотором роде вы, Аполлон Иванович, тоже к этому причастны.

Старик-Ключевик поднял брови.

— Я?

— Да, Аполлон Иванович.— И мама рассказала ему всю удивительную историю с появлением робота.

Едва мама закончила, Старик-Ключевик бодро поднялся с дивана:

— Я всегда говорил, что ваш Юра — будущий гений! — воскликнул он.— И, как видите, результат моего предсказания уже налицо! Пойдемте сейчас же, посмотрим на вашего робота...

Когда они вошли в квартиру-108 и остановились на пороге папиной комнаты, они увидели, что папа сидит за мольбертом и пишет картину, а Катя, Юра и Тарабам возятся на полу с игрушками. «Хорошо хоть, что они не на потолке,— подумала мама.— А то бы Ключевик еще в обморок упал! Он и так ужаснется этому роботу...» Но не тут-то было! Старик-Ключевик спокойно подошел к инопланетному гостю и с минуту смотрел на него с некоторым любопытством.

— Познакомьтесь,— сказала мама Ключевику.— Наш новый друг...

— Как вас зовут? — спросил Старик-Ключевик.

— Тарабам,— отрекомендовался Тарабам.

— Очень приятно,— поклонился ему Старик-Ключевик.

— И он вас не удивляет? — спросила мама.— Ведь он космический! С другой планеты! Инопланетянин!

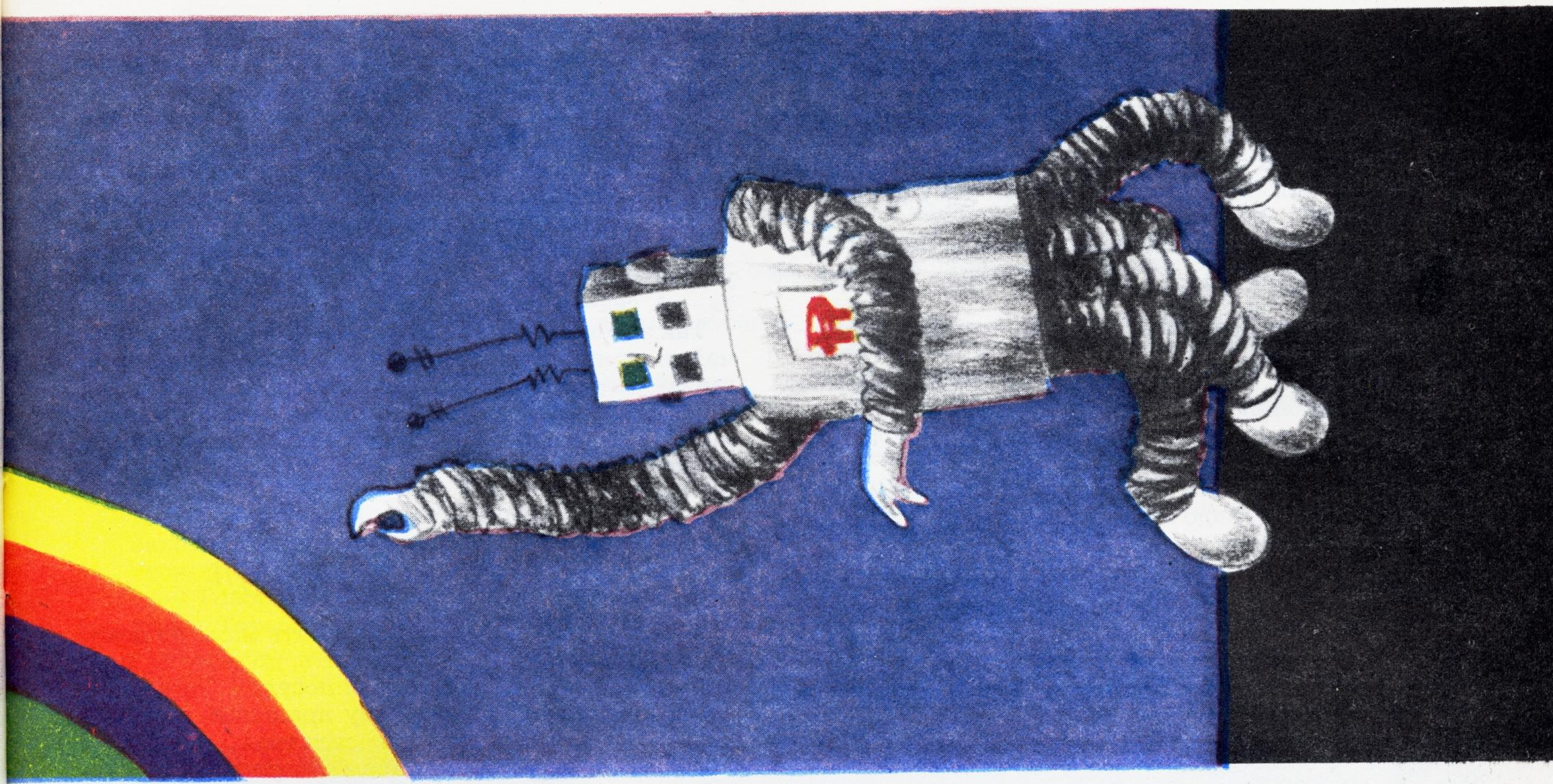
— Господи, чему тут удивляться? — улыбнулся Старик-Ключевик.— Просто хороший, воспитанный робот... хоть и инопланетянин. Вот, помню, в 1910 году пролетела по небу комета Галлея... такая яркая, с пушистым хвостом. Страшная! Все удивлялись, волновались, предсказывали конец света. А я ни капельки не удивлялся: мало ли что бывает! И видите: никакого конца света не было, и мы живы. И даже такие милые роботы появились.

— Ах, Аполлон Иванович! — вздохнула мама.— С вами легко, вы меня всегда как-то успокаиваете...

— Рад быть полезным,— сказал Старик-Ключевик.— Ну, а теперь разрешите взглянуть на новую картину. Интересно понять, почему ее не принимают.

Надо нарисовать гаечку!

Я уже знал, конечно, о появлении в квартире-108 гостя с планеты УЛИ, ведь у моих друзей никогда нет от меня никаких секретов. Правда, я не был у них недели две, но это не имеет значения: папа



— Я был за много миллионов километров от папы и мамы... Сейчас я понимаю, что очутился в вашей галактике.

сообщает мне обо всех новостях по телефону. И я обещал зайти. Уж очень мне не терпелось взглянуть на чудесного робота.

Я пришел в квартиру-108 в тот момент, когда Старик-Ключевик попросил показать ему новую папину картину, которую отвергли уже во второй раз.

Мама открыла мне дверь. Я сразу заметил ее легкую взволнованность.

— Как хорошо, что вы пришли! — шепнула она мне в коридоре, пока я снимал запорошенную снегом шубу — на улице бушевала метель.— Я вас очень прошу, присмотритесь к этому роботу повнимательней. Я очень волнуюсь... Правда, Старик-Ключевик меня уже немного успокоил, но все-таки...

— Положитесь на меня! — шепнул я в ответ, нервно причесываясь перед зеркалом и сгорая от нетерпения увидеть существо внеземной цивилизации.— Будьте покойны: уж я его прощупаю!

— Проходите! — громко сказала мама и пошла впереди меня по коридору.

Мы вошли в комнату. Перед мольбертом, на котором наклонно закреплен был пейзаж среднего размера, стояли папа, Старик-Ключевик, Катя, Юра и робот Тарабам. Все смотрели на картину и о чем-то спорили. Я же на картину даже не взглянул. Я сразу впился глазами в Тарабама. Мне хотелось хорошенько запомнить и сохранить первое впечатление. Когда я подошел, робот оглянулся и тоже посмотрел на меня. Не знаю почему, но я сразу почувствовал к нему расположение. Его зеленые глаза сияли каким-то добрым, улыбчатым выражением. Это было странно, но я именно увидел на лице робота улыбку. Вместе с тем у него ведь не было губ! Но улыбка была, она разлита была по всей, если так можно выразиться, физиономии странного существа. С момента нашего знакомства прошло уже много времени, но я до сих пор помню эту добрую, как бы невидимую улыбку прямоугольных глаз, обрамленных черной рамкой. В глазах чуть колебались на нулях тонкие вертикальные стрелки. Над высоким лбом робота колыхались, как усы, две тонкие телескопические антенны, по обе стороны головы выдавались полукруглые микрофоны, а проще сказать, уши; под глазами находились два черных квадрата — динамики, из которых шел звук — то есть два неподвижных рта! Очевидно, у него был стереоголос... Вся кубическая небольшая голова робота сидела на короткой шее, как бы составленной из многих блестящих колец; ниже шло мощное прямоугольное туловище, тоже стального цвета, хотя не знаю, сталь это была или какой другой сплав, а на груди красовался белый квадрат с красным знаком посередине, напомнившим мне китайский иероглиф; туловище оканчивалось внизу четырьмя гибкими стальными ногами — да, да, не двумя ногами, а целыми четырьмя! — и эти ноги были как толстые стальные шланги, которые не имели коленей, а сгибались, когда нужно, на всем протяжении; руки у него были такие же гибкие, без локтей, но только две... Тарабам стоял на своих четырех ногах очень устойчиво... Забегая вперед, должен сказать, что передвигался он на них ловко и быстро. Все это я подробно осмыслил уже потом, а в тот первый момент я только видел — или, вернее, чувствовал — теплую улыбку робота, разлитую во всем его облике... Удивительно, не правда ли?

Я сразу же повернулся к маме и шепнул ей на ухо:

— Замечательное существо! И будьте совершенно спокойны! От него веет добром!

Мама благодарно кивнула мне в ответ. В ее глазах я прочел успокоение.

— Рад видеть! — обернулся ко мне папа.— Познакомься...

Я шагнул вперед, робот протянул мне свою гибкую руку с похожими на щипчики пальцами, и я горячо пожал ее. Да, УЛИнянин пришелся мне по душе. Все это длилось одно лишь мгновение, но за моих друзей я уже не беспокоился. И сейчас, когда

я спустя долгое время пишу эти строки, я радуюсь, что в тот момент не ошибся. Впрочем, вы это и сами поймете, когда прочтете все до конца...

Когда мы с роботом пожали друг другу руки, папа обратился ко мне:

— Вот мы тут пытаемся разгадать: что в этой картине могло не понравиться? Почему ее опять не приняли?

— Картина как картина,— сказала мама.— Подмосковный вечер... Река... Березы... Что тут не понять?

— Вполне реальный пейзаж,— согласился я.— С настроением...

— Может быть, чуть пестровать? — спросил Старик-Ключевик.

— Да ведь это же осень! — обиделся папа.— Осень всегда пестра.

— Что там хоть говорят-то? — спросил я.

— Говорят, надо еще поработать! Несовершенно. И несовременно.

— Какая же в березах современность? — возмутилась мама.— Березы всегда березы! И сегодня и сто лет назад...

— Не знаю,— хмыкнул папа.

— Просто придираются к тебе,— сказала мама.— Завидуют!

— Да нет,— грустно возразил папа.— Чего-то здесь, видимо, не хватает...

— Брось! — сказала мама.

— Разрешите мне,— вмешался вдруг низким, бархатным голосом Тарабам.

«Действительно стереофонический голос! — подумал я.— И какой приятный!» Все оглянулись на робота. Он смотрел проникновенно-серьезно.

— Да, да,— сказал папа.— Прошу вас...

Тарабам подошел к картине, протянул руку и прикоснулся пальцем к ее правому нижнему углу: здесь на первом плане нарисована была низкорослая зеленая травка; кое-где в ней пестрели цветы.

— Вот здесь,— мягко сказал Тарабам, взглянув на папу.— Вот здесь надо нарисовать гаечку! Медную... или нет, лучше стальную...

— Что-о-о? — удивленно выдохнул папа.

— Маленькую хорошенькую гаечку! — прочувствованно повторил Тарабам.

— То есть как это — гаечку? — растерянно и вместе с тем возмущенно выкрикнул папа.— Какую гаечку? Бред какой-то! Я даже не знаю, что вам ответить!

— Вот вам, пожалуйста,— вздохнула мама.— Этого нам еще не хватало...

«Действительно,— подумал я.— Все-таки робот есть робот!»

Тарабам сразу смутился, втянул голову в плечи и отошел в сторону.

— А что? — воскликнул Юра.— Гаечку нарисовать очень хорошо. Может, ее здесь кто-нибудь обронил!

— Замолчи! — прикрикнула на него мама.— Как тебе не стыдно!

— Да нет! — нервно сказал папа.— Говорите! Обсуждайте! Может, прикажете еще нарисовать здесь пару болтиков? Несколько пружинок? Или моток проволоки?

— Ты только не волнуйся,— обняла его мама.— Мало ли кто что посоветует.

— На Тарабама вы не сердитесь,— вмешался Старик-Ключевик.— Он ведь не художник...

— Действительно,— сказал я.— На робота сердиться грех! И почему ему не высказать свое мнение? Это даже интересно.

— Извините меня за резкость,— подошел папа к Тарабаму.— Я погорячился... Но гаечка в пейзаже — я такого еще не слыхал! И... и... надо будет подумать! Я подумаю, обещаю вам.

— Я только хотел сказать, что с маленькой трогательной гаечкой будет замечательно! — робко, но вместе с тем как-то настойчиво и убежденно проговорил Тарабам.— Знаете, с такой маленькой, всеми забытой, одинокой гаечкой...

— Я подумаю,— вежливо повторил папа и вдруг улыбнулся, как-то странно посмотрев на робота.— А сейчас пошли чай пить...

Так закончилось это обсуждение. Потом мы пили чай и долго еще говорили о всякой всячине. О гаечке больше никто не вспоминал. Тарабам сидел вместе со всеми за столом и молча слушал, задумчиво посвечивая зелеными глазами. В них была какая-то неземная грусть. Он не проронил больше ни слова.

Космический суп

Тарабам стал понемногу помогать маме по дому: он научился стирать, пылесосить, подметать, протирать мебель, мыть на кухне посуду... Он вообще любил бывать на кухне — ему нравилась там близость газовой плиты, холодильника, кухонного комбайна — он мог без конца разбирать их и собирать, начищая до блеска. Он обожал всю кухонную утварь — до самых маленьких ложек и вилок. Тарабам говорил, что кухня — его стихия, тут ему все напоминает о космосе... странный робот! Что может быть общего между кухней и космосом? Хотя — кто знает! — может быть, кухонная обстановка напоминала ему об отсеках космического корабля, на котором он родился? Но оставим это на его совести, ведь сравнивать нам не с чем...

Единственное, что Тарабаму не разрешалось делать на кухне,— это готовить обеды. Он давно об этом мечтал, но мама ему не доверяла. Она доверяла готовку только папе, но он готовил редко. Старик-Ключевик тут, конечно, в расчет не шел — у него была своя жизнь.

Да, с готовкой обедов в квартире-108 дело никак не налаживалось. Главным препятствием было отсутствие времени. Мама по целым дням пропадала в библиотеке. Папа готовил прекрасно, все считали его отличным кулинаром, и это действительно так и было, потому что папа, как всякий талантливый человек, все делал талантливо: и картины, и щи, и пироги, и котлеты,— но картины отнимали у папы все его время. И все его мысли. Он ведь то писал картины, то сдавал их в Союз художников, то обдумывал во сне новые. Картины были его главным призванием, его страстью, кроме того, он зарабатывал ими деньги, и хотя денег все еще не хватало, но когда-то же они будут в достатке... Так что с готовкой обедов дело обстояло плохо. Не могла же мама приготовить обед на целую неделю вперед! Такой обед под конец недели прокис бы, и его нельзя было бы есть, особенно детям. Мама и так часто готовила по ночам, ее можно пожалеть. Ну, а дети еще маленькие, они сами себе готовить не могут...

Тарабам, конечно, видел, как страдают обитатели квартиры-108 от отсутствия повара, свободного от других занятий. Ему-то что: включил свой штепсель в розетку, посидел рядом десять минут — вот и зарядился на целый месяц! Ему каждый день обедать не надо, хотя обед у него всегда под боком... И это стало его мучить: он хотел, чтобы и у его друзей обед тоже всегда под боком был. Тарабам

верил, что только он один может этому помочь, и задумал произвести опыт...

Один раз, когда папы и мамы не было дома, Тарабам заговорщицки сказал Кате и Юре:

— Давайте сварим суп!

— Как? — спросили Катя и Юра.

— Очень просто! Пойдем на кухню — и сварим!

— Мама же запретила тебе варить! — сказала Катя.— И Старик-Ключевик может прийти...

— А мы потихоньку от него... Если он придет, мы скажем, что моем посуду!

Юра запрыгал на одной ноге и закричал, хлопая в ладоши:

— Сварим суп! Сварим суп! Сварим суп!

— Тише ты! — зашипел на него Тарабам.— Старик-Ключевик услышит!

Юра испуганно замолчал, и все трое прислушались через стенку: но все было тихо, Старик-Ключевик не давал о себе знать. Утром он, правда, заходил, а сейчас или спал, или смотрел и слушал свои телевизоры.

— Говорить только шепотом! — еле слышно приказал Тарабам.— Я научу вас варить замечательный суп — космический! И это будет подарком для мамы! Ведь супа у вас сегодня нет?

— Нету,— прошептала Катя.— Мама утром сказала: супа нет. Придется вам, бедным, пожить всухомятку...

— Вот то-то и оно! — поднял палец Тарабам.— Представляете, как обрадуется мама, когда она вечером придет и обнаружит на кухне суп. Представляете, какой это сюрприз?

— Сюрприз? — переспросил Юра.— это твой космический суп так называется?

— Сюрприз — это не суп... то есть в данном случае это суп! — запутался Тарабам.— Сюрприз — это значит: неожиданность... Приятная неожиданность. И этой неожиданностью будет наш суп. Понимаете?

Юра и Катя восторженно кивнули.

— Согласны?

Ребята опять кивнули; они уже просто дрожали от нетерпения. Им, конечно, сразу же захотелось готовить суп. Подумать только, какой молодец этот Тарабам!

Тарабам первый пошел вперед, приложив к губам палец и поманив за собой ребят. Крадучись,

— Вот здесь,— мягко сказал Тарабам, взглянув на папу,— надо нарисовать гаечку.

как настоящие заговорщики, прошли они на кухню и закрыли за собой дверь. Оглянувшись на кухне, ребята с удивлением обнаружили на кухонном столе кучу каких-то мокрых железок, болтов и гаек...

— Это я наскреб в столе и в шкафу у папы,— таинственно подмигнул Тарабам.— Я их хорошенько вымыл. А потом сполоснул в трех водах.

— Зачем?—спросил Юра.

— Для супа!

— Разве из железок супы варятся?—поразилась Катя.

— А как же!—гордо сказал Тарабам.— Космические супы только так и варятся.

— Вот здорово!—обрадовался Юра.— А как мы будем варить?

— Очень просто.— Тарабам взял большую кастрюлю.— Кладите всю кучу сюда... Осторожно, а то они очень звякают...

Тарабам сел на табуретку и поставил кастрюлю на колени, а Катя и Юра стали осторожно складывать в нее железки.

— Теперь нальем воды,— сказал Тарабам, ставя кастрюлю с железками под кран.— Нальем воды, зажжем газ и поставим варить...

— Чур, я зажгу газ!—крикнул Юра.

— Зажигай,— сказал Тарабам.

— А я что буду делать?—спросила Катя.

— А ты будешь следить, когда закипит,— сказал Тарабам, ставя кастрюлю с железками на плиту.

Юра взял коробок спичек, открыл газ, потом чиркнул спичкой о серый бочок коробка и с наслаждением поднес горящую спичку к конфорке...

— Ой!—испугалась Катя, потому что пламя так и полыхнуло из-под кастрюли...

— Ничего особенного,— успокоил ребят Тарабам.— Главное — не волноваться. И не забывайте о том, что я с вами. Со мной не пропадете.

В это время хлопнула входная дверь, и раздалось шарканье шлепанцев по коридору — все поняли, что это Старик-Ключевик. Он опять пришел проведать ребят по наказу мамы. Тарабам сделал большие глаза, и все трое замерли на месте. Шаги приближались к кухне. Тарабам в страхе шагнул к двери, притянул ее к себе. Напрасно Старик-Ключевик пытался ее открыть: Тарабам держал ее крепко.

— Эх!—пробормотал Старик-Ключевик.— Не могу... сил нет... Юра! Катя!

— Мы моем посуду!—выразительно прошептал Тарабам, кивнув на дверь.

— Мы моем посуду!—громко сказала Катя.

— Откройте-ка!—попросил ребят Старик-Ключевик.— Дверь заклинило...

— К нам нельзя!—шепнул Тарабам.

— К нам нельзя!—крикнул Юра.

— Почему?

— Сюрприз... чистая посуда... чистая кухня!—прошептал Тарабам.

— К нам нельзя, потому что сюрприз!—закричал Юра.

— Мы перемоем всю посуду! И вымоем кухню! И это будет сюрприз для мамы!—крикнула Катя.

— И для тебя!—шепнул Тарабам.

— И для тебя тоже будет сюрприз!—крикнули Юра и Катя.

— А у вас газом не пахнет?

— Не пахнет!

— А Тарабам где?

— Я здесь,—возможно спокойнее ответил Тарабам.

— Ну, хорошо... тогда я спокоен. Работайте. А я пойду...

Когда шарканье шлепанцев удалилось и хлопнула входная дверь, Тарабам облегченно вздохнул и смущенно взглянул на ребят.

— Обман!—сказал он, тяжело вздохнув.— Но ведь ради хорошего, не так ли? Ради плохого я бы никогда никого не обманул... а ведь это сюрприз, и тут без обмана нельзя.— И опять вздохнул.

— Вода закипает!—объявила Катя.

— Ага!—обрадовался Тарабам, потирая руки.— Готово!

— Так быстро?—удивилась Катя.

— Долго ли умеючи?—усмехнулся Тарабам.— Давай-ка, Юра, тарелку и поварешку.... вот так. Попробуем!

Он зачерпнул из кастрюли супа, налил в тарелку и поставил дымящуюся тарелку на стол.

— Ложки!—приказал Тарабам.— А теперь садитесь и пробуйте... ну, каково?

— Что-то не очень,— поперхнулась Катя.

— Невкусно,— сморщился Юра.— Может, слишком горячо?

Тарабам смущенно переступал с ноги на ногу.

— Уж очень железный вкус,— объяснила Катя.— Вот если бы там было мясо... и картошка...

Ей стало жаль Тарабама.

— И капуста,— добавил Юра.

Ему тоже стало жаль Тарабама.

— Тогда было бы вкуснее,— сказала Катя.

— Так это же чепуха!—воскликнул Тарабам, хлопнув себя по лбу.— Как я не подумал! Вы же так все это любите! Конечно же! Надо готовить космический суп с добавлением всех этих органических субстанций! Но это дело поправимое...

Тарабам открыл холодильник и достал оттуда большой кусок мяса, потом кочан капусты, потом несколько картошек, морковок и луковиц...

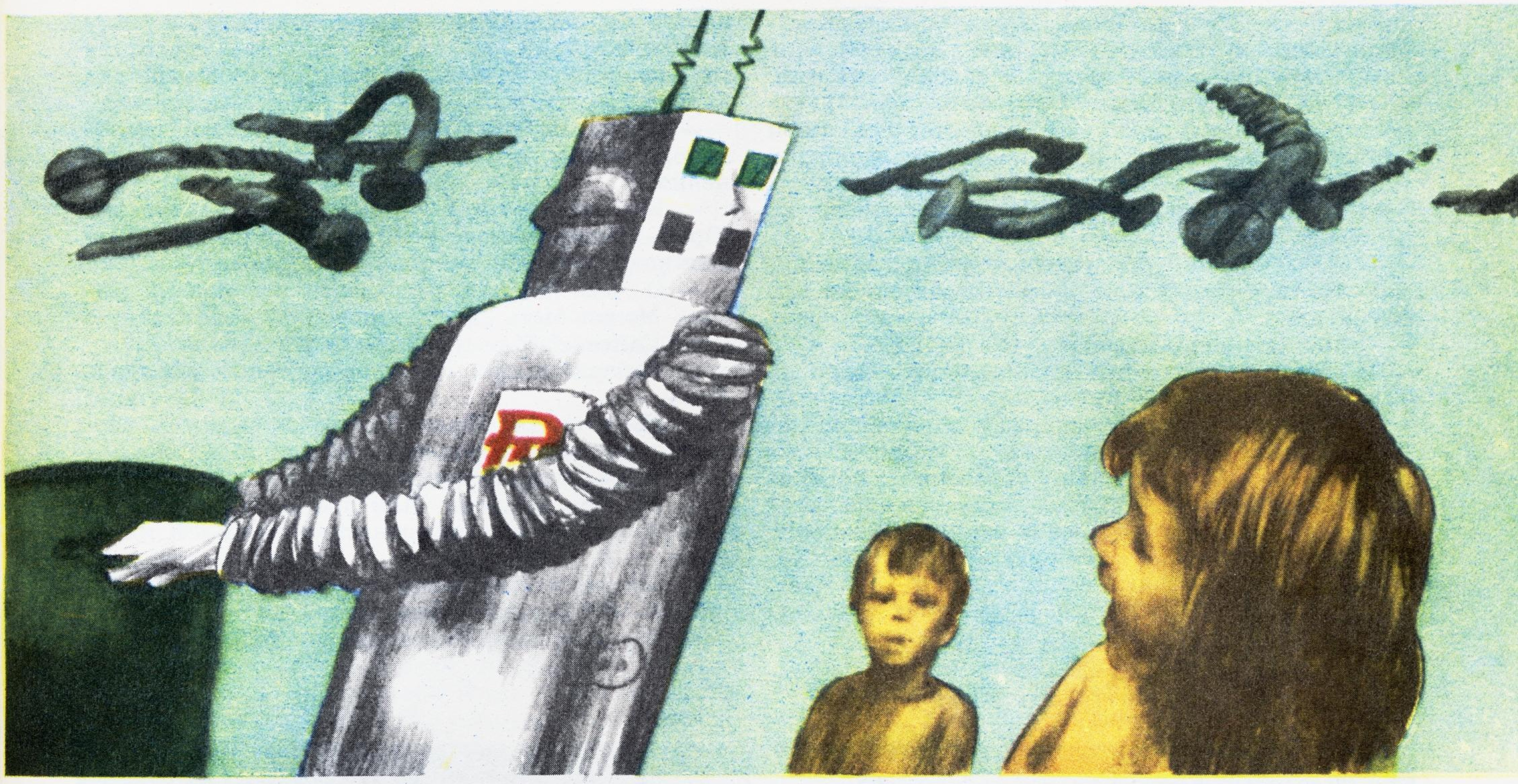
— Это пойдет?—спросил он весело.

— Пойдет!—обрадовались Катя и Юра.

— Тогда за работу!—воскликнул Тарабам.— Дело мастера боится — так, что ли, у вас говорят?

...Возились они долго — Старик-Ключевик несколько раз приходил и спрашивал, как идут дела. Тарабам спокойно отвечал через дверь, что все в порядке, и Ключевик опять уходил дослушивать и досматривать свои телевизоры. Постепенно Катя, Юра и Тарабам почистили, нарезали и помыли мясо и овощи, а потом заложили их в кастрюлю поверх железок. По совету Кати добавили немного соли и перца. Тарабам предложил, пока варится суп, перемыть посуду, потому что немытой накопилось порядочно, а потом заняться и кухней: ведь обещали же Ключевику! За мытьем и чисткой незаметно подкрался вечер, окно в кухне посинело, и Тарабам включил свет. Все даже забыли о супе, а он все кипел, кипел, кипел — и тут вдруг пришли папа и мама...

Представьте их удивление, когда они увидели блестевшую чистотой кухню и почувствовали вкуснейший запах, витавший по всей квартире! Сначала мама было подумала, что это Старик-Ключевик все прибрал... Но нет, я просто не в силах вам всего описать! Особенно того торжественного момента, когда все сели за стол: Катя, Юра, папа, и мама, и, конечно, Тарабам. На столе благоухал космический суп — и вкус его — да, да, я не шучу!—оказался восхитительным! Вся семья уплетала его за обе щеки, а Тарабам смотрел на своих друзей и чуть не плакал от счастья и гордости. Правда, когда мама наливала всем по второй тарелке и вдруг обнаружила на дне кастрюли кучу железок, она было



— Теперь нальем воды,— сказал Тарабам, ставя кастрюлю с железками под кран.

удивилась, но Тарабам, Катя и Юра ей сразу же все объяснили, что это настоящий космический суп... И мама, конечно, поняла. Тут же на семейном совете постановили назначить Тарабама поваром и обязать его готовить впредь каждый день. И не только суп. А папа сразу же подарил Тарабаму свою поваренную книгу старинных рецептов, которые папа собирал всю жизнь. Не обошлось, правда, без критики: дело в том, что мама, разрешив Тарабаму готовить, попросила его никогда больше не добавлять в еду ни железок, ни болтов, ни гаечек. Ведь качество космической еды зависит вовсе не от излишнего железа — достаточно железа от кастрюли! — а от мастерства космического повара. И от хороших свежих продуктов. И Тарабам с мамой согласился...

Через некоторое время опять зашел Старик-Ключевик — узнать, как дела. Мама, конечно, сразу же предложила ему космического супа, предупредив, правда, о железках на дне кастрюли.

— Можете себе такое представить? — сказала она.

— А что особенного? — ни капельки не удивился Старик-Ключевик, отведав супа.— Нормальный суп! Помню, я когда-то ел суп из обыкновенного сапожного голенища, без всяких приправ... и без соли... страшный был голод... удивительно, как я тогда жив остался... А это прекрасный суп, и мясо такое вкусное! Ничего удивительного.— И Старик-Ключевик сразу съел целую тарелку с добавкой.

Сказка о короле роботов

Вечерами, перед сном, мама обычно рассказывала детям сказки. Мама знала их множество: она помнила их с детства от своей мамы, то есть от бабушки Кати и Юры; бабушка уже несколько лет как умерла, а мама прекрасно помнила все ее сказки. Катя и Юра любили под них засыпать. Но в последнее время как-то стало не до сказок — из-за робота. Он занимал все мысли жильцов квартиры-108. Катя и Юра засыпали теперь с мыслями о Тарабаме. Папа и мама за полночь чаевничали в папиной комнате и тоже долго шептались там о Тарабаме.

Но однажды, ложась спать, Катя вдруг опять вспомнила о сказках:

— Мама,— сказала она.— рассказала бы ты нам опять какую-нибудь бабушкину сказку... о горшке каши, что ли...

Катя и Юра очень любили почему-то именно эту сказку.

— Хорошо,— сказала мама.— Ложитесь, я расскажу вам о каше. Что-то мы совсем забыли о сказках!

Тарабам тоже находился в детской: он любил смотреть, как дети ложатся спать. Перед сном он всегда обнимал Катю и Юру и желал им спокойной ночи.

— А мне можно послушать сказку? — спросил Тарабам.

— Конечно,— сказала мама.— Послушай. Это очень хорошая сказка.

Мама потушила верхний свет, засветила ночник и села за стол в середине комнаты. И Тарабам сел за стол. А Катя и Юра легли в кровати, укрывшись до самых носов одеялами. В комнате было уютно и тихо. И уютно зазвучал мамин голос:

— Жила-была одна девочка... со своей мамой. Вот мама ей однажды говорит: «Возьми корзиночку, пойди в лес, набери ягод». Девочка взяла корзиночку, пошла в лес и набрала много вкусных красных, спелых ягод. Идет она домой, и вдруг ей встречается старушка. Старушка и говорит: «Девочка-девочка! Я такая старая, мне трудно ягоды собирать. Подари мне, пожалуйста, ягоды из твоей

корзиночки». Девочка была добрая, пожалела старушку, отдала ей ягоды и говорит: «Бери, старушка!» Старушка взяла ягоды и говорит девочке: «Хочу тебя отблагодарить! Вот тебе горшок. Ты его поставь на стол и скажи: «Горшок, горшок! Вари кашу!» А как только ты не захочешь больше каши, скажи: «Горшок, горшок! Больше не вари»...

— Мама! — прервал вдруг Юра.— Мне эта сказка надоела!

— Надоела? — с удивлением переспросила мама.— Но ты всегда так любил ее! Ты мог слушать ее без конца!

— Мог, а теперь надоела,— сказал Юра.

— Простите, а что там было дальше? — спросил Тарабам.

— А дальше девочка пришла с горшком домой,— сказал Юра.— Она сказала горшку: «Вари!» — И он стал варить кашу. А девочка ушла. А ее мама забыла, что надо сказать, чтобы он больше не варил, и горшок все варил и варил, все дольше варил, и каша залила весь их дом и даже на улицу вылилась... А потом девочка вернулась и сказала горшку, чтобы он больше не варил, и он перестал варить... Вот и все!

— Очень интересно! — сказал Тарабам.— Вероятно, это был горшок-автомат. Электронный, конечно...

— И ничего не электронный! — возразил Юра.— Обыкновенный волшебный горшок! Но он мне надоел. Я хочу что-нибудь другое...

— О чем же вам рассказать? — спросила мама.— Может быть, про Дюймовочку? Или сказку о царе Салтане? Или про мышиного короля?

— Расскажи про Дюймовочку! — обрадовалась Катя.

— Нет,— сказал Юра.— Это тоже надоело... расскажи нам что-нибудь техническое...

— Как — техническое? — растерялась мама.

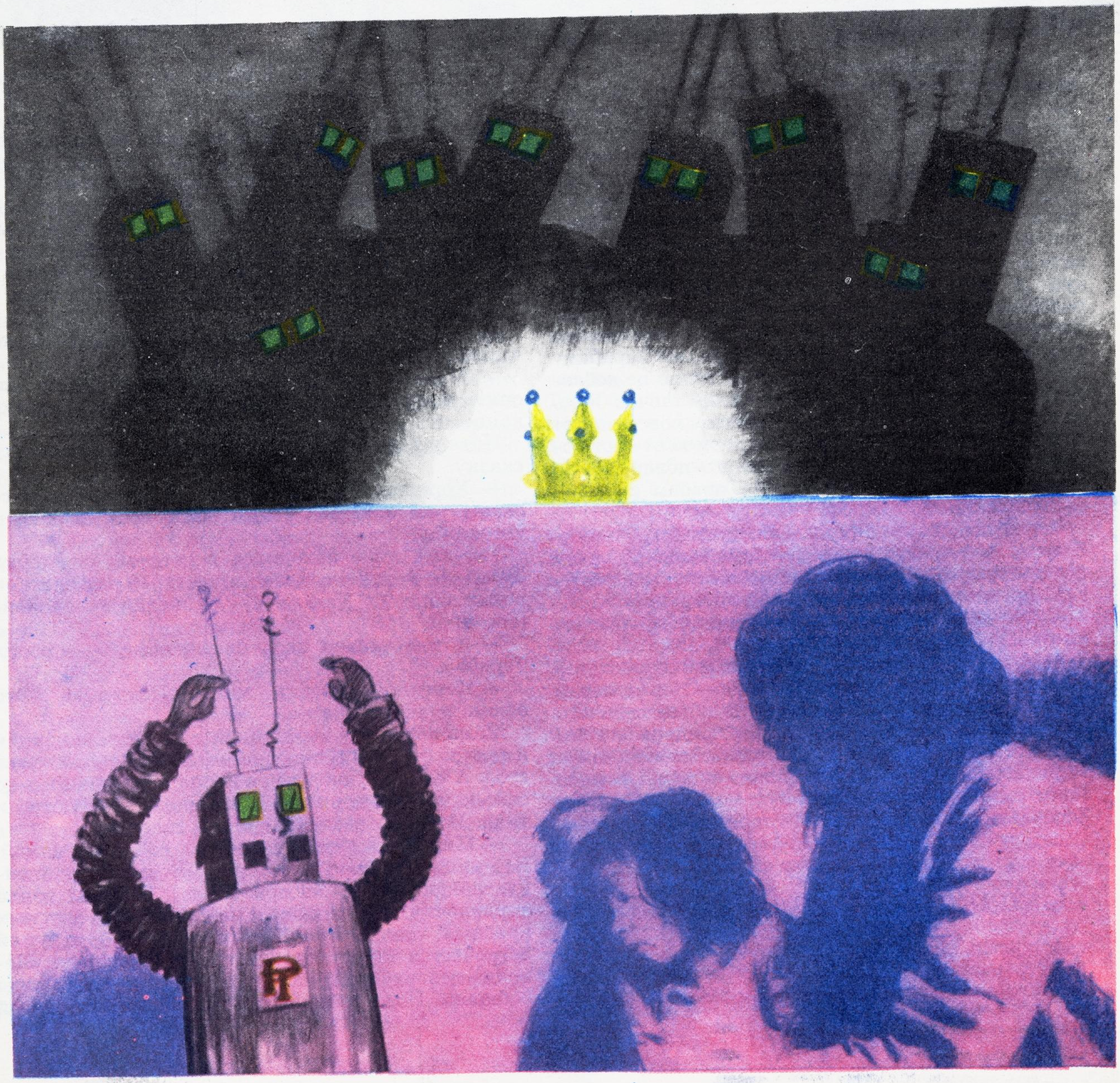
— Ну, про машины! Или про роботов!

— Таких сказок нет,— сказала мама.— Я их не знаю.

— Извините, что я вмешиваюсь,— промолвил Тарабам.— Но я знаю такие сказки...

— Вы...— пробормотала мама.— Ты... знаешь?

— Итак, я увидел, как все они медленно и празднично шли прямо на меня, с каждым шагом восклицая: «Р-р-р! Р-р-р!»



— Знаю! — важно кивнул Тарабам своей кубической головой, и антенны над его лбом согласно заколыхались.

— Расскажи, расскажи, Тарабам! — захлопали в ладоши Катя и Юра. — Мама, разреши ему рассказать!

— Расскажи, конечно, — согласилась мама. — Интересно, что это за сказки... технические... Только вы лежите, не раскрывайтесь. — И мама поправила на детях одеяла.

— Я расскажу вам сказку «О короле роботов», — важно сказал Тарабам. — Эту сказку всегда рассказывала мне моя мама. И я мог слушать ее без конца...

Он помолчал, наклонив голову и как бы вспоминая или сосредоточиваясь, потом устремил в черное окно свои задумчивые зеленые глаза и начал:

— Жили-были на планете УЛИ два бедных и добрых разумных существа: муж и жена. Жена занималась по дому, а муж работал мусорщиком на свалке пришедших в негодность роботов. И был у них свой робот — его звали Том. Когда-то давно купили они его на свалке по дешевке, немного подлечили, и он стал у них жить. Робот был очень стар, но это был хороший, умный робот, он прилежно помогал жене мусорщика по хозяйству.

Один раз поздно вечером сидела жена мусорщика у окна, поджидая хозяина. Ее верный робот — старый Том — сидел рядом и тоже поджидал хозяина, поблескивая в полудреме зелеными квадратными глазами. Они ждали-ждали, а хозяина все не было. Наконец, он вломился в дом и взволнованно крикнул с порога: «Жена! Ты не знаешь, кто такой Том Тимбум?» Жена и робот молча уставились на хозяина.

«Чем это ты так взволнован? — спросила через мгновение жена. — И почему тебе надо знать, кто такой Том Тимбум?»

«О! Я только что пережил необычайное приключение! Я разбирал на свалке ржавые останки роботов, а потом устал, присел и, очевидно, заснул... Во всяком случае, проснулся я от страшного железного рева»...

«Р-р-р», — прервал его старый Том.

«Да, да — вот от такого именно рева! Я посмотрел вдаль, на мусорные кучи, и... кого бы ты думала, я увидел?»

«Откуда я могу знать?» — сказала жена.

«Представь себе девять черных больших роботов! И все похожи на нашего Тома, все с прямоугольными зелеными глазами и с белыми квадратами на груди. И что ты думаешь, они тащили? Большой гроб, покрытый черной материей, а на ней лежала корона, вся из золота! И при каждом шаге они громко скрежетали: «Р-р-р-р!»...

«Р-р-р», — сказал старый Том.

«Вот-вот, именно так! — подтвердил мусорщик. — Они подходили все ближе, я уже мог их разглядеть. Восемь роботов несли гроб, а девятый, самый большой, важно выступал впереди... О! Посмотри на нашего Тома! Как он на меня уставился... Можно подумать, он что-то знает!»

«Дальше, дальше! — закричала жена. — Оставь старого Тома в покое!»

«Итак, я увидел, как все они медленно и празднично шли прямо на меня, с каждым шагом восклицая: «Р-р-р! Р-р-р!»...

«Р-р-р», — опять сказал старый Том.

Мусорщик испуганно взглянул на робота, побледнел, но продолжал:

«Представь себе: они остановились как раз напротив кучи ржавого железа, которое я наскреб для отправки в плавильную печь... Но посмотри на старого Тома! Он уставился на меня, в точности как они!»

«Рассказывай, рассказывай, — сказала жена. — Что ты пристал к старому Тому?»

«На чем я остановился?.. Ах, да: они все стояли и пялили на меня свои глазища, и стрелки в них бегали туда-сюда, туда-сюда... Наконец ко мне подошел тот самый робот, который выступал впереди. Он посмотрел мне п р я м о в л и ц о и сказал: «Передай Тому Тимбуму, — он проговорил это противным визгливым голосом, — передай Тому Тимбуму, что Тим Томбум скончался!» Вот потому я и спрашиваю тебя: не знаешь ли ты, кто такой Том Тимбум? Иначе как же я передам Тому Тимбуму, что Тим Томбум скончался?»

«Посмотри на старого Тома! — вскричала жена. — Посмотри на старого Тома!»

Мусорщик замер на месте. Ибо старый Том вдруг поднялся во весь рост, его квадратные зеленые глаза засверкали, и он проскрежетал:

«Что-о? Старый Тим помер? Это значит, что отныне я — Король роботов!»

Сказав это, робот бросился вон из дома. С тех пор его никогда больше не видели...

Тарабам замолчал.

— Хорошая сказка, — сказала мама. — Только немножко страшная...

— И ничего не страшная! — сказала Катя.

— А у роботов есть короли? — спросил Юра.

— Были, — сказал Тарабам.

— Где?

— На планете УЛИ. Но в стародавние времена, много тысяч лет тому назад. Сейчас королей нет.

— А кто сейчас главный на планете УЛИ? — спросила Катя.

— Самый главный начальник на планете УЛИ — чрезвычайно разумное существо! Со странным именем — КАР-ЦОВ...

— Но в этом имени есть что-то человеческое, — сказала мама.

— Пожалуй, есть, — согласился, подумав, Тарабам.

— Он добрый? — спросил Юра.

— Он очень-очень-очень добрый! — ответил Тарабам. — И мудрый! Я верю, что он меня здесь разыщет...

— Вот будет хорошо! — громко захлопал в ладоши Юра.

— Однако, ребятки, теперь пора спать, — сказала мама.

— А ты еще знаешь сказки? — спросил Юра Тарабама.

— Знаю, — важно кивнул Тарабам.

— Сейчас спать, — повторила мама. — Он теперь всегда будет рассказывать вам сказки. Но с условием, чтобы вы вовремя засыпали... Спокойной ночи!

Тарабам обнял Катю и Юру и тоже пожелал им спокойной ночи.

— Хорошо бы он тебя скорее нашел, этот твой КАР-ЦОВ, — сказала Катя полусонным голосом; а сама подумала, что если КАР-ЦОВ найдет Тарабама и возвратит его на планету УЛИ, им с Юрой станет очень грустно и одиноко...

А потом мама потушила ночник, и они с Тарабамом на цыпочках вышли из комнаты.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ?

ЧАС В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Мы снова всех приглашаем в читальный зал.

Я уже раздвинула шторы, полила цветы, разложила книжки, о которых расскажу сегодня. Вы удобно устроились? Тогда откроем книгу...

«О тех, кто первым ступил на неизведанные земли, о мужественных людях — революционерах кто в мир пришел, чтоб сделать его лучше. О тех, кто проторил пути в науке и искусстве, кто с детства был настойчивым в стремленьях и беззаветно к цели шел своей» — эти слова вы можете прочитать на титульном листе каждой книги серии «Пионер — значит первый». Ее уже восемнадцать лет выпускает издательство «Молодая гвардия».

На корешках книг — имена их героев. И каждое имя — это страница истории. Об открытиях, удивительных судьбах и делах расскажут вам книги серии.

Знаете ли вы, например, что до появления оперы Михаила Ивановича Глинки «Иван Сусанин» в России даже образованные, интеллигентные люди считали, что написать оперу русскому композитору не под силу? Что настоящую оперу может написать только итальянец? О том, как была написана первая русская опера, завоевавшая мировую известность, вы узнаете из книги **Е. Брандиса «И я открою землю»**.

Знаете ли вы, что первую в Азии обсерваторию построил в пятнадцатом веке потомок завоевателя Тимура Улугбек в Самарканде? О великом ученом написал книгу **Е. Парнов.** Она называется **«Звезда в тумане».**

Знаете ли вы, что единственным человеком, который осмеливался публично — на страницах журналов — спорить с Екатериной II и даже высмеивать ее образ мыслей, был русский просветитель Иван Новиков? Его жизни и творчеству посвятил свою книгу **«Восьмая муза» М. Подгородников.**

Каждая судьба — шаг в неизвестность. Каждая жизнь — событие в истории. Герои этой серии — первооткрыватели в искусстве и науке, борцы за освобождение людей, за их счастье.

Около семидесяти книг вышло в серии «Пионер — значит первый». Обо всех я рассказать, конечно, не могу. Поэтому представлю вам последние. В 1983 году вышли книги: **Н. Матвеев «Солнце под землей»** о герое первой пятилетки Алексее Стаханове, **Л. Репин «...И вновь я возвращаюсь»** о русском географе и путешественнике Н. Пржевальском, **Е. Сапарина «Последняя тайна жизни»** о великом физиологе И. Павлове, **Р. Штильмарк «За Москвой-рекой»** о замечательном драматурге А. Островском.

В этом году вас ждут встречи с книгами Б. Емельянова «О смелом всаднике» об Аркадии Гайдаре, М. Подгородникова «Нам вольность первый прорицал» об Александре Радищеве, О. Тихомирова «Иван — холопский воевода» о предводителе крестьянского восстания Иване Болотникове.

А теперь — первая в нашем читальном зале встреча с писателями. Помните, когда мы открывали читальный зал, договорились, что будем не только знакомиться с новыми книгами, но и встречаться с их авторами? Сегодня мы выполняем это обещание.

Ирина Ивановна СТРЕЛКОВА — писатель, критик, журналист. Ирина Ивановна опубликовала в журнале «Пионер» две повести: «Знакомое лицо» и «Одна лошадиная сила». В се-

рии «Пионер — значит первый» вышли ее книги «Меч полководца» о герое гражданской войны М. В. Фрунзе и «Друг мой, брат мой...» об ученом и путешественнике Чокане Валиханове.

Анатолий Васильевич МИТЯЕВ — писатель, автор сборников сказок, повестей, многих книг о войне, об истории армии. Наверное, мальчишки, особенно те, кто мечтает связать свою жизнь с армией, читали его «Книгу будущих командиров» и «Книгу будущих адмиралов».

Рассказывает А. В. Митяев

Читатели в письмах и при встречах спрашивают меня: как получилось, что после сборников сказок «Где пряталась сказка», «Сказки у костра», «Шесть Иванов — шесть капитанов» я написал «Книгу будущих командиров», «Книгу будущих адмиралов», «Сражение при Гангуте», «Солдатский подвиг» — книги о делах и временах суровых, военных? Действительно, как? Сказки писать хотя и непросто, но всегда радостно, и собственный вымысел можно пускать белым лебедем над синим морем. А книги о военной истории держат мысль в жестких рамках фактов, сам процесс работы тяжел, даже изнурителен: приходится годами, пока пишется книга, размышлять о людском горе, о людской боли и гибели.

Краткий ответ читателям и самому себе таков: «Выбрал то, что счел нужнее».

Подобно великому множеству моих сверстников я ушел на фронт добровольцем, со школьной скамьи. На войне рядовым гвардейских минометных частей пробыл два с лишним года. За такое время всякое пришлось повидать... Когда кончилась вторая мировая война, нам хотелось думать, что человечество получило такой урок, который навсегда исключит из жизни новых поколений войну. Но уже тогда империалистические круги Соединенных Штатов Америки принялись готовить третью мировую войну.

Острие этой подготовки было с самого начала направлено против нас, против Советского Союза. В 1948 году США разработали план, по которому только в первый месяц войны предполагали сбросить 133 атомные бомбы на семьдесят советских городов... Но войну они не начали. И они никогда не осмелятся на войну против нас, если наша страна будет экономически сильной, а Советская Армия и Военно-Морской Флот — высоко боеспособными.

Вот такие мысли помогли мне сделать выбор. Говоря языком военных людей, со второстепенного для себя направления, то есть от сказок, я перешел на главное — к военной истории.

У меня есть «крестники» в армии и на флоте — молодые офицеры, которым в выборе профессии помогали и мои «Книга будущих командиров», «Книга будущих адмиралов». Но эти книги годятся всем, кто хочет воспитать в себе мужество, твердый характер. В них описана жизнь великих патриотов — от древних греков Фемистокла и Архимеда до Александра Невского и Дмитрия Донского, до суровых маршалов Великой Отечественной войны.

Я вовсе не хочу противопоставить военно-патриотические книги всем иным. Книги всякие нужны! И мне хотелось бы вернуться к литературным сказкам. Есть несколько сюжетов, они уже на самом кончике пера.

Сказки будут отдыхом после работы над большой книгой о Великой Отечественной войне «Тысяча четыреста восемнадцать дней».

Рассказывает И. И. Стрелкова

Вот говорят: «детский писатель». А других писателей, которые не для детей пишут, как назвать? Взрослыми писателями, что ли? Это я к тому, что сама пишу не только детские книги. Но начинала я с них. Я тогда работала корреспондентом «Пионерской правды» в Казахстане.

Редакция газеты была от меня далеко, нас разделяли тысячи километров и три часа разницы во времени. Так что работала я совершенно самостоятельно. Самой надо было найти тему, самой решить, как написать. Хотелось самой и интересное дело затеять в школе, что-то подсказать ребятам, расшевелить их. Получалось, что, работая в «Пионерской правде», я становилась чуть-чуть пионервожатой.

В те годы я поняла одну вещь. Необыкновенно важно для человека умение сберечь свою «территорию», если можно так сказать. Ведь иногда маленькому человеку легче согласиться с чужим мнением, быть как все. Но сохранить независимость суждений, поступков — это в детстве очень важно. Меня радовали встречи с такими ребятами. О непохожести, которая скрепляет дружбу, я попыталась рассказать в повести «Чет и нечет».

Характер человека начинает проявляться очень рано. Часто говорят, что самое главное — это воспитать старательность, прилежание. Но не менее важно воспитать и уберечь свой «непохожий» характер.

Как-то в кабинете директора одной школы я познакомилась с мальчиком. Его привела туда возмущенная учительница русского языка и литературы. Мальчик отказался писать диктант, который начинался со слов: «Снегири готовятся к перелету». Он сказал, что снегирь — это не перелетная птица, а кочующая. Вызов к директору его не напугал. Он твердо знал, что снегирь зимует у нас и к перелету не готовится. Теперь этот мальчик стал известным ученым.

Однажды мы в «Пионерской правде» затеяли кампанию в защиту... двоечников. Нельзя все время ругать двоечника, так он и сам махнет на себя рукой: «Я безнадежный». Один мальчик нам написал: «Я бы их вывел в человеки». Шли письма от ветеранов войны, рабочих, ученых. Не очень приятно признаваться, что в детстве учился плохо, но взрослые люди писали об этом искренне и честно. И рассказывали, как «вышли в человеки».

В жизни главное — верить в людей, верить в человека. Не только мечтать о том, чтобы тебя понимали. Самому стараться понять других. И, поняв, помочь, если надо.

В мае у Ирины Ивановны и Анатолия Васильевича день рождения. Мы от всей души поздравляем наших гостей с шестидесятилетием! Желаем им творческих успехов и ждем в нашем читальном зале еще много раз.

А. ДРУЯНОВА

Сергей МАРКОВ

ТЫ НИКОГДА НЕ МЕЧТАЛ О СОБАКЕ?

РАССКАЗ

Рисунок В. ДУДКИНА.

Во дворе после того, как ребята посмотрели фильм «Ко мне, Мухтар!», роль проводника Глазычева доставалась с боем. Поэтому в игре Антону приходилось быть то преступником Фроловым, то похитителем кроликов, то начальником из комиссии по проверке годности собак к служебно-розыскной работе.

— Максим,— спросил меня Антон как-то вечером,— ты никогда не мечтал о собаке?

Оказывается, он продумал план до мелочей. Вместо того чтобы тратить деньги в школьном буфете, мы должны были складывать их в копилку — зеленую банку с припаянной крышкой, доставшуюся Антону от старшего брата по наследству. Мы сочинили клятву и скрепили ее кровью, добытой из большого пальца левой руки: «Я, Горычев Максим (Егоров Антон), перед лицом своего друга Егорова Антона (Горычева Максима) торжественно обещаю и клянусь: каждый день вносить в копилку не меньше пятнадцати копеек, на скопленные деньги купить щенка породы восточноевропейская овчарка и присвоить ему кличку «Мухтар». Отдать собаку по первому требованию Родины. Клянусь, клянусь! И если я нарушу эту торжественную клятву, пусть постигнет меня ненависть и презрение товарищей!»

Кончалась четвертая четверть. Мы не ходили в кино и не ели мороженого. Записались в районную библиотеку. На верхней полке между толстыми томами я разыскал небольшую книгу в светло-зеленой обложке — «Мои друзья» Б. Рябинина. Расставаться с ней не хотелось. Третий раз мне звонили из библиотеки. А я читал «Друзей» утром, днем, вечером, выучил почти наизусть. Засыпая, я клал книгу под подушку вместе с ошейником, который мы купили с Антоном в магазине «Охотник» на Ленинском проспекте,— настоящий ошейник из душистой, сладко скрипящей кожи с кольцом для карабина и блестящими выпуклыми клепками.

— ...Вы просто не представляете, как мне нужна собака!

— Нужна собака...— размышлял папа, наливая в тарелку с творогом молоко.— А как же другие живут...

— И никто еще без собаки не умер,— говорила мама, стоя лицом к плите.

— Ты знаешь, что со щенком нужно четыре раза в день гулять?

— Шесть, а то и восемь раз, пап! Знаю, что в любую погоду, иногда и ночью...

Папа доедал творог, мама наливала ему большую синюю чашку чая, накладывала в розетку абрикосового варенья и садилась за стол.

— Максим,— говорила она, придерживая крышку маленького, для заварки, чайника двумя пальцами,— я ведь рассказывала тебе...

— О том, как у вас в доме, когда ты была маленькая, жила лайка?

— Вечная грязь, кости по всем углам разбросаны, оборванные обои, обгрызенные ножки у стульев... Стоит мне представить, что все это повторится здесь, на новой квартире, когда мы только купили югославский гарнитур, у меня волосы дыбом становятся!

— Ну мам...

— Нет, Максим.

— Но почему?

— Незачем нам собака!

— Но... мне...

— Да что это такое в конце концов! — взрывалась мама, оглушительно хлопая ладонью по столу.— Долго ты нам нервы будешь мотать? То рыбки, то марки... А рогатки, помнишь, чем твои кончились?! Отец, а ты что молчишь?

Папа вставал, садился и долго смотрел на меня. Я знал, ругать меня по-настоящему он не будет. Я боялся не этого. Я боялся, когда его добрые, родные глаза вдруг делались далекими, взрослыми.

Я очень хотел собаку. Огромную восточноевропейскую красавицу. Я представлял, как поздним вечером папа с мамой возвращаются из театра, слышал мамин голос: «Отойдите, хулиганье, милиция!» И папин тревожный голос... Мухтар подбежит, как только начнется драка с огромными хулиганами, и обратит их в бегство! А потом я возьму Мухтара за ошейник, тот самый, с клепками, который под подушкой, и мы пойдем как ни в чем не бывало...

Слезы растворяли, делали все вокруг равнодушным и глухим; я вдруг понимал, и от этого больно начинало пульсировать в виске,— никогда не сможет Мухтар спасти родителей от хулиганов, потому что его самого никогда не будет. Но папа учил меня быть упрямым и все доводить до конца. И на следующий день, за ужином, я начинал разговор с родителями сначала. Вечерами, казалось, стоит крикнуть: «Мухтар!» — и могучий пушистый пес с малиновым языком, гулко стуча по паркету когтями, прибежит из прихожей к моему дивану.

В августе мы уехали на дачу. И там я упрашивал, клялся, что буду ходить в магазины, что буду отличником... Иногда делалось страшно оттого, что ни о чем, кроме Мухтара, думать в своей жизни я уже не мог. Я уходил в лес, подтягивался на турнике, сидел в нашем старом шалаше-штабе, подолгу наблюдал за рыжими муравьями... но снова и снова возвращался к Мухтару.

Вечером, за день до начала школьных занятий, я шел по Строительной улице. Думал, как всегда, сразу о многом. О новой школьной форме, отглаженном красном галстуке. О том, какие все-таки хорошие у меня родители... Мама, правда, еще пыталась убедить, что лучше бы спаниеля или небольшого милого

фокстерьера, но я был неумолим — и победил. Мы купим овчарку! Думал о том, сколько денег уже в нашей банке — на даче я сумел скопить два рубля с мелочью. Думал о школе, об осени.

Вдруг со школьного двора — пронзительный визг. Я замер. Улица была пустой. Лишь в самом конце ее медленно, как в кино, шагал человек и светились задние фонари машины. Постепенно визг стих. И — снова!

Я подпрыгнул, уцепился ладонями за край забора и подтянулся на локтях. Лохматые парни, привязав к дереву резиновым проводом дворняжку, били ее камнями.

Особенно точно бил прыщавый парень с гнилыми коричневыми зубами. Улыбка его напоминала улыбку преступника Фролова из «Мухтара». Он выбирал камни поострей. Размахнувшись, он долго не бросал, ждал, когда пес устанет вертеться и прыгать, остановится, когда с мольбой и благодарностью посмотрит на людей,— тут он бил, коротко и сильно. После его ударов пес почти не кричал, а, словно выброшенная на берег рыба, глотал воздух, медленно поднимаясь из пыли. Прыщавый перебил ему лапу, рассек ухо...

— Прыщ! — вопили остальные.— Ну ты даешь! Свиреп!

— У меня с этой псиной свои счеты,— собирал новые камни Прыщ.— Это она на меня гавкала, когда я на велосипеде, чуть брюки не порвала.

Они закурили. И тут пес вдруг яростно дернулся, зарычал.

— Ах ты! — Парень взял из кучи гравия несколько крупных камней.— Рычать еще?

Камни полетели в дворняжку со всех сторон.

Папа всегда говорил мне, что мужчина прежде всего должен быть мужественным. И не только на войне. Хотелось испытать себя, но я все откладывал и откладывал на потом: исполнится столько-то лет, стану такого-то роста, со следующей недели... При мне опутывали ниткой лапы голубям и бросали их с крыши, привязывали к хвостам кошек консервные банки и с криками гоняли их по дворам, несколько раз возле кинотеатра парни отбирали у меня деньги,— я терпел, крепился, проходили месяцы, годы, а я все не решался открыть какую-то дверцу внутри себя, раза два или три в жизни я только пытался осторожно потянуть ее...

«Убьют, и не будет на свете этой собаки. Другие будут, много других, а этой не будет!» — колотилось у меня в висках.

Сухой треск штанины, зацепившейся за гвоздь. И вот лицо мое уже крепко прижимается к окровавленной спине дворняги.

— А ты что здесь потерял? — удивился Прыщ.— Давай отсюда, козявка.

Рядом грохнул о землю камень.

— А ну его...— сказал кто-то из парней.— Псих какой-то! Оставь его, Прыщ, еще отвечать придется.

Прыщ нехотя бросил приготовленный камень.

...Скоро вдалеке затихли их голоса. Ушли. Все случилось так быстро, что некоторое время я не мог прийти в себя, сидел не двигаясь. Наконец встал, осторожно поднял пса на руки — идти он не мог — и медленно побрел мимо школы, по «зебре» перехода, мимо булочной, газетного киоска, парикмахерской, под арку... Огни фонарей и светящиеся окна разбегались, сливались, раскалывались, снова стягивались в одну огромную, во все небо, темную лужу.

Две недели я не отходил от Мухтара. Этим заветным именем я решил назвать дворнягу, когда нес ее домой на руках. Точно так же в фильме нес настоящего раненого Мухтара проводник Глазычев — Юрий Никулин. Я научился колоть ей пенициллин, делать перевязки, варить кашу на мясном бульоне...

Через месяц Антон гулял по двору с чепрачным пушистым щенком восточноевропейской овчарки. Они с отцом ездили в клуб, взяли там адрес и купили щенка от каких-то знаменитых на всю страну медалистов. В родословной были напечатаны на машинке клички, даты рождения и титулы предков щенка до четвертого колена.

Храня верность нашей клятве, Антон пытался назвать щенка Мухтаром. Но выяснилось, что у породистых собак кличка должна начинаться на заранее установленную букву. Назвали Кингом, по-русски — королем. В два месяца этот король был уже ростом с моего Мухтара; лапы его были тяжелыми, с утолщениями в коленях, уши еще не поднялись, но на бегу красиво, породисто развевались...

Первое время во сне я видел, как Мухтар, не мой малыш, конечно, а тот, настоящий, о котором я мечтал, догоняет вооруженного кирпичами Прыща...

Первое время я убеждал себя в том, что лучше моего рыжего Мухтара, с зелеными грустными глазами, с правой лапой, так и оставшейся на всю жизнь немного искривленной, нет собаки на свете. Диверсанта он, конечно, задержать не смог бы. Ему даже тот кожаный, с металлическими клепками ошейник оказался велик, и я отдал его Кингу. И не злой Мухтар совсем. Но зато он так радуется, встречая кого-нибудь из нашей семьи у дверей, так отчаянно колотит хвостом по ножкам стульев и столов! И по буму ходит, и палку приносит, и на лестницу взбирается... Не самое ведь главное для собаки — быть восточноевропейской овчаркой. И дворняги бывают смелыми и выносливыми. Недаром где-то есть памятник дворняге. Недаром в космос первой полетела Лайка...

Потом я так привык к Мухтару, что уже ни в чем себя не убеждал, и снились мне теперь по ночам другие сны.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учитель: Расскажи, что ты знаешь о листопаде?

Ученик: Вместе с листьями опадают органические вещества, насекомые и другие животные.

Наташа Карпова
и Света Декунова,
г. Москва.

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учитель: Что дает степь человеку?

Ученик: Коровятину, лошадятину, телятину...

Павлик Скоморощенков,
г. Сегежа, Карельской АССР.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учитель: Расскажи нам о бобрах.

Ученик: Бобры строят норы в воде и живут в этих норах по пятнадцать — двадцать человек.

Виктория Адамова,
г. Донецк.

НА УРОКЕ ГЕОМЕТРИИ

Учитель: Что такое окружность?

Ученик: Окружность — это круг, в котором посередине стоит ножка циркуля.

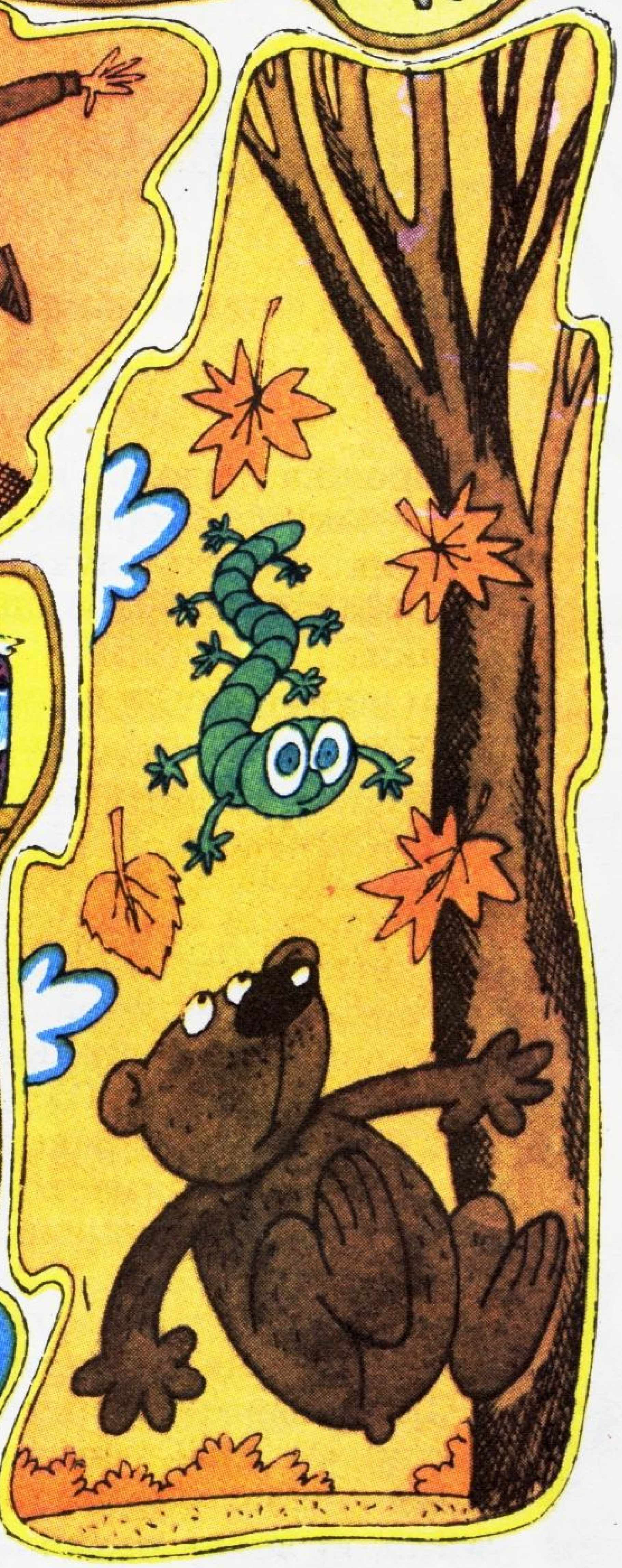
Оксана Юркова,
пос. Тугач,
Красноярский край

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница: Придумай предложение с междометием «да».

Ученик: Да уж!!

Татьяна Крайняя,
г. Челябинск.



Из школьных сочинений

«Поставив табурет и встав на него, банка оказалась в моих руках».

«Света любит помогать своей сестре Тане, когда сестра ест шоколад».

«У Ивана Кузьмича было три сына. И все — парни!»

«Кошка с собакой фыркали и лаяли друг на друга».

«Я так люблю книги, что даже их читаю».

«Наконец мы увидели березовую рощу, где стояли одни дубы».

«Он очень испугался, и душа у него ушла в ботинки».

«Жучка громко разговаривала во сне: видно, ей приснился какой-то кошмар».

«Мой кот все делает, как и я: спит, гуляет, чистит картошку».

«Мне приходили в голову разные мысли, но лучшие остановились на банке земляничного варенья».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает В. АЛЁНИН.
Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Где мы были, что мы видели

ПРИРУЧЕНИЕ ТРАВКИ

Дорожка, вдоль нее ряды аккуратных грядок — как на огороде. Но это не огород, скорее цветник: вместо лука, петрушки и огурцов на грядках цветы — ландыши, подснежники, ромашки.

Но почему тогда целую грядку занимает пышная заросль крапивы? Растет себе с важным видом, прямо как тюльпан какой-нибудь. Вон полынь, вон подорожник — а эти как сюда попали?

Нет, это не цветник и не огород. Мы с вами — в ботаническом саду Всесоюзного института лекарственных растений, что находится под Москвой, за самой кольцевой автодорогой. И растут на этих грядках растения, удостоенные чести быть включенными в Государственную фармакопею СССР — свод всех лекарственных средств, которые разрешены к применению в нашей стране. Поэтому попали сюда и крапива, листья которой останавливают кровотечения, и подорожник, помогающий от болезней желудка, и полынь, которую принимают для улучшения аппетита.

С целебными свойствами растений человек познакомился еще в незапамятные времена. Зеленая аптека верно служила ему на протяжении тысячелетий. А когда появилась научная медицина, она подтвердила, что многие из растений, отмеченных многовековым народным опытом, вполне заслуженно пользуются славой исцелителей, и они прочно вошли в практику врачей.

Но прежде чем включить растение в фармакопею, его нужно тщательно исследовать — этим и занимаются специалисты из Института лекарственных растений. Ведь мало доказать, что растение действительно обладает целебными свойствами (хотя и это само по себе задача не из легких). Нужно глубоко изучить его химический состав, проверить, не ядовито ли оно, не вызовет ли какого-нибудь нежелательного побочного действия; нужно провести сложные и длительные эксперименты на животных, а потом и клинические испытания на людях. Через строгое сито разнообразных испытаний и проверок проходят лишь немногие растения. Арсенал народной медицины насчитывает много тысяч видов, а в нашу фармакопею включено около 230 — те самые, что растут на грядках в ботаническом саду института.

А потом надо изучить запасы в природе каждого растения, выдержавшего экзамен. Определить, где, как и сколько его можно заготовить. Ведь многие известнейшие лекарственные растения настолько редки, что уже попали в «Красную книгу», и приходится разводить их на плантациях. Сейчас в нашей стране такие плантации занимают около 25 тысяч гектаров, и выращивают на них более 40 видов целебных трав.

Лекарственные растения — это вам не пшеница или кукуруза, которые давно приручены человеком, возделываются веками и про которые уже все, кажется, известно. Плантация целебных трав отличается от обычного поля так же, как зоопарк от свинофермы: обитатели ее дикие, у каждого свой норов. Да и нужно нам от них разное: от одних — вершки, от других — корешки. Для каждого растения приходится изобретать свою агротехнику, свои приемы возделывания и сбора. Да еще по возможности механизировать работу, а это отдельная серьезная проблема: ведь зерновым комбайном ландыш не уберешь. Пришлось инженерам сконструировать и ромашкоуборочную машину, и валерианоуборочный комбайн...

Но вот растения собраны, теперь их надо превратить в лечебные препараты — настойки или отвары,

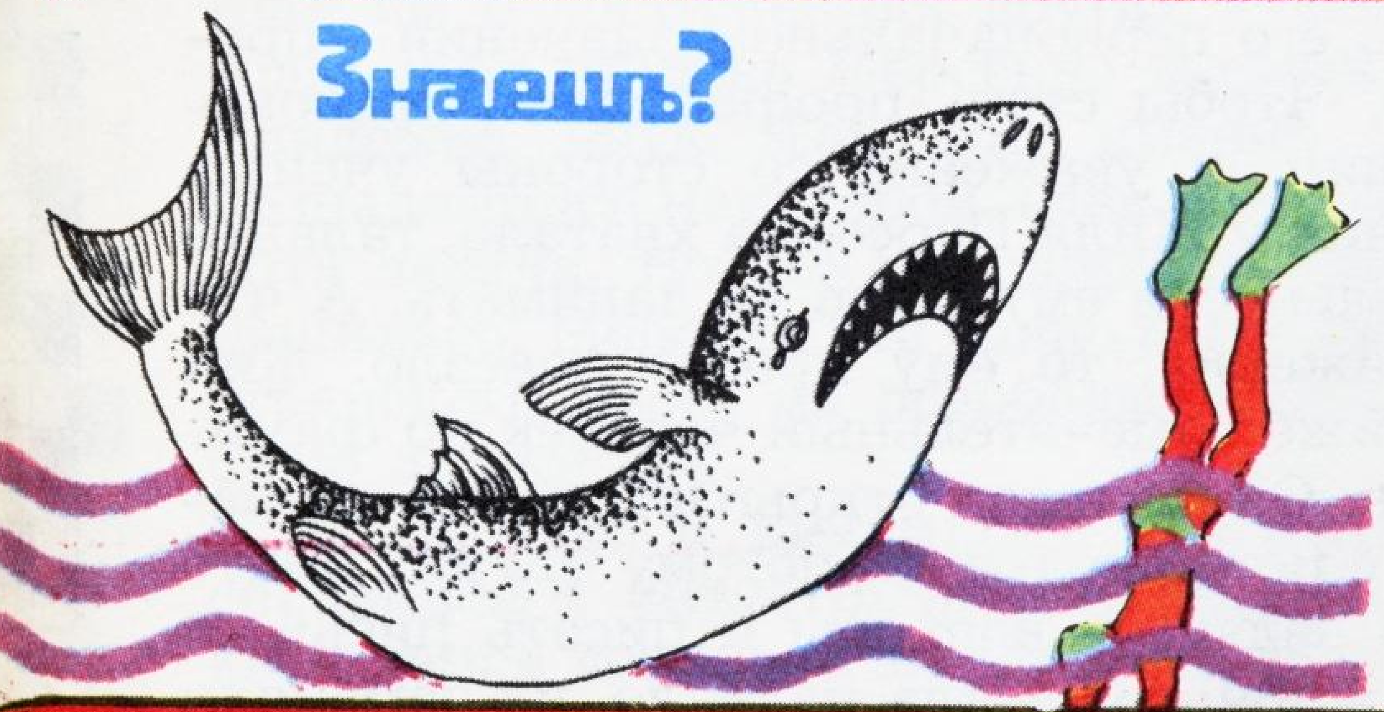
экстракты или таблетки. Способы переработки лекарственного сырья разрабатывают институтские технологи — сначала в лаборатории, а потом на собственном экспериментальном заводе, который находится тут же, на территории института.

Заводской корпус весь пропитан ароматом душистых трав. В огромном стеклянном сосуде вертится мешалка, взбалтывая горячий зеленый отвар; в другом бурлит что-то густое и бурое; в третьем — бежит по змеевику желтоватая жидкость... Прямо лаборатория средневекового алхимика. Извлечь из растений целебные соединения бывает иногда труднее, чем выплавить из руды редкий металл. Чтобы получить считанные граммы препарата, приходится перерабатывать сотни килограммов сырья.

Долгий и сложный путь проходит целебная травка, прежде чем превратится в лекарство. На протяжении многих лет работают с ней десятки специалистов: ботаники и врачи, агрономы и инженеры, технологи и химики. И когда мы с вами покупаем в аптеке пузырек с микстурой от кашля, мы уносим маленькую частичку труда многих людей. В том числе и тех, кто работает во Всесоюзном институте лекарственных растений, что под Москвой, за самой кольцевой автодорогой.

А. ДМИТРИЕВ

Знаешь?



Космические лучи могут мешать работе электронно-вычислительных машин, которые находятся на борту космических аппаратов.

* * *

Создан костюм, защищающий ныряльщиков от акул.

* * *

Обнаружены бактерии, способные жить при давлении 265 атмосфер и при температуре +250° С.

* * *

За два месяца божья коровка съедает почти семь тысяч тлей!

Зачем? Почему?

Где вы, антимиры?

«Очень много слышала об «антимирах». Что это такое? Доказано ли их существование или это только гипотеза?»

Кристина ПЕТРОСЯН, 7-й класс, г. Ереван.

«Анти» — по-гречески значит «против». Античастица — это частица с противоположными по сравнению с частицей свойствами. Вот, например, у протона заряд положительный, а у его античастицы — антипротона — отрицательный. У каждой частицы есть своя античастица. И если обычное вещество построено из частиц, то из античастиц с таким же успехом можно построить антивещество, а уж из него и антимир с «антиЗемлей» и «антиСолнцем». Действительно, в любом атоме электроны с отрицательным зарядом крутятся вокруг ядра с положительным зарядом. Но никакими законами не запрещено существование ядра с отрицательным зарядом и положительными частицами вокруг него — а это как раз и будет атом антивещества. Более того, на Земле уже найдены такие атомы, точнее, они искусственно созданы. Несколько лет назад физики из подмосковного города Дубны получили несколько атомов антигелия, но жили они миллиардные доли секунды. Ведь, соприкоснувшись, антивещество и вещество, из которого построен наш мир, мгновенно уничтожаются — аннигилируют, как говорят физики.

Итак, антивещество не вымысел. Но вот в видимой части Вселенной астрономы никак не могут обнаружить его признаков. И это начинает серьезно заботить физиков. Казалось бы, в мире должно быть поровну вещества и антивещества — из соображений простой симметрии. Где же антивещество? Это один из самых интересных вопросов современной физики.

А. СЕМЕНОВ

Родня «Капитана Флинта»

«Почему попугай говорит, а воробей нет?»

Илья ПОЛИЩУК, 5-й класс, г. Москва.

Кто не помнит пиратов из «Острова сокровищ» и леденящий душу крик попугая: «Пиастры! Пиастры!..»

С тех самых пор, как европейцы стали регулярно плавать в южные моря, их забавляет, восхищает, а порой и пугает поразительная способность этих созданий подражать любым звукам, в том числе и речи людей.

Однако природа наградила таким талантом не только родственников «Капитана Флинта». Блестящие способности к подражанию бывают и у многих не столь экзотических птиц. Например, у живущих в наших краях сорок, вóронов и особенно у певчих — скворцов, дроздов...

Воробьи, правда, не говорят. А вот одна серая мухоловка, кстати, из отряда воробьиных, говорила. Так что, может быть, и воробей небезнадежен?

Гортань воробьиных и попугаев приспособлена к тому, чтобы издавать самые разнообразные звуки; эти птицы привыкли жить стаями и обмениваться очень сложными сигналами (мы их называем песнями). Мало того, пернатые умеют вступать в контакт и с существами других биологических видов, усваивать их «язык». А наша с вами речь, с их точки зрения, — хоть и бедноватая, а все же песня, которую можно повторить при подходящем случае.

Именно при подходящем... Не потому ли птицы выкладывают свой словарный запас почти всегда к месту?

Много теорий придумано по этому поводу, но они разом вылетели из моей головы, когда живущий у меня ручной зеленый попугайчик с золотым хохолком уселся мне на плечо и застенчиво проговорил в ухо: «Птичка-птичка». Почему он говорит? Да разве не ясно — хочет дружить с новыми соседями, вот и старается «петь» по-нашему.

В. РОМАНОВ

КТО ЧТО ИЗОБРЕЛ

Весы эпохи

...До Парижа он добрался к 26 годам. А до того бродил по Франции, нанимаясь то в домашние учителя, то в солдаты. Участвовал и в осаде крепости Ла Рошель, о которой все вы, наверное, читали в «Трех мушкетерах». Может быть, знал даже неразлучную троицу друзей д'Артаньяна, если она в самом деле существовала.

Сам-то он существовал вне всяких сомнений и успел за свою жизнь сделать множество открытий и изобретений. Некоторыми мы пользуемся до сих пор. Среди них обыкновенные весы, на каких взвешивают яблоки или картошку... В городских магазинах, правда, их давно заменили красивые приборы, показывающие точный вес стрелкой, а то и цифрами. Но на рынках и сегодня служат простые, надежные весы с чашками и гирями, которые знатоки зовут весами Роберваля.

Именно так назвал себя наш герой, поселившись в Париже в 1628 году. А вообще-то и весы не были главным его делом, и фамилия этого непоседливого человека была другой: то ли Персонн, то ли Персонье. Переменил он ее, чтобы выдать себя за дворянина. Крестьянскому сыну в то время было пробиться трудно, вот и стал он «де Робервалем», по имени родной деревушки. Значило это просто — «из Роберваля», но частица «де» была обычной частью дворянских фамилий.

Вскоре после приезда в Париж наш герой получил звание профессора. В XVII веке это слово еще применяли в его первоначальном значении — просто учитель. Чтобы стать профессором, требовались и знания, и уважение со стороны ученых коллег. Знаний у Жиля Персонна хватало, таланта и любознательности ему было не занимать. А что касается уважения, то ему просто повезло. Жил тогда в Париже замечательный человек по фамилии Мерсенн. Он не делал открытий, но все же навеки вошел в историю науки, потому что как никто другой умел задавать вопросы и писать письма.

Научных журналов тогда не было, их заменяли письма, которыми обменивались немногочисленные ученые люди. Так вот, почти все они, в какой бы стране ни жили, переписывались с Мерсенном. Он предлагал им задачи (справиться с задачей

В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ

ЗЛАЯ ТЕТКА ЭНТРОПИЯ

Обидно бывает: слышишь какое-нибудь научное слово, а что оно значит, не понимаешь. И злишься тогда: разве простых слов людям не хватает? Только напрасно злишься.

Об одном научном слове я сейчас и расскажу. Может, поняв, что за этим словом стоит, ты станешь чуточку мудрее?

С кем не случается... Разбросаешь по комнате книжки, рассыплешь детали от «Конструктора», а потом ничего найти не можешь. Поглядев на такой беспорядок в комнате, физик сказал бы: «Как возросла у вас энтропия!»

Что же такое — эн-тро-пия?

Этим звучным таинственным именем можно было бы величать злую колдунью, которая радуется нашим неуспехам, вытягивается, растет при каждом безобразии. Не убрана постель — она веселеет. Не подметен пол, а она, глядишь, уже выше человеческого роста. Валяются на ковре книжки — ее голова достигает второго этажа. Буквы в тетрадке качаются с боку на бок, а эта злая тетка уже заглядывает в твое окошко, даже если ты живешь на последнем этаже высотного дома.

Конечно, ученый, когда произносит это слово, ни о какой сварливой колдунье не помышляет. Для него энтропия — это мера, одна из самых важных мер в физике. И никакого внешнего облика она не имеет. Можно увидеть килограмм гвоздей или картошки, метр веревки или проволоки. Но не вес и не длину, которые измеряются килограммами или метрами. Вот и энтропия — это тоже мера, мера хаоса, беспорядка.

«Да разве их измеришь?» — удивишься ты.

Конечно, на словах можно объяснить, что детали конструктора, рассыпанные как попало, чем-то отличаются от тех же деталей, аккуратно разложенных по коробочкам; что экскаватор, собранный из них же, снова чем-то отличается.

Так чем же?

Организованностью!

А измерить ее можно теми же единицами, что и энергию. Чтобы навести порядок, нужно работать — это понятно каждому. Тратить энергию. И эту самую энергию зловредная энтропия ворует у нас на каждом шагу.

Вот пример. Вы знаете, что, когда в моторе сжигают горю-

мушке-теров

Мерсенна считалось весьма почетно), он же сообщал им о достижениях других ученых... Прошли годы, и из кружка Мерсенна выросла Парижская Академия наук. Так вот, именно с Мерсенном познакомился наш герой, едва прибыл в Париж. И хотя задача, тут же ему предложенная, с ходу не решилась, Мерсенн все равно порекомендовал крестьянского сына на освободившуюся профессорскую должность.

Не прошло и шести лет, как Роберваль легко справился с геометрической задачей Мерсенна о катящемся колесе (а ее не могли решить в течение почти двух тысячелетий со времен Аристотеля). Прославился он также, вычисляя площади, замыкаемые кривыми, и объемы тел, образуемые при вращении этих кривых,— короче говоря, решая задачи, предвосхитившие такие важные разделы высшей математики, как интегральное и дифференциальное исчисление (их и в наше время изучают в основном не в школах, а в вузах). Роберваль был первым, кто ввел в физику понятие «сила». В те времена другой силы, кроме веса, не знали. А Роберваль сумел догадаться, что силы могут быть самыми разнообразными. Он же, кстати, первым догадался, что на Земле сила тяжести одна, на Луне — другая, а на Солнце — третья. И что на вершине земных гор она должна уменьшаться...

В наши дни Роберваль не столь знаменит, как другие его современники: Декарт, Ферма, Торричелли. Разные есть тому причины, но одна из них — его собственный крутой характер. Ох, и нрав же был у человека... Научную истину он штурмовал так же, как в молодости стены Ла Рошели. А на соперника смотрел, как на врага в бою. История сохранила письма, в которых Роберваль камня на камне не оставляет от заслуг своих коллег, в том числе и тех, которых весь мир чтит до сих пор. Из-за этого воинственному парижскому профессору доставалось и при жизни, и после смерти. Не в этом ли причина того, что Роберваль не стал всемирно знаменитым?

В этом или нет — сейчас не так уж важно. Нам-то не стоит забывать даже самого сварливого из гениев прошлого, если он сделал для нас столько, сколько крестьянин Персонн.

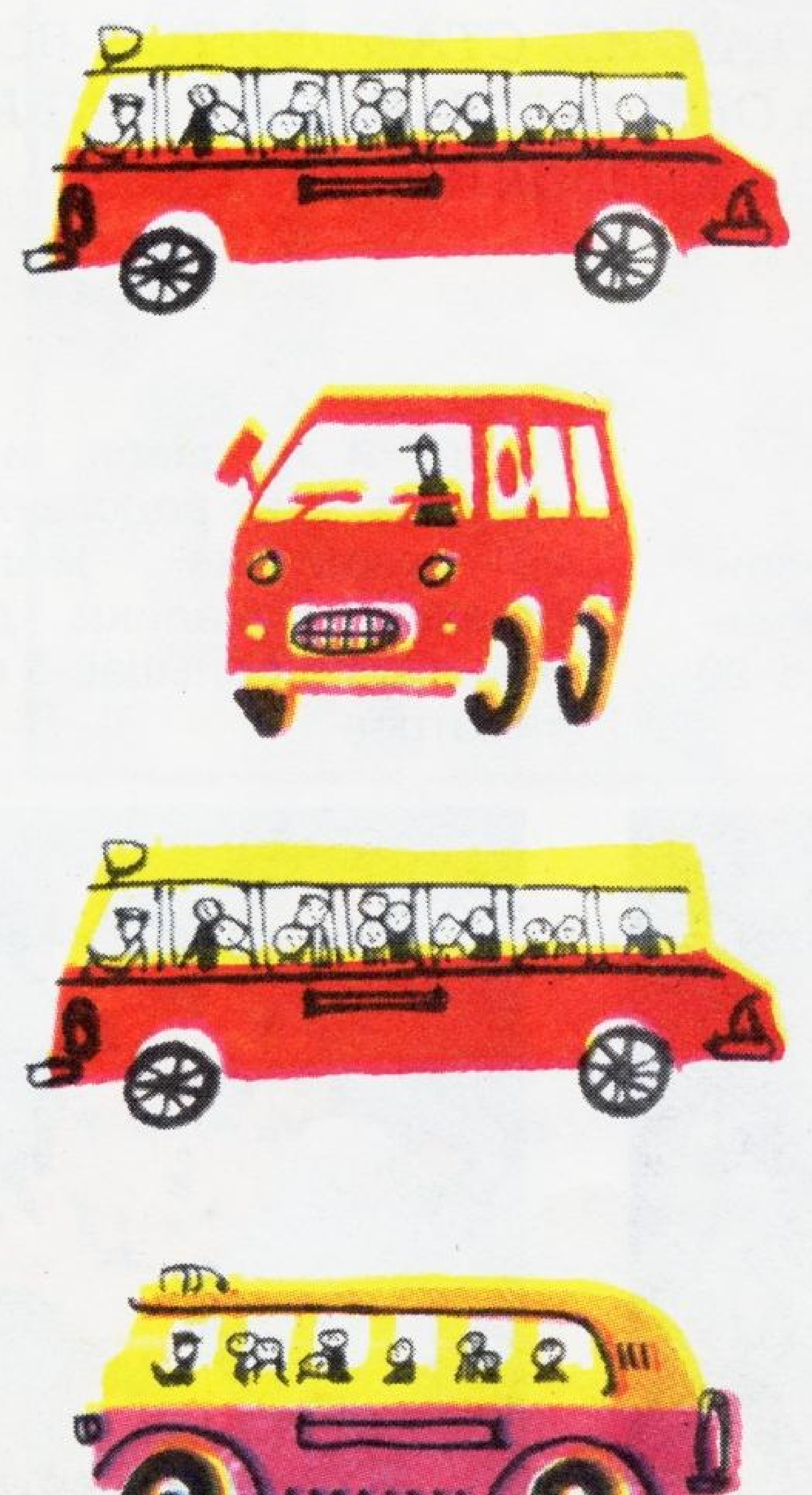
П. САВКО

чее, выделяющаяся энергия никогда не идет в дело на все сто процентов. Хорошо, если на тридцать — сорок. Эту величину называют коэффициентом полезного действия, коротко кпд. И никакой, даже самый гениальный изобретатель повысить его, скажем, вдвое, не может. Даже в живых организмах, устроенных природой гораздо лучше всякой машины, кпд около 60 процентов.

Куда же деваются остальные проценты? А вот куда. Часть энергии и мотор (горячий, раскаленный), и организм (теплокровный) тратят на отапливание окружающей среды, хотя среда в этом нисколько не нуждается. Никакая полезная работа при этом не совершается. Энергия тратится лишь на усиление хаотического, неорганизованного движения молекул. Иными словами, на рост энтропии. И избежать этого, увы, нельзя, это один из основных законов природы. Но если нельзя избежать, то разве не надо стараться хотя бы не отдавать проклятой вездесущей колдунье больше, чем ей положено?

Аккуратно складывать вещи... Разборчиво писать в тетрадях... Не тратить время и энергию впустую.

В. ИНОХОДЦЕВ



А теперь посчитайте сами!

БЕРЕЖЛИВЫЕ ШОФЕРЫ

В гараже сто автобусов, расходующих по 500 литров бензина в месяц. Коэффициент полезного действия их двигателей — 40 процентов. Сколько горючего в месяц шоферам удастся сэкономить при той же работе, если использовать заключенную в горючем энергию не на 40, а на 50 процентов?

После того, как задачу решили, ответ можете прочитать, поднеся к странице зеркало.

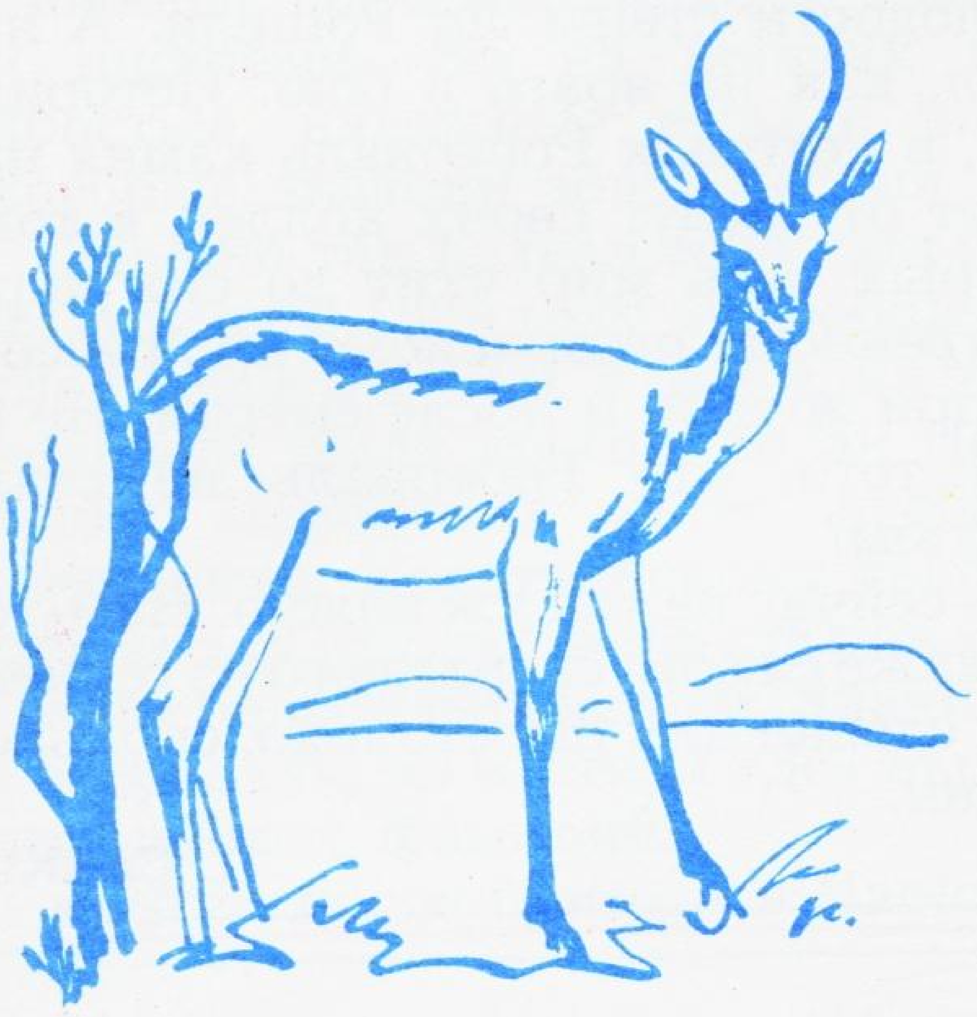
ОТВЕТ

Всего автобусы расходуют 50 тысяч литров бензина в месяц. На полезную работу идет: 0,4×100×500=20 000 литров. Если это количество станет составлять 50 процентов общего расхода, то общий расход будет 20 000×2=40 000 литров. А не 50 000, как при 40 процентах. Экономия — 10 000 литров! Вот что значит повысить коэффициент полезного действия.

ПРО ПТИЦ И ЗВЕРЕЙ

Ведет А. ПЛЕШАКОВ.

Научный консультант — доктор биологических наук, профессор А. В. ЯБЛОКОВ.



Под защитой Красной книги

У джейрана — новоселье

Еще не так давно люди охотились на этих животных, часто гонялись за ними по ночам на машинах с включенными фарами. И когда джейраны, оглушенные ревом моторов, ослепленные ярким светом, беспомощно останавливались, браконьеры стреляли в них почти в упор...

И вот джейран взят под охрану. Полностью запрещена охота, и браконьеры сурово наказываются. А недалеко от Бухары в пустыне создан специальный питомник, где эти антилопы живут в полной безопасности под наблюдением ученых.

— Джейранам у нас раздолье,— рассказывает научный сотрудник Елена Александровна Мухина,— почти как на воле. Питомник огромный, площадь его — пять тысяч гектаров! Только малышей поначалу приходится содержать в вольерах. Ученым важно наблюдать за их развитием в неволе. Мы очень любим джейранят, заботимся о каждом, и они к нам быстро привыкают. Вот, например, живут у нас два молодых джейрана — Заяц и Люська. С ними можно спокойно ходить хоть по всему питомнику: впереди идет человек, следом — эти два малыша. Веселые, жизнерадостные, любят поиграть в догонялки и пободаться... Когда они подрастут — вернутся в стадо. Дружба с человеком, как говорит наш опыт, не мешает им быстро привыкнуть к самостоятельной вольной жизни.

Сейчас в питомнике больше трехсот антилоп, а когда он открывался в 1977 году, их было всего сорок шесть. Скоро джейранов можно будет вновь расселять в самые дальние уголки пустыни, чтобы повсюду жили и радовали человека эти стройные, грациозные, стремительные антилопы, чтобы не только средневековые, но и современные поэты могли воспевать их в своих стихах.

В. СТОЯНОВ

О царевне-лягушке и ее сестрах

Кто только придумал, что жабы и лягушки некрасивы? Кто сочиняет про них всякие небылицы, вроде того, что от жаб на руках возникают бородавки?.. И кто так жесток, что убивает и мучает совершенно беззащитных животных, веря всем этим выдумкам? Погляди, какие большие, грустные глаза смотрят на тебя. И сколько спокойствия, сдержанности в этих существах. Кажется даже, что они гордо ждут, когда, наконец, мы будем к ним справедливы. А как удивительно они окрашены: одни скромно и нежно, другие ярко и броско...

Без лягушек и жаб туго бы пришлось лесоводам, садоводам, огородникам. Некоторые насекомые и слизни, размножившись, могут приносить культурным растениям немалый вред. А лягушки и жабы поедают их во множестве и тем самым регулируют их численность. Спасибо им за это!

НАШЕ ЗАДАНИЕ

Рассмотри внимательно фотографии, обрати внимание на то, чем отличаются друг от друга жабы и лягушки, жерлянки и квакши. Сможешь ли ты различать их в природе? И еще — правильно ли мы поступили, назвав их всех «квакушками»? Может быть, они не все квакают?

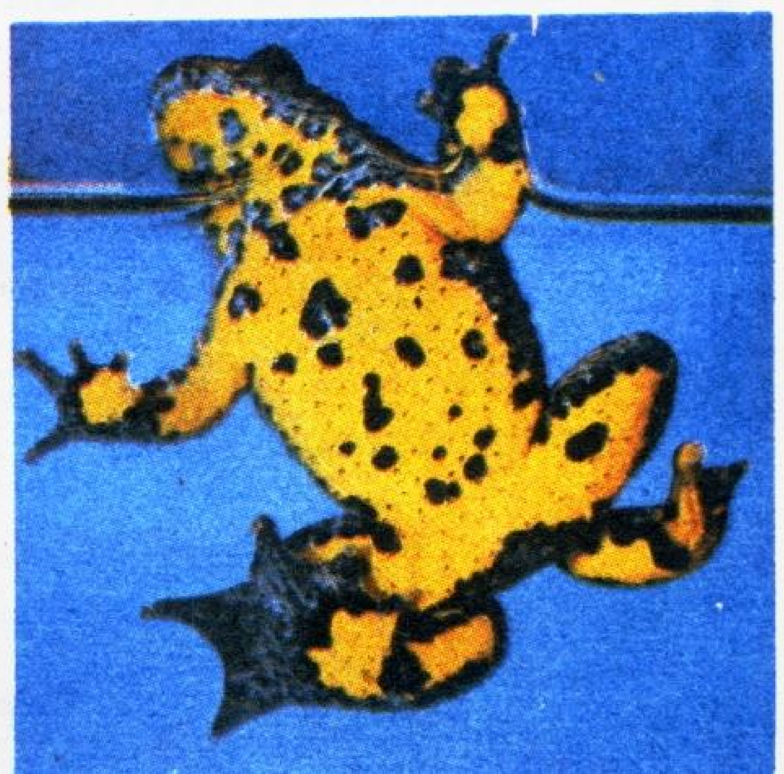
БЕРЕГИ ЛЯГУШЕК, ЖАБ И ПРОЧИХ ИХ ЗЕМНОВОДНЫХ РОДСТВЕННИКОВ! ПОМНИ, ВО МНОГИХ МЕСТАХ ИХ СТАНОВИТСЯ ВСЕ МЕНЬШЕ! А ВЕДЬ ОНИ СОСТАВЛЯЮТ В ПРИРОДЕ ОДНО ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗВЕНЬЕВ.

Травяная лягушка. Размером она такая же, как и зеленая жаба.

Обыкновенная квакша — близкая родственница жаб. Живет на деревьях. Она совсем маленькая, всего 4 сантиметра в длину.

Серая, или обыкновенная, жаба. Настоящая великанша, рост ее — до 20 сантиметров.

А это и не жаба, и не лягушка, а их родственница — **жерлянка желтобрюхая.** Невелика, длина — самое большее 5 сантиметров.



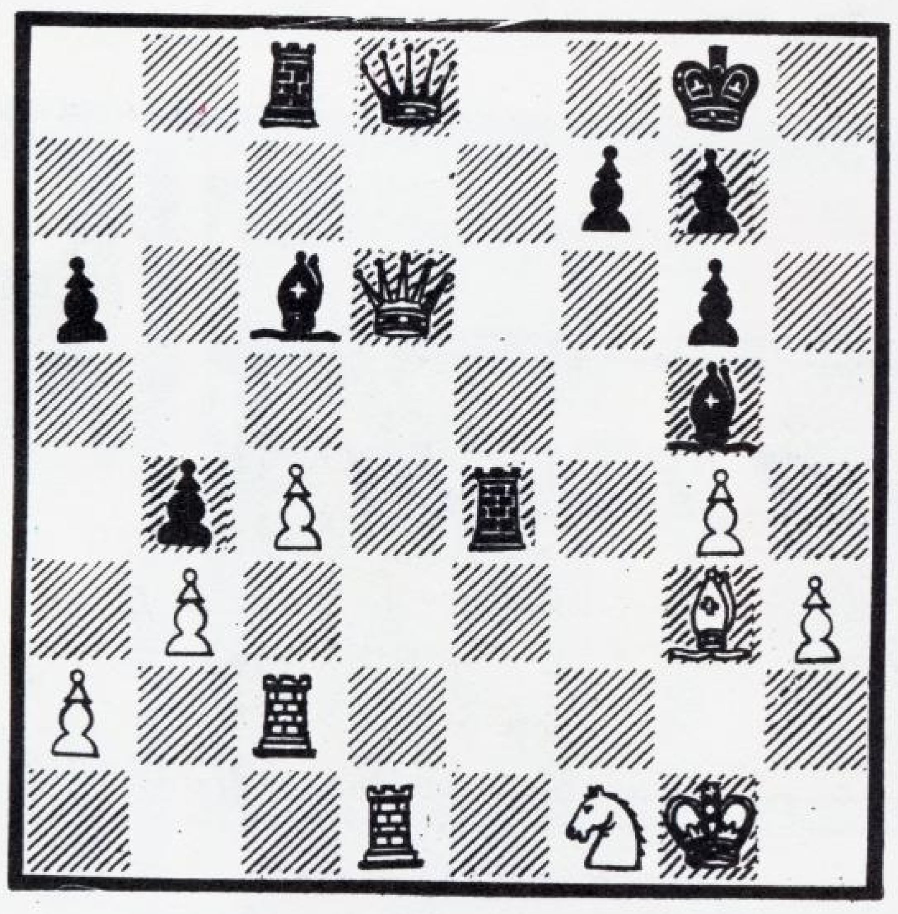
Чемпион Европы

Свой первый приз в шахматных соревнованиях Валерий Салов получил в 1973 году на финальном турнире клуба «Белая ладья» в Измаиле. Было тогда Валерию всего 9 лет. Во многом уступал ленинградский школьник своим более опытным соперникам. Но сражался упорно, в ряде партий добился успеха и был награжден призом нашего журнала «За мужество в спортивной борьбе».

Много работал Салов. Звание мастера он получил в 1979 году. А недавно студент Ленинградского университета Валерий Салов стал чемпионом Европы, опередив соперников из двенадцати стран.

Валерий просил передать лучшие пожелания всем участникам турниров «Белая ладья». «Путь к мастерству открыла мне «Белая ладья»,— говорит он.

Посмотрите окончание одной из партий чемпионата Европы. Белыми играл А. Кофидис (Греция), черными — В. Салов.



На доске материальное равенство, но положение белых трудное, позиция их короля ослаблена, очень сильны слоны черных.

События развивались так: 29... Фd8—e8 (конечно, черным нет смысла упрощать позицию) 30. Фd6—d3 Лc8—d8 31. Cg3—d6 Лe4—e6! 32. c4—c5 Cc6—e4 33. Фd3—c4 Ce4:c2 34. Фc4:c2 Cg5—e7.

Теперь, когда достигнуто материальное преимущество, размены уже выгодны черным.

35. Cd6:e7 Лd8:d1 36. Фc2:d1 Фe8:e7 37. Фd1—d4 Лe6—e4 38. Фd4—d5 Лe6—e5 39. Фd5—a8+ Kpg8—h7 40. Фa8:a6 Фe7:c5 41. Kpg1—h7 Фc5—d5+ 42. Kpg2—f2 Фd5—d4+ 43. Kpf2—g2 Фd4—e4 44. Kpg2—f2 Лe5—e6! Белые сдались.

Начало пути

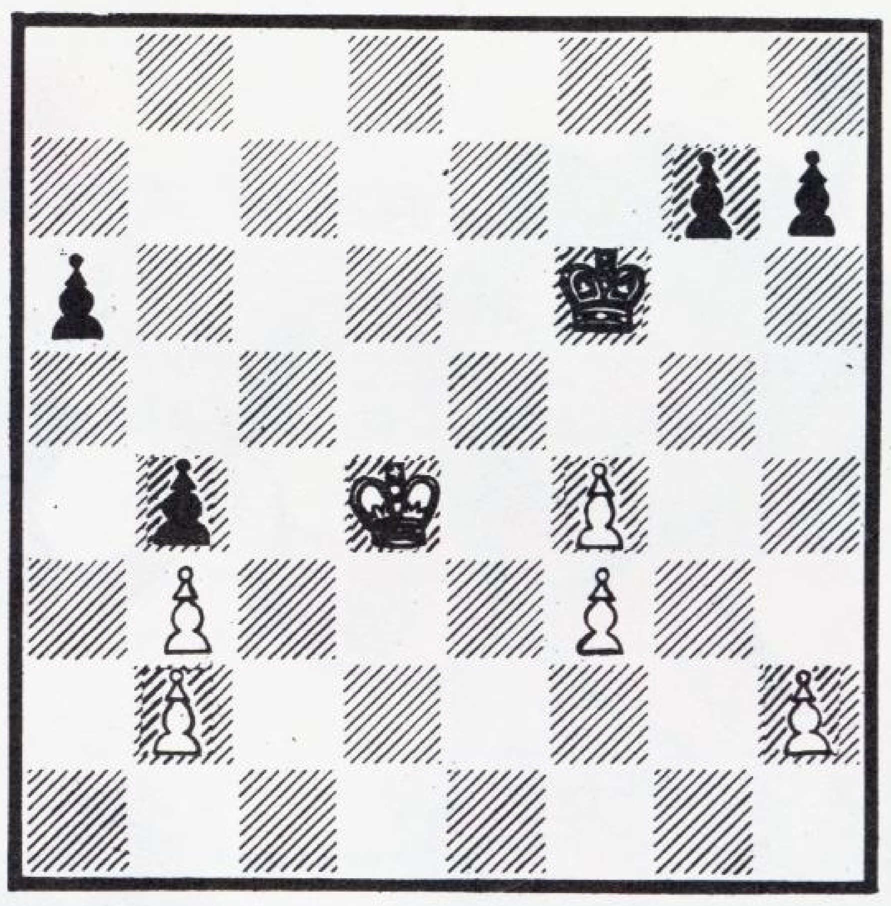
Пример Валерия Салова показывает, что школьные турниры закаляют спортивный характер, учат понимать и любить шахматы. Только эти турниры надо проводить организованно. Так, например, как провели ребята в Сандогорской средней школе (с. Сандогора, Костромская область). 14 мальчиков и девочек оспаривали звание чемпиона школы. Все партии выиграл ученик 4-го класса Женя Голубев, уверенно занявший первое место. Вторым был восьмиклассник Женя Мотылев. Третье, четвертое, пятое места разделили Ира Турыгина, Нина Мухина и Миша Соколов. У них по 9 очков. 12 участников турнира получили спортивные разряды.

Напоминаем вам, ребята. В редакцию можно присылать заверенные в школе таблицы турниров. Судейская коллегия присудит вам спортивные разряды. В таблицах обязательно указывайте точно имя и фамилию каждого участника, укажите, в каком классе он учится, какой у него спортивный разряд.

Пионерская шахматная школа

Принято считать, что шахматная партия делится на три фазы: дебют (начало игры), середина игры и эндшпиль (окончание). Как определить, когда возникает эндшпиль? Основная и главная примета: если король уже не нуждается больше в постоянной защите своих фигур и может активно участвовать в борьбе, значит, партия вступила в область эндшпиля.

Некоторым ребятам кажется, что в окончаниях после ряда разменов, и особенно размена ферзей, игра становится неинтересной. Это ошибочное мнение. Об этом мы еще будем говорить. А сейчас проверьте свое понимание эндшпиля.



Перед вами позиция, возникшая в одной из партий проходившего недавно первенства мира среди компьютеров. Белыми играл компьютер «Ну чесс», черными — «Белл».

Машины так завершили свой поединок: 38. Kpd4—e4 g7—g6 39. h2—h4 Kpf6—e6 40. f4—f5+ g6:f5 41. Kpe4—d4 Kpe6—d6 42. f3—f4 Kpd6—e6 43. Kpd4—c5 ab—a5 44. h4—h5 Kpe6—f7 45. Kpc5—d5 Kpf7—f6 46. Kpd5—d6 Kpf6—f7 47. Kpd6—e5 Kpf7—e8 48. Kpe5:f5.

Здесь компьютер «Белл» признал себя побежденным.

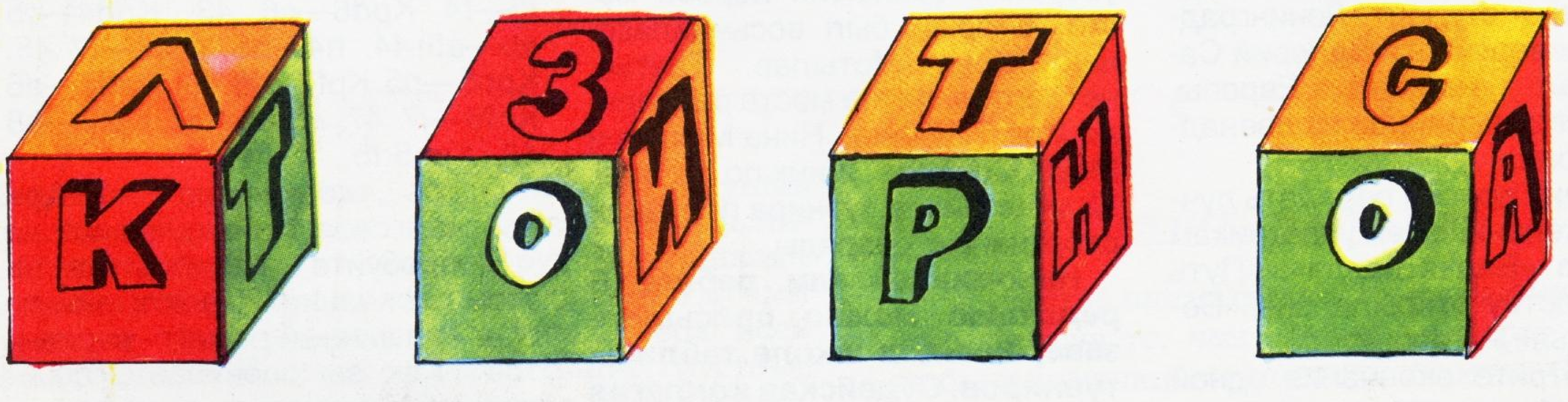
Попробуйте разобраться в этом окончании. Правильным ли был «машинный расчет» вариантов? Как вы оцениваете позицию, приведенную на диаграмме? Задание это непростое, и над ним надо как следует подумать. Ждем ваших писем, ребята. Желаем успеха!

УМА ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой:

Игры деда Буквоеда

ОХОТА за СЛОВАМИ

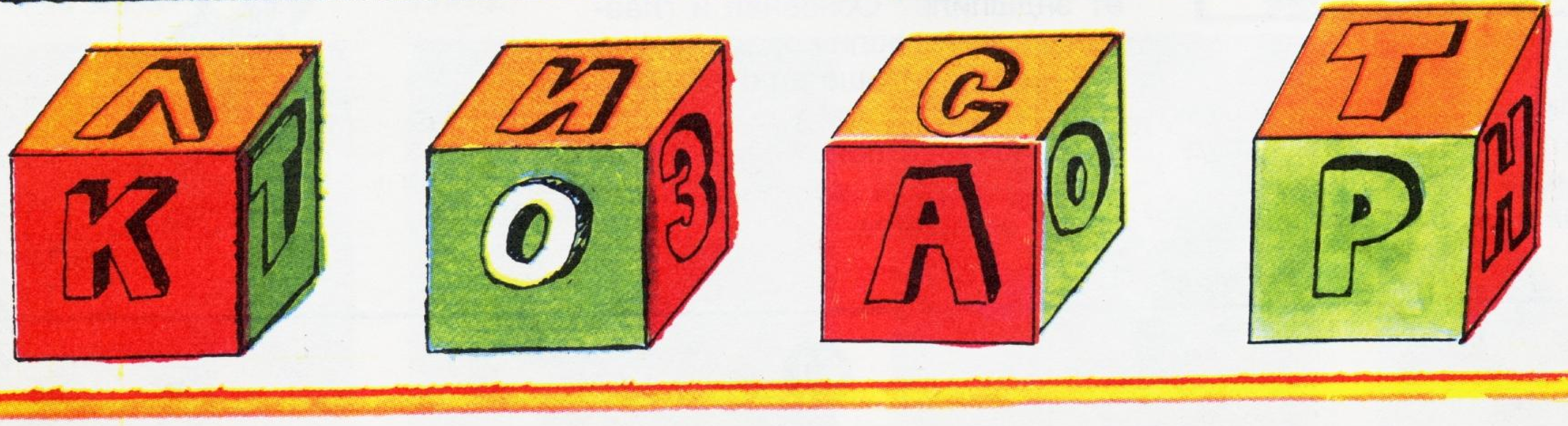


Всем приготовиться к охоте за словами!
Четыре кубика в загадке перед вами.

Все с буквами. Наш уговор таков:
Из кубиков сложить как можно больше слов.

Вот список мой. Извольте постараться!
Какие три словца составить не удастся?

Лист, слон, лото, стол, лиса, тина, коза, кино, нота, срок, роза.



Моя космическая лодка
Легка, изящна и проста,
Хотя на пульте у пилота
Различных дисков больше ста!

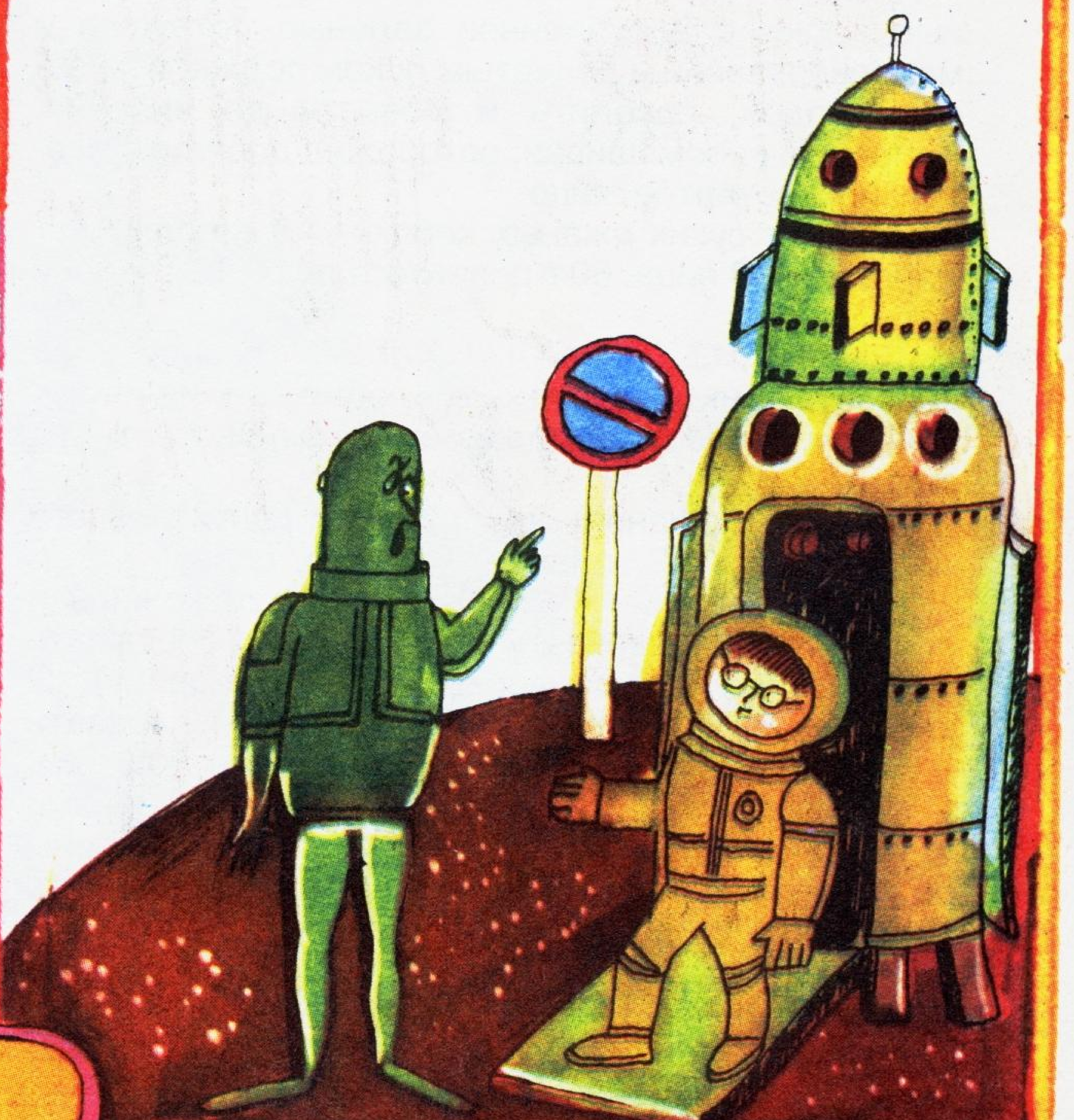
Перед тобой три важных диска:
Лишь тот, кто их секрет узнал,
Друзья мои, без тени риска
Садиться может за штурвал.

Примечание: эти три диска обеспечивают возвращение лодки на Землю. Лодка берет обратный курс, когда один из дисков повернут на одно деление так, что все его цифры становятся несовместимыми с цифрами какого-нибудь из двух остальных дисков. Сейчас единица совпадает на всех кругах. Какой диск при повороте займет такое положение, что ни одна из его цифр не совпадет ни с одной из цифр на одном из двух других? Неторопливо исследуйте этот вопрос.

Строгий марсианин

Чем недоволен марсианин?
Что говорит сердито он?
Должны вы догадаться сами.
Жду ваших писем. Всем поклон!

Живживка



Игры Лупы и Пинцета

Хлопок, рис, бамбук, пшеница

1
2
3
4

Хлопок, рис, бамбук, пшеница
Предлагают потрудиться:
Так расставьте их в тетрадке,
Чтобы марки сверху вниз
Шли в продуманном порядке.
(«Дружба с картой!» — наш девиз.)

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4

Капитан Перо ищет помощника

Бегемот-Звездочет: Планеты — Венера, Марс, Сатурн. Звезда — Сириус.

Игры Деда-Буквоеда

«Прошу на ринг!»: идол, нога, глаз; окно, кнут, соты.
«Клуб Мудрецов»: команда «А».

Игры Лупы и Пинцета

Секретное правило: на всех марках три представителя фауны, но на марке Сенегала четыре цапли.

ХЛЕБ — НАШЕ БОГАТСТВО. БЕРЕГИТЕ ХЛЕБ!

НЕ ПОКУПАЙТЕ ХЛЕБА БОЛЬШЕ, ЧЕМ МОЖЕТ ПОНАДОБИТЬСЯ!

Все мы любим хлеб — вкусный, свежий, ароматный. Но прошло немного времени, и он, увы,— черствый. Однако и из черствого хлеба хозяйка легко и просто приготовит вкусные блюда.

Предлагаем несколько рецептов:

ХЛЕБНЫЙ СУП ПО-КРЕСТЬЯНСКИ. Сухие хлебные корки с нарубленной зеленью петрушки и мелконарезанным репчатым луком поджарить, залить водой, посолить и довести до кипения. Непрерывно помешивая, осторожно добавить тщательно растертое яйцо.

На 300 г сухих ржаных корок — 1,5 л воды, 50 г маргарина, 3 яйца, 60 г репчатого лука, 15 г зелени петрушки.

ГРЕНКИ ИЗ РЖАНОГО ХЛЕБА. Ржаной хлеб нарезать тонкими ломтиками, обжарить на растительном масле и посыпать чесноком, растертым с солью.

На 200 г ржаного хлеба — 40 г растительного масла, 20 г (1/2 головки) чеснока, соль.

БАБКА С ЯБЛОКАМИ. Очищенные от кожицы и семян яблоки нарезать кубиками и пересыпать сахаром (можно добавить молотую корицу). С хлеба срезать корки. Хлеб (без корок) нарезать прямоугольными ломтиками толщиной 0,5 см. Оставшиеся обрезки нарезать мелкими кубиками и подсушить. Ломтики хлеба с одной стороны смочить в смеси из яиц, молока и сахара и уложить смоченной стороной вниз на сковороду (или в форму), покрыв дно и стенки. В середину положить подготовленные яблоки, смешанные с хлебными сухариками. Сверху покрыть ломтиками хлеба, уложив их смоченной стороной вверх, и запечь.

На 65 г пшеничного хлеба — 100 г яблок, 30 г молока, 1 яйцо, 20 г сахарного песка, 10 г маргарина.

ХЛЕБНЫЙ КВАС. Ржаные сухари положить в кастрюлю, залить кипятком, дать постоять 3—4 часа. Настой процедить, положить в него дрожжи, сахар и мяту кудрявую (можно без мяты). Накрыть салфеткой и оставить для брожения на 5—6 часов. Когда квас начнет пениться, его надо вторично процедить и разлить в бутылки, в которые предварительно положить по нескольку изюминок, и закупорить (пробки перед закупориванием размочить в кипятке, чтобы они стали эластичнее, а после укупорки закрепить шпагатом). Бутылки вынести в холодное место и оставить там в лежачем положении. Через 2—3 дня квас будет готов.

На 10—12 бутылок кваса — 1 кг ржаного хлеба, 25 г дрожжей, 200 г сахара, 20 г мяты и 50 г изюма.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ РЕКЛАМНОЕ АГЕНТСТВО «РЕКЛАМА»

СОДЕРЖАНИЕ

Малая пионерская энциклопедия
Пионерский парад.— Фотографии И. Снегирева .... II обл.
Письмо на броне.— Поэма В. Аушева 2
Вечерние игры.— Рассказ В. Крапивина 4
Круглый стол «Пионера» 14
Тимуровская операция «Сад Мира». — Рисунки А. Борисова 18
Весенний ветер. Чистое золото. Как из мухи сделали слона.— Стихи Асена Босева. Перевели С. Михалков, В. Викторов. Рисунок Д. Крылова 20
Пятое окно от угла.— Главы из повести В. Морозовой 22
Однажды в детстве я прочитал книгу 29
Отряд говорит с отрядом 30
Города-герои. Е. Селезнева. Фотографии В. Арсирия 32
Репортаж с улицы Юных ленинцев 34
Гербы и флаги.— Рисунок А. Гришина 37
Великие битвы сорок третьего года
Итоги викторины 38
Что нам читать? 39
Заблудившийся робот.— Фантастическая повесть Ю. Коринца. Продолжение. Рисунки Л. Хачатряна 40
Час в читальном зале.— Фотографии Н. Кочнева 50
Ты никогда не мечтал о собаке? — Рассказ С. Маркова 52
Переменка .... 55, III обл.
На научной волне 56
Про птиц и зверей 60
В стране шаха — владыки черных и белых полей 61
Ума палата 62
Хлеб — наше богатство 64
«Кораблик» .... IV обл.

На обложке:
«Сад Мира».— Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. БОРИСОВОЙ.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1984.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.03.84.
Подписано к печати 20.03.84. А 09948. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1 687 000 экз. Изд. № 918. Заказ № 2379.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПЕРЕМЕНКА

«ПОДСМОТРЕЛИНКИ»

В «Переменке» принято представлять членов жюри какого-либо конкурса.

Здесь мы знакомим вас с одним из членов жюри конкурса «Подсмотрелинки». Его имя — ***Игорь Гневашев.*** *Он фотокорреспондент. Как лучше всего познакомиться с фотокорреспондентом? По его работам! Вот вы видите некоторые из них на нашей странице. Комментирует фотоработы* **Людмила Бурова.**

С огромной собакой по имени Топуш я встречалась на съемках фильмов множество раз. В этот раз Топуш — артист многоопытный, одаренный и умный — должен был, по замыслу режиссера, впряженный в санки, возить мальчишек по улице. Мальчишкам это нравилось, собака работала хорошо, но съемка все время срывалась. Почему? Потому что каждый раз, когда веселая ватага начинала двигаться, перед ней выскакивала маленькая собачонка и лаяла, пугала мальчишек, словом, отчаянно мешала. И тогда режиссер объявил перерыв, подозвал Топуша и сказал ему: «Утихомирь ты эту сумасшедшую! Нельзя же работать». Топуш отошел в сторонку, взглядом строго подозвал к себе маленькую разбойницу, и мы все увидели, как она, встав на задние лапы, внимательно его выслушала, а потом, виновато опустив голову и виляя хвостом, исчезла.

Некоторые режиссеры утверждают, что среди животных есть прирожденные актеры. К ним, безусловно, относился и кот из хорошо известного фильма «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», которого вы видите на снимке. Любой движущийся предмет вызывал у него не спокойный интерес, а огромный энтузиазм. Все неподвижные предметы он немедленно заставлял двигаться. Кидал на пол горох и играл горошинами, с упоением крутил пластинку... Режиссеру только того и надо было от веселого пушистого актера...

Лошадь — чрезвычайно умное животное. И вовсе ей не взбрело бы в голову ни с того ни с сего прыгнуть с высоченного обрыва в реку. Но эта лошадь — артистка, и она, как и люди, привыкла верить режиссеру и слушаться его. Вот почему она вместе со всадником способна выполнить такой сложный, даже опасный трюк.

Лошадь и всадник выбрались на берег, помогая друг другу. Все кончилось благополучно.

С Леной ЗИМА «Кораблик» прощается: она девятиклассница. Очень давно, когда Лена была еще в третьем классе, она прислала нам первые свои рассказы. «Кораблик» принял на борт «Мой зоопарк», а через год снова взял в плавание очень серьезный рассказ «Увядший букет». С тех пор Лена написала еще много рассказов. Мы узнали ее поближе. Она хорошо учится, ведет дома все хозяйство — папа ее, военный, погиб, а мама часто болеет. Летом Лена работает пионервожатой в городском пионерском лагере — она не уезжает от мамы. Лена очень добрый, отзывчивый человек с хорошим чувством юмора. Печатая еще один рассказ москвички Лены Зима, «Кораблик» желает ей счастливого плавания в океане жизни!

ISSN 0130—8009

Удивительный дедушка

Из окна нашей квартиры виден большой яблоневый сад, а под самыми окнами растут вишни, груши и много, много цветов. В обычные дни какой-то пожилой человек, пенсионер, с самого утра уже хлопочет возле этих посадок. Он то пилой обрезает сухие нижние ветки, то граблями убирает прошлогодний мусор, то лопатой рыхлит землю, то что-то сажает. В общем, дедушка как дедушка, скромно одетый, в старой кепочке, в стоптанных ботинках, в выгоревшем пиджаке.

«Что это он так усердно работает?» — думала я, глядя на него. Я жила в этом доме недавно и ни с кем не была еще знакома. И про этого дедушку знала только, что он живет в соседнем подъезде. А потом мне рассказали, что все эти цветники и фруктовый сад посадил именно он.

Когда весной начали появляться первые цветы и на клумбах зацвела сирень, дедушка вечером бережно срезал их и садился возле своего подъезда с букетом. Шла я однажды домой из школы, а мне нужно было проходить мимо дедушкиного подъезда, и вдруг вижу — поднимается со скамейки навстречу мне этот дедушка, улыбается и протягивает ветку сирени. Сирень пушистая-пушистая и очень свежая, а запах — голова кружится. Ну, думаю, дедушка, наверное, ошибся, за кого-то меня принял. И я ему говорю: «Дедушка, да я чужая». А он отвечает: «Да какая же ты чужая, ты в нашем доме живешь, я тебя не раз видел. А цветы тебе дарю, чтобы беды у тебя дома не было. Есть такая поговорка: в доме цветы — значит, нет и беды». «Вот удивительный дедушка!» — подумала я и поблагодарила за цветы. Оказывается, он не только мне, но и всем приходящим с работы жильцам дарил цветы, просто так, чтобы поднять им настроение после трудового дня. Пришла я домой, поставила сирень в воду, смотрю на нее, а у самой на душе такая радость, будто мне пятерку кто-то из учителей поставил. И от этой капли чужого тепла мне тоже захотелось сделать кому-нибудь что-то хорошее. Взяла я тряпку, стала мыть пол: думаю, вот удивлю маму — придет она усталая с работы, а у меня в квартире чистота.

Девятого мая у нас в школе был вечер встречи с ветеранами Великой Отечественной войны. Сидели наши гости на почетных местах, на маленькой школьной сцене. Орденов у них — видимо-невидимо! И среди ветеранов был один очень представительный полковник. Смотрю я на него и чувствую: уж очень мне знакомо его лицо. Может, я его фотографию в газете или в книге видела? Важный гость, наверное, приехал откуда-нибудь из центра на своей машине.

Когда вечер кончился, я вышла из школы — гляжу, этот полковник стоит у школьных дверей и прощается с другими военными. Увидев меня, он оживился, повеселел и сказал: «А вот мне и попутчица!» Я смутилась и остановилась, удивленная. Полковник подошел ко мне ближе, и только тут я поняла, что это наш дедушка из соседнего подъезда! Мы пошли узкой тропкой к нашему дому, а дедушка по пути стал расспрашивать меня о школьных делах.

Вот какой удивительный дедушка!

«НАШИ ДЕЛА».
Работа Светы ПРУДОВСКОЙ, 9 лет.

** «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя **

Цена 30 коп. Индекс 70694.